

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 3 (109)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2025

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе.

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и международного права, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Баишева Зилья Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, отличник образования Республики Башкортостан, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры админи-

стративно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Варданиян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталия Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России по учебной работе.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгород-

ского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, методист службы развития и проектов Петербургского педагогического колледжа имени Н.А. Некрасова.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, проректор по образовательной деятельности Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Надгачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Высшей школы за

рубежной филологии лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Овсеян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии наук, профессор кафедры конституционализма Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Государственного университета просвещения.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка Л. Р. Байдавлетова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 26.09.2025. Дата выхода в свет: 30.09.2025.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 77. Цена свободная.

BULLETIN
of Ufa Law Institute of MIA of Russia

No. 3 (109) 2025

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Pozharsky Dmitry Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeny Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and International Law, Director of the Law Institute of Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Aleksandr Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bezlepkin Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadieyevich – Doctor of Philology, Professor, Interim Director of the Institute of Humanities and Social Sciences of Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Natalia Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for academic affairs.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin for scientific work.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Candidate of History, Associate Professor, Full Member

of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Professor of the Department of Law at the Eastern Economic of Legal and Humanitarian Academy.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, methodologist of the development and project service of St. Petersburg Pedagogical College named after N.A. Nekrasov.

Iyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law of Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Vice-Rector for Educational Activities of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Dean of the Law Faculty of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachayev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication of the Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanitarian and Social Sciences of Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Constitutionalism of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of the State University of Enlightenment.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Research Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the

Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of Nizhny Novgorod Branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Red'ko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout L. R. Baidavletova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 26.09.2025. Release date: 30.09.2025.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 25. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 77. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

- Мутигуллин А. В., Бутов С. В.* Теоретические аспекты государственно-правового регулирования деятельности войск и органов НКВД СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР в 1944–1955 гг. 11
- Сидорук А. Ю.* Классификация правовых форм ограничения публичной власти. 19

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

- Беженцев А. А.* Информационные отношения в сфере массовой информации: административное регулирование. 29
- Иванников И. А., Маликов Б. З.* Конституционные основы равенства, единства народа России и проявления уголовно-правовых мотивов ненависти и вражды (часть первая) 37
- Федулов Б. А., Заречнев Д. О., Гричанов А. С.* Взаимодействие участкового уполномоченного полиции с населением как основа борьбы с экстремизмом и терроризмом 50

Частно-правовые (цивилистические) науки

- Клец П. В.* Реализация положений гражданского законодательства о разделе единого недвижимого комплекса: теория и практика 58
- Малютина О. А., Супрунов А. Г.* Фейк-ньюс как угроза деловой репутации органов внутренних дел. 65

Уголовно-правовые науки

- Иванов П. И.* Формирование оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации (проблемы и пути их решения) 74
- Милюкова А. В.* История развития представлений об уголовно-процессуальных актах. 84
- Соколова А. В.* Цифровая обработка криминалистически значимой информации на примере судебно-баллистической экспертизы 91
- Толкачев К. Б.* Совершенствование законодательства в сфере противодействия киберугрозам национальной безопасности 102
- Харисова З. И.* Концепция глобального нейросетевого криминалистического кластера данных в области противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации. 116

Общие вопросы языкознания.

Лингводидактика. Юрислингвистика

- Баишева З. В.* Метод мозгового штурма в обучении речевым дисциплинам в юридическом вузе 126
- Гусейнова Т. В.* Виртуальные экскурсии как эффективное средство развития у иностранных обучающихся навыков выражения категории локативности на русском языке. 133
- Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А.* Выражение негативного отношения в газетных заголовках 141
- Посиделова В. В., Резникова А. В., Чунахова Л. В.* Фразовые глаголы в англоязычном юридическом дискурсе и способы их передачи на русский язык. 148

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

- Илакавичус М. Р., Моргунов А. М.* Понятие «цифровой образовательный контент» в современной педагогике. 155
- Ковалев О. Г.* Психолого-педагогические механизмы генезиса неблагоприятных факторов, влияющих на формирование личности несовершеннолетних осужденных 169

<i>Кравчук Л. С.</i> Международный педагогический опыт как инструмент модернизации профессионального образования МВД России	174
<i>Кузнецова Л. В.</i> Профессиональное самоопределение курсантов как результат активизации субъекта в процессе обучения	185
<i>Тищенко Ю. Ю.</i> Совершенствование работы по исправлению несовершеннолетних правонарушителей	195
Памятка	200

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

- Mutigullin A. V., Butov S. V.* Theoretical aspects of the state-legal regulation of the activities of the troops and bodies of the NKVD of the USSR in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR in 1944–1955 11
- Sidoruk A. Yu.* Classification of legal forms of restriction of public power..... 19

Public law (state law) sciences

- Bezhentsev A. A.* Information relations in the sphere of mass information: administrative regulation29
- Ivannikov I. A., Malikov B. Z.* Constitutional foundations of equality, unity of the people of Russia and manifestations of criminal law motives of hatred and enmity (part one) 37
- Fedulov B. A., Zarechnev D. O., Grichanov A. S.* Interaction of the district police officer with the population as a basis for combating extremism and terrorism 50

Private law (civil law) sciences

- Klets P. V.* Implementation of the provisions of civil legislation on the division of a single real estate complex: theory and practice. 58
- Malyutina O. A., Suprunov A. G.* Fake news as a threat to the business reputation of internal affairs bodies.....65

Criminal law sciences

- Ivanov P. I.* Formation of operational search policy in the context of digital transformation (problems and ways to solve them)..... 74
- Milikova A. V.* History of the development of ideas about criminal procedure acts 84
- Sokolova A. V.* Digital processing of forensically significant information using the example of forensic ballistics 91
- Tolkachev K. B.* Improving legislation in the field of countering cyber threats to national security...102
- Kharisova Z. I.* The concept of a global neural network forensic data cluster in the field of countering computer information crimes 116

General issues of linguistics.

Linguodidactics. Legal linguistics

- Baishева Z. V.* Brainstorming method in teaching speech disciplines in law school..... 126
- Guseynova T. V.* Virtual tours as an effective means of developing foreign learners' skills in expressing the category of locativity in Russian..... 133
- Koshevarova Yu. A., Bezzemelnaya O. A.* Expressing negative attitude in newspaper headlines...141
- Posidelova V. V., Reznikova A. V., Chunakhova L. V.* Phrasal verbs in English legal discourse and ways of their translation into Russian..... 148

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

- Ilakavicius M. R., Morgunov A. M.* The concept of “digital educational content” in modern pedagogy155
- Kovalev O. G.* Psychological and pedagogical mechanisms of genesis of unfavorable factors influencing the formation of personality of juvenile convicts 169
- Kravchuk L. S.* International pedagogical experience as a tool for modernizing professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia 174
- Kuznetsova L. V.* Professional self-determination of cadets as a result of subject activation in the learning process 185
- Tishchenko Yu. Yu.* Improvement of work on correction of juvenile offenders..... 195

- Instruction** 200

Научная статья
УДК 351.74.078 (47)"1944/1945

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК И ОРГАНОВ НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С ФАШИСТСКО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ СССР В 1944–1955 ГГ.

Александр Владимирович Мутигуллин¹, Сергей Валерьевич Бутов²

^{1,2} Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ 04mutigullin1989@mail.ru, ORCID: 0009-0006-8820-069X

² scorpioserg@list.ru, ORCID: 0000-0002-5775-0713

Аннотация. В статье на основе исследования доктринальных источников в различных трудах ученых-юристов, а также анализа нормативных правовых данных определяется понятие государственно-правового регулирования деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. Анализируются ключевые понятия, отражающие правовые аспекты государственно-правового регулирования борьбы с фашистско-националистическим подпольем. Дается характеристика государственно-правового регулирования борьбы с фашистско-националистическим подпольем, понятий «фашизм», «национализм», «подполье». Определяется объект правового регулирования борьбы с подпольем. Рассмотрены основные направления борьбы с подпольем. Данная категория рассматривается в рамках осуществления борьбы органов и войск НКВД СССР с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Белоруссии и Прибалтике в 1944–1955 гг.

Ключевые слова: государственно-правовое регулирование, фашистско-националистическое подполье, правоохранительная деятельность, национализм, фашизм, подполье, государственная суверенная идеология.

Для цитирования: Мутигуллин А. В., Бутов С. В. Теоретические аспекты государственно-правового регулирования деятельности войск и органов НКВД СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР в 1944–1955 гг. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 11–18.

Original article

THEORETICAL ASPECTS OF THE STATE-LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE TROOPS AND BODIES OF THE NKVD OF THE USSR IN THE FIGHT AGAINST THE FASCIST-NATIONALIST UNDERGROUND IN THE WESTERN REGIONS OF THE USSR IN 1944–1955

Alexander V. Mutigullin¹, Sergey V. Butov²

^{1,2} Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ 04mutigullin1989@mail.ru, ORCID: 0009-0006-8820-069X

² scorpioserg@list.ru, ORCID: 0000-0002-5775-0713

© Мутигуллин А. В., Бутов С. В., 2025

Abstract. Based on the study of doctrinal sources in various works of legal scholars, as well as the analysis of regulatory legal data, the article defines the concept of the state-legal regulation of activities to combat the fascist-nationalist underground. The key concepts reflecting the legal aspects in the state-legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground are analyzed. The characteristics of the state-legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground, the concepts of “fascism”, “nationalism”, “underground” are given. The object of legal regulation of the fight against the underground is determined. The main directions of the fight against the underground are considered. This category is considered in the context of the fight of the bodies and troops of the NKVD of the USSR against the fascist-nationalist underground in Ukraine, Belarus and the Baltic States in 1944–1955.

Keywords: state-legal regulation, fascist-nationalist underground, law enforcement, nationalism, fascism, underground, state sovereign ideology.

For citation: Mutigullin A. V., Butov S. V. Theoretical aspects of the state-legal regulation of the activities of the troops and bodies of the NKVD of the USSR in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR in 1944–1955 // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 11–18. (In Russ.)

Введение

В отечественной действительности конца XX – начало XXI в., особенно в последние годы, стала весьма актуальной история событий, связанных с деятельностью националистических организаций и вооруженных формирований на Украине, в Белоруссии и Прибалтике в завершающий период Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. Очевидно, что руководство страны, видя угрозу национальной безопасности государства, которую несет фашистско-националистическое подполье своими преступными, бандитскими, террористическими действиями, сформировало соответствующее государственно-правовое регулирование борьбы с подпольем и его вооруженными бандформированиями. Рассматривая понятие «государственно-правовое регулирование борьбы с фашистско-националистическим подпольем», отметим, что данная категория анализируется в рамках борьбы государственных органов с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Белоруссии и Прибалтике в 1944–1955 гг.

Методы

В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, исторических и нормативных правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также срав-

нительно-правовой, историко-правовой методы в силу историко-правового характера статьи.

Результаты

Проведенный анализ показал, что государственно-правовое регулирование деятельности государственных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем отвечало особенностям политико-правового режима СССР. Очевидно, что в условиях коммунистического режима идеологическая составляющая имела тенденцию к ужесточению, что впоследствии обеспечило эффективность по предупреждению и выявлению националистических проявлений. В свою очередь, принципы борьбы с фашистско-националистическим подпольем соответствовали интересам государства и народа. Логическим завершением являлось закрепление данных принципов в источниках права. Следует отметить, что принципы борьбы с подпольем приобретали общеобязательный, публичный характер, а государство выступало в качестве гаранта, обеспечивающего соблюдение, исполнение, применение соответствующих предписаний [1, с. 24].

Анализируя нормативный материал, прямо или косвенно затрагивающий вопросы борьбы с фашистско-националистическим подпольем, следует сделать вывод, что правовые основы деятельности по ликвида-

ции подполья представляли собой систему норм взаимодействующих между собой правовых актов, направленных на ликвидацию националистической идеологии и фашистско-националистической деятельности.

Профессор Н. И. Матузов отмечает, что государственно-правовое регулирование неразрывно связано с правоохранительной функцией государства, которой присущи определенные признаки, такие как юридические меры воздействия, предписываемые законом или иным правовым актом¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что борьба с фашистско-националистическим подпольем осуществлялась в форме правоохранительной деятельности. В результате анализа юридических материалов можно отметить, что Н. В. Волков рассматривает правоохранительную деятельность при помощи двух подходов: позитивистского и естественно-правового [2, с. 92]. Если рассматривать борьбу с фашистско-националистическим подпольем изначально с той позиции, что она осуществляется государством в лице его органов и должностных лиц, следовательно, она должна анализироваться с точки зрения позитивистского подхода. Далее это позволит обозначить полномочия субъектов правоохранительной деятельности, а также права граждан, подпадающих под правоохранительную деятельность. Следует отметить, что в реалиях сегодняшнего дня, когда возросла угроза распространения националистической идеологии, борьба с этими проявлениями должна осуществляться несколькими видами правоохранительной деятельности: профилактикой национализма, пресечением националистических проявлений, контрольно-надзорной деятельностью, привлечением к ответственности и исполнением наказания за националистическую деятельность.

Представляется, что проблема, связанная с формулировкой некоего общего понятия, заключается не только в концептуаль-

ных различиях, но и в терминологической и понятийной несогласованности. Вместе с тем для того, чтобы юридизировать какое-либо понятие, необходимо подробно рассмотреть само сложное общесоциальное явление и определить его суть. В нашем случае это относится к объекту правового регулирования, определяемого как «фашистско-националистическое подполье». Чтобы рассмотреть и дать определение объекта правового регулирования борьбы с фашистско-националистическим подпольем, необходимо проанализировать такие понятия, как «фашизм», «национализм» и «подполье», которые в совокупности с характерными особенностями раскрывают и дают представление о нем [3, с. 122].

Для полной характеристики данных понятий были проанализированы различные трактовки их сущности. Изучив массив определений подполья, авторы обобщили основополагающие характеристики и определили его как деятельность группы, организации в условиях строгой тайны, направленную против власти.

Отметим, что наиболее точное определение понятия «фашизм» дает социологический словарь, в котором он рассматривается как «форма движений, характеризующаяся насилием над массами, включающая систему массовых организаций и разветвленный аппарат идеологического воздействия, дополняемых системой массового террора, использующую псевдоревolutionные и националистические лозунги и формы организации масс для маскировки тотального насилия»². Из общего количества определений можно выделить основополагающие характеристики, определяющие фашизм: идеологическую составляющую, систему организаций и разветвленный аппарат, насилие над массами, националистические лозунги и формы организации.

Если рассматривать национализм, то в толковом словаре С. И. Ожегова он трак-

¹ Матузов Н., Малько А. Теория государства и права. Москва: Дело, 2017. С. 125.

² Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2022. С. 345.

туется как «идеология и политика, исходящая из национального превосходства и противопоставления своей нации другим»¹. В социологическом словаре при характеристике данного понятия отмечается «замкнутость, превосходство, национальная исключительность»². В советском государстве понятие «национализм» неразрывно было связано с капитализмом и исходило из буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и политики, поэтому в нашей стране с учетом отечественной истории и тех противоречий в отношениях между нациями, которые носили конфликтный характер, оно имело только негативную характеристику.

Понятие «национализм» в контексте системного анализа необходимо рассматривать как комплексную категорию, состоящую из концептуальной (националистической идеологии) и праксиологической (националистической деятельности) частей [4, с. 38]. По мнению авторов, под националистической идеологией надо понимать агрессивное, примитивное по своей сути воззрение на решение социальных явлений путем насилия. Данная категория здесь представляется со стороны убеждения, поэтому националистическая деятельность представляет собой определенные действия, направленные на достижение целей, выдвинутых идеологией и носящих опасный, противоправный, антигосударственный характер.

Таким образом, понятие «фашистско-националистическое подполье» включает в себя три понятия, охватывающие ряд особенностей и характеристик. Если рассматривать эти особенности и характеристики в совокупности и в рамках определения понятия «фашистско-националистическое подполье», то под ним понимается политико-идеологическая деятельность на-

циональных групп, организаций в условиях конспирации, направленная против власти, использующая комплекс политических, идеологических, культурных, репрессивных, насильственных мер для достижения идей исключительности, замкнутости и превосходства.

После определения объекта правового регулирования необходимо рассмотреть само понятие государственно-правового регулирования деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. Следует отметить, что научное определение категории «правовое регулирование» вошло в оборот в 1960-х годах XX века. Одним из первых ученых-юристов, который предложил в условиях социалистического общества рассмотреть природу правового регулирования, был С. С. Алексеев. Категория «правовое регулирование» по своей сути емка и многогранна, ввиду этого в юридической науке существует множество различных подходов к ее трактовке [5]. Помимо этого, данное понятие возможно рассматривать с подхода в содержании ее различных структурных элементов. В своем труде ученый дал следующее определение рассматриваемому феномену: «осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения» [6]. Также вопросы взаимодействия права на общественные отношения были проанализированы в трудах Н. Г. Александрова. В юридической науке при рассмотрении вопросов правового регулирования распространенным остается инструментальный подход к сущности права, отраженный в трудах С. А. Комарова³. Основоположником инструментального подхода, который получил наибольшее распространение в советский период, был ученый-юрист С.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз., 1988. С. 389.

² Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2022. С. 389.

³ Комаров С. А. Общая теория государства и права / 10-е изд., испр. и доп. Москва: ЮРАЙТ, 2022. 528 с.

С. Алексеев. Данный подход к пониманию права доминирует в учебной литературе в области теории права [7, с. 255]. Автор подчеркивает, что в качестве исключения можно выделить научные труды В. С. Нерсесянца, который сформировал новый подход к праву – либертарный [8, с. 167].

На основе анализа множества научных трудов последних лет стоит отметить, что в «природе» и содержании правового регулирования наметились определенные тенденции в характеристике данного юридического феномена [9, с. 154]. В процессе изучения исследуемой проблематики ученые-юристы предлагали различные формулировки правового регулирования. Если рассматривать понятие «государственно-правовое регулирование», то здесь стоит отметить, что оно в научном обороте встречается довольно редко [10, с. 56]. Указанный факт свидетельствует о том, что данная категория не получила широкого понимания среди ученых-юристов.

В результате исследования доктринальных источников по определению правового регулирования, правового воздействия, государственно-правового регулирования, нормативных правовых актов, анализа судебной практики по уголовным делам в отношении руководителей фашистско-националистических банд, организации деятельности государственных органов по ликвидации фашистско-националистического подполья и его вооруженных бандгрупп авторами сформулировано собственное определение понятия «государственно-правовое регулирование деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем»: осуществляемое государством при помощи специальных правовых (юридических) средств целенаправленное юридическое воздействие, направленное на правовые отношения, возникающие при организации деятельности по противодействию политико-идеологической деятельности национальных организаций, групп.

Использование органов и войск НКВД в борьбе с фашистско-националистическим подпольем, а также специфика выполняе-

мых задач требовали от руководства страны четкого государственно-правового регулирования как важной части всего процесса управления. Очевидно, что чем совершеннее становились нормы права и их государственно-правовое регулирование, тем эффективнее была деятельность войск и органов НКВД в деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. Более того, ставка на функционирование и совершенствование государственно правового регулирования в обстановке, когда активно действует фашистско-националистическое подполье, имела огромное значение на пути повышения эффективности борьбы до полной ликвидации подполья.

Стоит отметить, что до наступления на Украине в 2014 г. известных событий [11, с. 99–100] в юридической науке направление государственно-правового регулирования деятельности войск и органов НКВД по борьбе с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Прибалтике и Белоруссии практически не исследовалось. Тем более «с началом проведения Специальной военной операции в феврале 2022 г., когда страна вновь столкнулась с проблемой борьбы с националистическими силами» [12, с. 178–180], становится очевидна правомерность и своевременность постановки проблемы изучения государственно-правового регулирования деятельности войск и органов НКВД СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Прибалтике и Белоруссии в 1944–1955 гг. [13, с. 12].

В своей работе профессор В. П. Сальников отмечает, что «России по-прежнему требуется положительная суверенная государственная идеология, лишённая принудительности и тоталитарности, но исполненная величием стоящих перед обществом исторических и культурных задач и достоинства тех средств, которые будут употребляться для их успешного разрешения» [14, с. 17]. Так, если рассматривать борьбу с националистическими силами, то в рамках идеологической основы будут иметь место множество различных оснований, объединённых в качестве

общей политической силы, направленной на противодействие националистическому подполью. В рамках идеологических основ должны быть выработаны стратегические основы разрешения проблемы, установиться ценностные приоритеты, а также общие, основные начала противодействия националистическим силам.

Идеологические основы, которые соответствуют интересам политики государства, должны получать свое закрепление в источниках права, что в свою очередь ведет к приобретению ими общеобязательного и публичного характера. Как отмечает профессор А. Г. Хабибулин, государство здесь выступает в качестве гаранта, обеспечивающего соблюдение, исполнение, возможность использования соответствующих предписаний. Это является основанием для формирования правовых основ противодействия националистическим силам [15, с. 252].

Заключение

Так, можно сделать вывод о том, что правовые основы противодействия националистическим силам – это система правовых

норм, направленных на противодействие националистической идеологии и деятельности националистических организаций, групп. Эффективность этой системы во многом устанавливается ее соответствием идеологическим основам, которые определяют предметное единство нормативного материала. Важно отметить, что идеологическая составляющая должна находить свою основу в правовых нормах.

Таким образом, в настоящее время необходимо укреплять государственно-правовое регулирование деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции, после ее завершения в ДНР, ЛНР, Херсонской, Запорожской областях, в частности формировать единую суверенную нормативную правовую основу борьбы с националистическими силами, пособниками национализма с учетом историко-правового опыта борьбы государственных органов СССР с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Прибалтике и Белоруссии в 1944–1955 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мутигуллин А. В. Правовое регулирование борьбы с фашистско-националистическим подпольем на освобожденных от оккупации территориях Западной Украины, Прибалтики, Белоруссии (1944–1955 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 23–32.
2. Волков Н. В. Государственно-правовой механизм противодействия экстремизму и место в нем органов внутренних дел (теоретико-прикладной анализ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 201 с.
3. Мутигуллин А. В., Никонов Д. А. Правовые основы деятельности советских органов по привлечению к ответственности участников фашистско-националистического подполья и их пособников в западных регионах СССР // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат: сборник научных статей II Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Эпицентр, 2024. С. 120–125.
4. Петухова М. В., Вотченко И. А. Нацизм во Второй мировой войне и в современных условиях (военно-правовой аспект: на примере проведения специальной военной операции по денацификации Украины) // Военное право. 2025. № 1 (89). С. 37–39.
5. Игнатьева С. В. Модели государственно-правового регулирования предпринимательства за рубежом – историко-правовой опыт // Образование и право. 2022. № 6. С. 249–257.
6. Фастович Г. Г. К вопросу о теоретическом исследовании правовой категории «государственный механизм» // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 51–53.
7. Мухортов Р. А., Зеленин Ю. А. К вопросу о правопонимании и правоприменении в современной России // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2020. № 17. С. 253–256.
8. Право и культура: монография / В. С. Нерсесянц и др.; отв. ред. Н. С. Соколова. Изд. 2-е изд., перераб. Москва: Российский университет дружбы народов, 2009. 256 с.

9. Нерсесянц В. С. Выступление на заседании круглого стола «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–72 // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 153–157.
10. Минникес И. А. Регулирование: правовое, государственно-правовое или государственное (концепция Н. А. Пьянова) // Академический юридический журнал. 2020. № 1 (79). С. 55–59.
11. Литвинов Н. Д., Родионов Д. А., Сальников М. В. Неонацистское государство Украина – источник диверсионно-террористических угроз национальной безопасности России: криминологические и контрразведывательные аспекты // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 95–131.
12. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Университет, 2022. 490 с.
13. Мутигуллин А. В. «Политический бандитизм» и борьба с ним в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике в 1944–1955 гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 10–17.
14. Сальников В. П., Сальников М. В., Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. № 3 (41). 2015 С. 16–22.
15. Хабибулин А. Г. Идеология как фактор политической субъектности государства // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 251–258.

REFERENCES

1. Mutigullin A. V. Legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground in the territories of Western Ukraine, the Baltics, and Belarus liberated from occupation (1944–1955) // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (109). P. 23–32. (In Russ.)
2. Volkov N. V. State and legal mechanism for countering extremism and the place of internal affairs agencies in it (theoretical and applied analysis): dis. ... Cand. of Law. St. Petersburg, 2006. 201 p. (In Russ.)
3. Mutigullin A. V., Nikonov D. A. Legal foundations for the activities of Soviet bodies to bring to justice participants in the fascist-nationalist underground and their accomplices in the western regions of the USSR // The main process of humanity. Nuremberg alarm: collection of scientific articles of the II All-Russian scientific conference with international participation. St. Petersburg: Epicenter, 2024. P. 120–125. (In Russ.)
4. Petukhova M. V., Votchenko I. A. Nazism in World War II and in modern conditions (military-legal aspect: on the example of a special military operation to denazify Ukraine) // Military Law. 2025. No. 1 (89). P. 37–39. (In Russ.)
5. Ignatyeva S. V. Models of state and legal regulation of entrepreneurship abroad – historical and legal experience // Education and Law. 2022. No. 6. P. 249–257. (In Russ.)
6. Fastovich G. G. On the issue of theoretical study of the legal category “state mechanism” // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 1 (217). P. 51–53. (In Russ.)
7. Mukhortov R. A., Zelenin Yu. A. On the Issue of Legal Understanding and Law Enforcement in Modern Russia // Works of Young Scientists of Altai State University. 2020. No. 17. P. 253–256. (In Russ.)
8. Law and Culture: Monograph / V. S. Nersesyants et al.; ed. N. S. Sokolova. Publ. 2nd ed., revised. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia, 2009. 256 p. (In Russ.)
9. Nersesyants V. S. Speech at the Round Table “On Understanding Soviet Law” // Soviet State and Law. 1979. No. 7. P. 70–72 // Russian Law Journal. 2019. No. 1(124). P. 153–157. (In Russ.)
10. Minnikes I. A. Regulation: legal, state-legal or state (the concept of N. A. Pyanov) // Academic Law Journal. 2020. No. 1 (79). P. 55–59. (In Russ.)
11. Litvinov N. D., Rodionov D. A., Salnikov M. V. The neo-Nazi state of Ukraine is a source of sabotage and terrorist threats to Russia’s national security: criminological and counterintelligence aspects // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 95–131. (In Russ.)
12. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / edited by V. P. Salnikov. St. Petersburg: University, 2022. 490 p. (In Russ.)
13. Mutigullin A. V. “Political Banditry” and the fight against it in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States in 1944–1955 (historical and legal aspect) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (106). P. 10–17. (In Russ.)

14. Salnikov V. P., Salnikov M. V., Romanovskaya V. B., Romanovskaya L. R. National Idea or the Rule of Law through the Prism of National Interests // The Rule of Law: Theory and Practice. No. 3 (41). 2015 P. 16–22. (In Russ.)

15. Khabibulin A. G. Ideology as a Factor in the Political Subjectivity of the State // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 251–258. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. В. Мутигуллин, кандидат юридических наук;

С. В. Бутов, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

A. V. Mutigullin, Candidate of Law;

S. V. Butov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 340

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ ОГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Анастасия Юрьевна Сидорук
Академия управления МВД России, Москва, Россия
zhzhkaa@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется система правовых форм ограничения публичной власти. Рассматривается их роль в обеспечении баланса интересов государства и общества. Особое внимание уделяется конституционным механизмам, законодательным инициативам и судебной практике как основным элементам правового регулирования властных полномочий. Автором исследуются и выделяются основания классификации правовых форм ограничений публичной власти по источнику, функциональному назначению, характеру и способу, типу правового регулирования, политическому режиму и территориальному критерию. Рассмотрение различных правовых форм ограничения публичной власти действительно позволяет оценить их эффективность в разных правовых системах и культурных контекстах.

Ключевые слова: ограничения, публичная власть, правовые средства, самоограничение, правовые формы ограничения публичной власти.

Для цитирования: Сидорук А. Ю. Классификация правовых форм ограничения публичной власти // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 19–28.

Original article

CLASSIFICATION OF LEGAL FORMS OF RESTRICTION OF PUBLIC POWER

Anastasia Yu. Sidoruk
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, zhzhkaa@mail.ru

Abstract. The article analyzes the system of legal forms of restriction of public power. It considers their role in ensuring the balance of interests of the state and society. Special attention is paid to constitutional mechanisms, legislative initiatives and judicial practice as the main elements of the legal regulation of authority. The author examines and highlights the grounds for classifying legal forms of public authority restrictions by source, functional purpose, nature and method, type of legal regulation, type of political regime and territorial criterion. Consideration of various legal forms of restriction of public power really makes it possible to assess their effectiveness in different legal systems and cultural contexts.

Keywords: restrictions, public power, legal means, self-restraint, legal forms of restriction of public power.

For citation: Sidoruk A. Yu. Classification of legal forms of restriction of public power // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 19–28. (In Russ.)

© Сидорук А. Ю., 2025

Введение

Основным вопросом каждого государства являются устройство публичной власти и установление форм и способов ее реализации. Система правовых форм, регулирующих деятельность государственных органов, играет ключевую роль в обеспечении баланса между необходимостью эффективного управления и защитой основных прав и свобод граждан. Эта система предполагает наличие четких механизмов контроля и ответственности, которые помогают предотвратить злоупотребление властью. Ограничение, как и любое явление, следует рассматривать с учетом взаимосвязи его содержания и формы. Это объясняется разнообразием способов проявления и закрепления ограничений в правовой и неправовой (фактической) сферах, а также функций, которые они выполняют. Если содержание позволяет раскрыть характеристики, элементы и процессы, составляющие деятельность, то форма демонстрирует способы организации, внутреннего существования и внешнего проявления содержания в контексте ограничений, устанавливаемых публичной властью.

Тесная взаимосвязь государства и права, а также широкое применение правовых инструментов для выполнения стоящих перед государством задач обуславливают то, что правовая сфера представляет собой одну из областей, в совершенствовании которой государство непосредственно заинтересовано. При этом, как верно подчеркивает Ю. А. Тихомиров, «право не утрачивает своей роли и становится еще более мощным механизмом воздействия и формирования новых состояний в обществе и государстве» [1, с. 4].

Методы

При написании научной статьи использовались общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения, абстрагирования, ин-

дукции и дедукции. Исследование основывалось на универсальном диалектическом подходе, который обеспечил всестороннее изучение системы правовых форм ограничения публичной власти. В результате было проведено полное и объективное исследование роли права в установлении ограничений для публичной власти, выявлена взаимозависимость пределов властной деятельности и определены основные правовые формы ограничения публичной власти.

Результаты

Без использования категории «форма» разрушается наше представление о праве. Это согласуется с общим определением формы в философии. Данный термин достаточно часто используется вместе с понятием «содержание», так как «содержание представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий, тенденций, а форма есть способ существования и выражения содержания»¹. Представляет также интерес значение термина «форма» в филологическом аспекте. Одним из значений слова «форма» в русском языке является «видимое внешнее выражение какого-либо явления, связанное с его сущностью, содержанием; а также это тип, устройство, способ организации чего-либо»².

Таким образом, по мнению автора, категория «форма» в различных проявлениях права обладает разнообразной познавательной и смысловой значимостью. Мы приходим к выводу, что форма представляет собой способ внешнего отображения содержания (внешняя форма) и способ объединения элементов, обеспечивающий внутреннюю целостность содержания (внутренняя форма). Согласимся с точкой зрения В. М. Горшенева о том, что под «формой деятельности публичной власти можно понимать совокупность однородных действий, совершае-

¹ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 621.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. С. 836.

мых этими органами, и вызываемые этими действиями определенные социальные последствия» [2, с. 184]. Формы ограничений публичной власти имеют ряд значительных характеристик, среди которых можно выделить:

- высокий уровень легитимности;
- прямую связь с интересами личности и общества, которые объективно отражаются в инструментальных ограничениях (правовых средствах);
- единство политико-правовой природы, выражающееся в управленческой ценности ограничений как цели, процесса и результата.

Очевидно, что для права существует объективная необходимость в форме как в средстве выражения и существования, так и во внутренней организации права. Автор согласен с точкой зрения К. В. Шундикова о том, что «в правовой форме цель и средство тесно переплетены, в ней довольно четко проявляется их диалектическое единство, обнаруживаются взаимопереходы» [3, с. 39]. Правовые формы ограничения публичной власти разнообразны. Это предполагает дифференцированный подход к ним с тем, чтобы наиболее полно познать свойства и характерные черты существующего множества ограничивающих форм. В результате существующие и активно применяемые в государстве ограничения оказываются весьма многочисленными и дифференцированными. Классификация проявлений изучаемого предмета является необходимым условием для формирования объективного и всестороннего понимания. Так, И. С. Самощенко под правовой формой деятельности понимает «однородную по своим внешним признакам деятельность органов социалистического государства по осуществлению его функций» [4, с. 85–86, 91]. По мнению Р. О. Халфиной, «правовая форма есть комплекс норм и институтов, а эти нормы и институты создают инструментарий, набор правовых средств, благодаря которым отношения реализуются в соответствии с целями и интересами общества» [5, с. 175], то есть правовая форма в некоторых случаях предстает как набор или система правовых

средств, с помощью которых определяется содержание.

Правовые формы публичного управления неразрывно связаны с правом. Эта связь проявляется в осуществлении управления на основе права, создании, отмене или изменении юридических норм в процессе управления, принятии юридически значимых (влекущих правовые последствия) решений [6, с. 13]. Соответственно, считаем целесообразным понимать под правовыми формами ограничения публичной власти юридические способы, которые устанавливают границы (пределы) реализации публичной власти и порождают правовые последствия для участников публично-властных отношений. В системе правовых форм ограничения публичной власти существует множество механизмов и инструментов, направленных на обеспечение справедливости и защиту прав и свобод граждан.

Необходимо сосредоточить внимание именно на тех основаниях правовых форм ограничения публичной власти, которые, по нашему мнению, наиболее полно раскрывают их сущность и отражают специфику установления и применения ограничений публичной власти как цели, процесса и результата. Соответственно, по источнику правовые формы ограничения публичной власти могут быть внутренними и внешними. Автор согласен с позицией В. В. Михайлова о том, что «для государства в роли внешних социальных ограничений могут выступать международное законодательство, мировое «общественное мнение», международные организации, другие государства, а внутренними социальными ограничениями – им же принятые законы, его собственная культура и т. п.» [7, с. 88]. В международной сфере возникают проблемы из-за действий, которые не являются прямо запрещенными международным правом, но вызывают разногласия в их применении. Например, экономические санкции и другие меры, применяемые для воздействия на государства. Как считает Д. В. Пожарский, «вводимые в отношении России санкции, как надгосударственный фактор дисфунк-

циональности государства, выражающийся во внешнеполитических условиях, снижают эффективность реализации ряда функций государства, прежде всего экономической и социальной» [8, с. 36].

Европейский союз (далее – ЕС) для достижения своих целей рассматривает санкции (ограничительные меры) как один из основных «несиловых» механизмов, необходимых для воздействия на третьи страны, а также на отдельных физических и юридических лиц. В настоящее время основными правовыми актами ЕС об ограничительных мерах в отношении России Федерации являются:

– Решение Совета ЕС № 2014/145 «Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины» от 17 марта 2014 года¹ и Регламент Совета ЕС № 269/2014 «Об ограничительных мерах в отношении действий, подрывающих или ставящих под угрозу территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины»² от 17 марта 2014 года, которые установили режим запрета въезда и блокировки активов в отношении указанных в них лиц;

– Решение Совета ЕС № 2014/386³ от 23 июня 2014 года и Регламент ЕС № 692/2014⁴ от 23 июня 2014 года, которые установили режим ограничения экономических отношений с Крымом;

– Решение Совета ЕС № 2014/512⁵ и Регламент ЕС № 833/2014 «Об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на территории Украины», которые ввели секторальные санкции в отношении российских лиц (в том числе их дочерних компаний и лиц, действующих от их имени или под их контролем)⁶.

Помимо вышеперечисленных нормативных актов, перечень мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственно-объединения и (или) союза в отношении физических лиц закреплен Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1348⁷.

Однако какой бы эффективной ни была система внешних правовых форм ограничения публичной власти, крайне важным остается механизм самоограничения орга-

¹ Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 78. 17.03.2014. P. 16–21.

² Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 78. 17.03.2014. P. 6–15.

³ Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol // OJ L 183. 24.06.2014. P. 70–71.

⁴ Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol // OJ L 183. 24.06.2014. P. 9–14.

⁵ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ L 229. 31.07.2014. P. 13–17.

⁶ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ L 229. 31.07.2014. P. 1–11.

⁷ Об утверждении перечня мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственно-объединения и (или) союза в отношении физических лиц: постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1348 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 48. Ст. 7207.

нов публичной власти (внутренней правовой формы ограничения публичной власти). Ценностное влияние ограничений публичной власти позволяет соотносить индивидуальные потребности, мотивы, интересы человека с принятыми в обществе ограничениями. Добровольное ограничение публичной власти (самоограничение) может быть обусловлено морально-нравственными и этическими установками и ценностями лиц, осуществляющих публично-властную деятельность. Как отмечал С. Ю. Гончаров, «ограничения возникают и проявляются в правовой сфере духовного мира человека, включающей в себя правовое сознание, правовую культуру, юридическое мировоззрение и правовое мышление» [9, с. 110].

На наш взгляд, отношение индивида к ограничениям, предписанным обществом и государством, в значительной степени зависит от его личных ограничений, присутствующих в его внутреннем мире, что проявляется в его действиях по осуществлению субъективных прав и исполнению юридических обязанностей. По мнению Г. Еллинек, «государство ограничивает правовыми нормами не только своих индивидов, но и свою деятельность, устанавливая юридические границы для тех лиц, которые служат его органам, призванным воплощать волю государства» [10, с. 238–239]. Идею самоограничения государственной власти Р. Иеринг «связывал с интересами подвластных, нарушение которых ставит под сомнение возможность удержания собственной власти» [11, с. 20]. Таким образом, самоограничение является преобладающей правовой формой ограничения публичной власти.

По характеру и способу правовые формы ограничения публичной власти можно классифицировать на институциональные и функциональные. По мнению автора, институциональные формы ограничений публичной власти включают: институт прав и свобод человека и гражданина (Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, Общественная палата Российской Федерации), институты гражданского общества (общественные органи-

зации и движения, независимые средства массовой информации). Функциональные формы ограничения могут быть представлены: общественным контролем, принципом разделения властей, системой сдержек и противовесов, конституционным контролем, федерализмом, принципом взаимной ответственности государства и личности, юридической ответственностью государства и должностных лиц. Рассмотрим подробнее институт прав и свобод человека и гражданина как одну из более проявленных форм связанности права и публично-властной деятельности.

Права и свободы человека и гражданина являются центральным звеном государственной и правовой жизни, одним из важнейших институтов права, с помощью которого регулируется правовой статус человека, определяются пределы вторжения в его личную жизнь. Противовесом всесилию публичной власти выступают права и свободы человека, обеспечивающие морально-правовое ограничение данной власти. Уместно привести высказывание А. Эсмана, который еще в начале XX в. писал: «Индивидуальные права предоставляют одну общую черту: они ограничивают права государства» [12, с. 398]. Т. В. Милушева также отстаивает точку зрения, согласно которой «правовые пределы государственного вторжения в сферу индивидуальной автономии личности устанавливаются правами человека, которые не могут быть нарушены или произвольно ограничены государством» [13, с. 14]. Таким образом, конституционные механизмы ограничения публичной власти играют важную роль в обеспечении соблюдения конституционных принципов и прав граждан. Благодаря системе разделения властей, гарантии прав и свобод граждан, а также механизмам контроля государственная власть остается сбалансированной и ограниченной, способствуя стабильности и развитию общества.

В зависимости от функционального значения правовые формы ограничения публичной власти можно разграничить на регулятивные (дозволения, запреты, обя-

зывания) и охранительные (санкции, меры пресечения, меры наказания, иски и т. д.). Охранительные формы сосредоточены на сохранении существующего порядка и обеспечении безопасности граждан. Конституционный суд Российской Федерации является важнейшим элементом охранительной системы, так как его главная задача – защита Конституции Российской Федерации и проверка конституционности действий органов публичной власти. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко»¹ были отменены действия государственных органов, нарушающие права граждан на свободу передвижения.

По типу правового регулирования в рамках общедозволительного типа правового регулирования органы власти могут осуществлять любые действия, которые прямо не запрещены законом (ограничения публичной власти устанавливаются через определение конкретных запретов и обязанностей, оставляя за органами власти свободу действий в тех областях, которые не урегулированы специальными нормами), в рамках разрешительного типа правового регулирования органы власти могут совершать лишь те действия, которые прямо разрешены законом.

Как отмечает Т. В. Милушева, «примеры правовых оснований функционирования системы общественного контроля обнаруживаются в общедозволительном типе правового регулирования, который

охватывает не только деятельность самих институтов гражданского общества, их взаимоотношения между собой, но и подчеркивает связь гражданского общества с государством» [14, с. 336]. Регулятивные формы ориентированы на развитие и изменение общественных отношений, исходя из потребностей текущего момента и перспектив будущего. К примеру, антимонопольное законодательство регулирует экономическую деятельность, предотвращая монополизацию рынков и обеспечивая здоровую конкуренцию. Оно направлено на ограничение возможностей крупных компаний злоупотреблять своим доминирующим положением на рынке, что могло бы нанести ущерб другим участникам. Согласно обзору практики применения антимонопольного законодательства Коллегиальными органами ФАС России (за период с 1 июля 2020 года по 1 июля 2021 года)², антимонопольное законодательство служит примером регулятивной формы ограничения публичной власти, направленной на поддержание здоровой экономической среды и предотвращение злоупотреблений со стороны крупного бизнеса.

Ограничения публичной власти могут классифицироваться по типу политического режима: авторитарный (ограничения на политическую оппозицию, свободу слова и информации, свободу собраний и ассоциаций, политическое участие, на независимость судебной системы, экономическую свободу, ограничение избирательных прав); тоталитарный (ограничения выражены в полном контроле над всеми сферами жизни; отсутствии частной жизни; монополии на информацию; однопартийной системе; плановой экономике; отсутствии гражданского

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 г. № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27. Ст. 4287.

² Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегиальными органами ФАС России (за период с 1 июля 2020 года по 1 июля 2021 года) (утв. протоколом заседания Президиума ФАС России от 22.12.2021 № 7) // ФАС России: сайт. URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

общества); демократический (разделение властей; законность и верховенство права; юридическая ответственность власти перед народом; развитое гражданское общество – элементы, отражающие ограничения публичной власти).

Классификация правовых форм ограничения публичной власти позволяет выделить по территории действия общегосударственные и действующие на отдельной территории. Весьма важным в этом отношении являются положения Конституции Российской Федерации (ст. 71, 73)¹, которые устанавливают предметы ведения Российской Федерации и отдельных субъектов Федерации. Согласно подзаконным актам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры², Тульской³, Воронежской⁴ областей и других субъектов иностранным гражданам запрещено работать по патентам в розничной торговле алкогольными напитками, табачными изделиями, в сфере общественного питания,

а также пассажирских перевозок на общественном транспорте и такси в течение 2024 года (частичные ограничения, связанные также с временным промежутком осуществления деятельности). Примером общенациональных ограничений может служить введение субъектами Российской Федерации специального режима перемещения людей и транспорта во время пандемии COVID-19, что предусмотрено подпунктом «в» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» от 2 апреля 2020 г. № 239⁵.

В федеративном государстве ключевое значение для результативного функционирования публичной власти имеет сотрудничество федерального центра и субъектов. Основной закон Российской Федерации очер-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

² Об установлении на 2024 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности: постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 1 декабря 2023 г. № 180 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8600202312070003> (дата обращения: 03.04.2025).

³ Об установлении запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Тульской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности, на 2025 год: указ Губернатора Тульской области от 11 ноября 2024 г. № 143 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7100202411130004> (дата обращения: 03.04.2025).

⁴ Об установлении на 2024 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Воронежской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности: указ Губернатора Воронежской области от 19 декабря 2023 г. № 484-у // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3600202312210005> (дата обращения: 03.04.2025).

⁵ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/0001202004020025> (дата обращения: 03.04.2025).

чивает границы полномочий центральных и региональных властных структур, устанавливая их сферы ответственности и способствуя их координации и совместной деятельности. Конституционный Суд в своем постановлении № 21-ПЗ11 от 25 октября 2016 г. признал неконституционными положения Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края»¹, поскольку они ограничивали доступ к древесине для граждан, не имеющих статуса нуждающихся в жилых помещениях. Таким образом, определенные категории граждан утрачивали свои законные права, что является неприемлемым.

По составу правовые формы ограничения могут быть качественными и количественными. Качественные ограничения публичной власти связаны с особенностями внутренней структуры явления, его образа, формы, свойства и т. п. (например, ценности, этические нормы, научные парадигмы). Количественные ограничения выражают общее и однородное в явлениях, степени интенсивности качественных проявлений (количество должностных лиц). Это связано с тем, что «государство как определенная организующая система не может существовать вне бюрократического аппарата, его структуры, действующей на территории страны» [15, с. 9].

Контроль за соблюдением органами и должностными лицами установленных для них параметров деятельности, если она осуществляется другими органами и должностными лицами, неизбежно приводит к увеличению бюрократического аппарата, усложнению бюрократических процедур и превращению управления и контроля над деятельностью органов и должностных лиц государства из организационного средства в самостоятельное направление деятельности. Для гражданского общества контроль за соблюдением органами и параметры деятельности, установленные для должност-

ных лиц, являются неотъемлемой частью их функции общественного контроля [16, с. 80]. По мнению О. С. Вырлеевой-Балалаевой, «кадровое наполнение государственных органов должно постоянно подвергаться коррекции исходя из потребностей населения, причем численный состав может меняться как в сторону уменьшения количества должностных лиц того или иного органа власти, так и в сторону его увеличения» [17, с. 37].

Таким образом, вопрос о формах ограничения публичной власти является одним из ключевых для юридической науки и политической практики, поскольку ограничения служат эффективным инструментом правового регулирования. Проблема взаимоотношения личности и государства имеет как философско-теоретическое, так и практическое значение и сохраняет свою актуальность в рамках любой концепции публичной власти.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в системе правовых форм ограничения публичной власти существует множество механизмов и инструментов, направленных на обеспечение справедливости и защиту прав и свобод граждан. Право, благодаря своим свойствам, относится к одному из социальных факторов, которые способны ограничить власть, свести ее к социально оправданным величинам [18, с. 45]. Таким образом, в процессе своего функционирования не только власть взаимодействует с правом, но и право со своей стороны выступает в отношении власти в виде противоборствующего фактора, решающего собственные обособленные задачи, и при достаточно высоком уровне демократического развития общества ограничивает власть.

Автором представлена система правовых форм ограничений публичной власти по следующим основаниям: источнику

¹ По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» в связи с жалобой гражданки Г. А. Пенкиной: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 45 (часть II). Ст. 6324.

(внешние и внутренние (самоограничение)); функциональному назначению (охранительные и регулятивные); типу правового регулирования; типу политического режима и территориальному критерию (действие в пространстве). Единство отмеченных правовых форм образует систему ограничения публичной власти, позволяющую оказывать

позитивное ограничивающее влияние на организацию системы взаимодействия единой публичной власти. Правовые формы ограничения публичной власти представляют собой совокупность нормативных актов и юридических механизмов, которые официально устанавливают рамки и пределы полномочий публичной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17.
2. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1969. 594 с.
3. Шундииков К. В. Цели и средства в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 182 с.
4. Самощенко И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 81–91.
5. Халфина Р. О. Право как средство социального управления / отв. ред. М. И. Пискотин; АН СССР, Институт государства и права. М.: Наука, 1988. 254 с.
6. Правовое обеспечение публичного управления: учебник / Д. В. Пожарский, И. А. Андреева, И. В. Гончаров и др.; под ред. Д. В. Пожарского. М.: Академия управления МВД России, 2024. 292 с.
7. Михайлов В. В. Сущность и система социальных ограничений: дис. ... докт. филос. наук. М., 2007. 366 с.
8. Пожарский Д. В. Дисфункциональность государства // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 32–37.
9. Гончаров С. Ю. Правовые версии инструментально-технологического моделирования ограничения в государственном управлении // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 3 (34). С. 108–113.
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве = General doctrine of state: General doctrine of state. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 750 с.
11. Иеринг Р. Борьба за право: пер. с 13-го нем. изд. М.: Феникс, 1991. 63 с.
12. Эсмен А. Общие основания конституционного права / пер. с 4-го французского издания / под ред.: Бер Н. О. 2-е изд. СПб.: О. Н. Попова. 1909. 464 с.
13. Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2012. 58 с.
14. Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2012. 433 с.
15. Белоусов С. А. Понятие и признаки бюрократии // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху: материалы Международного юридического научного симпозиума / отв. ред. С. П. Бортников. Самара: Самарский государственный экономический университет. 2019. С. 6–11.
16. Либанова С. Э. Гражданское общество и функция общественного контроля (надзора) // Обеспечение и защита прав человека в России и мире: проблемы и перспективы: сборник материалов круглого стола. Курган: Курганский государственный университет, 2015. С. 76–84.
17. Вырлеева-Балаева О. С. Правовая политика современной России в сфере ограничения государственной власти // Современное право. 2012. № 2. С. 34–38.
18. Макогон Б. В. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти: монография. Белгород: Белгород НИУ «БелГУ» 2013. 163 с.

REFERENCES

1. Tikhomirov Yu. A. Legal space: equilibrium and deviations // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 4. P. 4–17. (In Russ.)

2. Gorshenev V. M. Methods and organizational forms of legal regulation in the modern period of communist construction: diss. ... Doctor of Law. Sverdlovsk, 1969. 594 p. (In Russ.)
3. Shundikov K. V. Goals and means in law: diss. ... Cand. of Law. Saratov, 1999. 182 p. (In Russ.)
4. Samoshchenko I. S. On legal forms of implementation of the functions of the Soviet state // Soviet state and law. 1956. No. 3. P. 81–91. (In Russ.)
5. Khalfina R. O. Law as a means of social management / ed. M. I. Piskotin; USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law. Moscow: Nauka, 1988. 254 p. (In Russ.)
6. Legal support of public administration: textbook / D. V. Pozharsky, I. A. Andreeva, I. V. Goncharov et al.; edited by D. V. Pozharsky. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 292 p. (In Russ.)
7. Mikhailov V. V. The essence and system of social restrictions: diss. ... Doctor of Philosophy. Moscow, 2007. 366 p. (In Russ.)
8. Pozharsky D. V. Dysfunctionality of the state // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (59). P. 32–37. (In Russ.)
9. Goncharov S. Yu. Legal versions of instrumental and technological modeling of restrictions in public administration // Jurist-Pravoved. 2009. No. 3 (34). P. 108–113. (In Russ.)
10. Jellinek G. General Doctrine of State: General Doctrine of State. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 750 p. (In Russ.)
11. Ihering R. Struggle for Law: trans. from the 13th Germ. edition. Moscow: Phoenix, 1991. 63 p. (In Russ.)
12. Esmen A. General Foundations of Constitutional Law / trans. from the 4th French edition / edited by: Ber N. O. 2nd edition. St. Petersburg: O. N. Popova. 1909. 464 p. (In Russ.)
13. Milusheva T. V. Limits and Restrictions of State Authority: Theoretical and Legal Research: abstract of dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2012. 58 p. (In Russ.)
14. Milusheva T. V. Limits and Restrictions of State Power (theoretical and legal research): dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2012. 433 p. (In Russ.)
15. Belousov S. A. Concept and Features of Bureaucracy // Actual Problems of Development of the Legal System in the Digital Age: Proceedings of the International Legal Scientific Symposium / ed. S. P. Bortnikov. Samara: Samara State University of Economics. 2019. P. 6–11. (In Russ.)
16. Libanova S. E. Civil Society and the Function of Public Control (Supervision) // Ensuring and Protecting Human Rights in Russia and the World: Problems and Prospects: Collection of Materials of the Round Table. Kurgan: Kurgan State University, 2015. P. 76–84. (In Russ.)
17. Vyrleeva-Balaeva O. S. Legal policy of modern Russia in the sphere of limitation of state power // Modern law. 2012. No. 2. P. 34–38. (In Russ.)
18. Makogon B. V. Procedural and legal coordinates of the activities of public authorities: monograph. Belgorod: Belgorod National Research University “BelSU” 2013. 163 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Ю. Сидорук, адъюнкт.

Information about the author:

A. Yu. Sidoruk, adjunct.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 342.924.03:070(470)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Александр Анатольевич Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869

Аннотация. Статья посвящена исследованию административного регулирования информационных отношений в сфере массовой информации и теоретико-методологического обеспечения, а также развитию институтов информационного права в условиях современного информационного общества в России. Исследована проблематика информационных правоотношений в органической связи с усовершенствованием правового регулирования информационных отношений в сфере массовой информации и окончательным формированием отдельного комплексного института права – «информационного права». Обоснована целесообразность исследования процесса правового регулирования и правомерного поведения субъектов информационных правоотношений, который предусматривает инициативный порядок реализации норм информационного права в форме информационных правоотношений, а также структурирование сферы массовой информации в секторах традиционных и электронных средств массовой информации.

Ключевые слова: информация, сфера массовой информации, средства массовой информации, информационные отношения, информационное общество, информационное право, нормы информационного права, информационное законодательство, Информационный кодекс, административные правоотношения, регулирование массовой информации, информационные правоотношения.

Для цитирования: Беженцев А. А. Информационные отношения в сфере массовой информации: административное регулирование // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 29–36.

Original article

INFORMATION RELATIONS IN THE SPHERE OF MASS INFORMATION: ADMINISTRATIVE REGULATION

Alexander A. Bezhentsev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia,
adovd@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9909-9869

Abstract. The article is devoted to the study of administrative regulation of information relations in the sphere of mass media and theoretical and methodological support, as well as the development of institutions of information law in the conditions of the modern information society in Russia. The problems of information legal relations are studied in organic connection with the improvement of legal regulation of information relations in the sphere of mass media and the final formation of a separate complex institution of law – information law. The expediency of studying the process of legal regulation and lawful behavior of subjects of information legal relations, which provides for a proactive procedure for the implementation of the norms of information law in the form of information legal relations, as well as structuring the sphere of mass information in the sectors of traditional and electronic mass media, is substantiated.

© Беженцев А. А., 2025

Keywords: information, sphere of mass information, mass media, information relations, information society, information law, norms of information law, information legislation, Information Code, administrative legal relations, administrative regulation of mass information, information legal relations

For citation: Bezhentsev A. A. Information relations in the sphere of mass information: administrative regulation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 29–36. (In Russ.)

Введение

Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, включая право на информацию, должен быть постулатом в современном информационном обществе и системообразующим фактором информационного законодательства России. Безусловно, государство должно осознать, что средства массовой информации (далее – СМИ) являются важнейшим демократическим институтом, способствующим реализации конституционных прав граждан на свободу мысли и слова, на информацию. В то же время в условиях развития новейших информационно-коммуникационных технологий главным принципом функционирования средств массовой информации в правовом государстве должна быть свобода массовой информации, которая также является обязательным элементом режима демократии и необходимым условием обеспечения индивидов и их объединений политическим плюрализмом и культурным разнообразием, предоставляя обществу возможность контролировать деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий, формировать общественное мнение. Следовательно, непосредственно и сама деятельность средств массовой информации нуждается в комплексном правовом регулировании, способном обеспечить баланс интересов личности, общества и государства, а также не только оперативность, но и качественный информационный контент.

Реалии свидетельствуют, с одной стороны, о существовании определенных позитивных сдвигов в векторе обновления национального законодательства о средствах массовой информации, что связано прежде всего с реформированием всей российской правовой системы, а с другой стороны, о по-

явлении тенденции не совсем надлежащего обеспечения принципа свободы массовой информации как органами государственной власти, так и непосредственно самими средствами массовой информации.

Следует отметить, что в последнее время активно ведутся определенные исследования по окончательному становлению, закреплению в научном сообществе отдельной самостоятельной отрасли российского права – «информационного права», его подотраслей, а также его институтов. Имеются исследования научного характера [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], учебно-методического направления [8; 9; 10; 11; 12; 13], кроме того, есть работы, посвященные отдельным специфическим вопросам: а) законодательного обеспечения деятельности обособленных средств массовой информации, их юридического статуса; б) юридической ответственности журналистов; в) роли печати в правовом информировании граждан России; г) функционирования Интернета. Вместе с тем научное осмысление процессов, происходящих в сфере массовой информации, с позиций современного правоведения несколько запаздывает. Без должного внимания остаются проблемы выработки теории информационных правоотношений; по-разному понимаются термины: а) «информация»; б) «информационная сфера»; в) «информационные отношения»; г) «сфера массовой информации»; не хватает качественного своевременного научного сопровождения процесса правотворчества в сфере массовой информации и процесса реализации соответствующих норм информационного характера; недостаточно внимания уделяется развитию одного из основных правовых институтов информационного направления – прав средств массовой информации в нынешних условиях эволюции глобального информационного общества.

Отмечая существование научных исследований по разработке и реализации государственной информационной политики, в частности в векторах: а) надлежащего функционирования средств массовой информации; б) разработки организационно-правового базиса реализации гражданами права доступа к информации через средства массовой информации; в) правового статуса журналиста; г) организационно-правового механизма учредительства, регистрации и лицензирования средств массовой информации, проводимых специалистами в различных отраслях права, считаем необходимым указать на некоторую неполноту скоординированных комплексных наработок в сфере массовой информации в рамках науки «информационное право».

Таким образом, важность дальнейшего укрепления правового фундамента актуального информационного общества в России, в котором должно признаваться и всецело обеспечиваться конституционное право граждан на информацию; необходимость разработки и усовершенствования соответствующих правовых институтов информационного права, с одной стороны, и определенная недостаточность современных комплексных наработок по поводу правоприменительной практики информационных отношений, особенно в сфере массовой информации, – с другой, обуславливают актуальность и научную и практическую значимость данного исследования.

Методы

Философско-мировоззренческим базисом исследования административно-правового регулирования информационных отношений в сегменте массовой информации являются ключевые положения аналитической философии, феноменологии, современной юриспруденции. Обоснованность и достоверность научных результатов обеспечивались использованием философских, общенаучных, специально-научных и конкретно научных (преимущественно юридических) методов познания, в частности: а) методов диалектики; б) герменевтического подхода; в) исторического

метода; г) структурно-функционального подхода; д) системного подхода; е) деятельного подхода; ж) методов классификации; з) методов сравнения; и) специально-юридических методов; к) методов правового моделирования.

Результаты

В ходе изучения роли государственной политики и науки «информационное право» в правовом регулировании общественных отношений в условиях информационного социума установлена необходимость формирования и реализации государственной политики, направленной на создание административно-правовой и научной основы для развития информационного общества в России. Определим, что ориентиры указанной политики требуют взвешенного подхода к учету основных факторов, влияющих на этот процесс, а именно: а) стратегических решений, сформулированных в нормативных правовых актах России; б) задач по разработке соответствующих законопроектов; в) государственных программ, действующих и разрабатываемых; г) общегосударственных проектов; д) правительственных решений.

В связи с динамичным развитием информационно-телекоммуникационных технологий должна усиливаться роль средств массовой информации как важнейшего демократического института в цивилизованном государстве. Качественное решение данной задачи объективно требует соответствующего научного обеспечения, прежде всего дальнейшего развития всероссийской научной школы информационного права.

Подчеркнем в первую очередь целесообразность рассмотрения информационного права как отдельной комплексной отрасли права, завершение становления которой требует непрекращающегося развития науки информационного права. Мы отстаиваем позицию относительно необходимости взаимодействия информационного права с другими отраслями права (конституционного, административного, уголовного, гражданского, трудового), а также склоняемся к фундаментальной роли теории государства

и права для прогрессивной эволюции науки информационного права.

Отметим существенное значение понятийного аппарата в административно-правовом регулировании любых общественных отношений, в том числе и информационных. Полагаем, что в процессе правотворчества формирование категориального аппарата информационного права должно: а) происходить с учетом целей административно-правового регулирования информационных отношений; б) опираться на фундаментальные положения и понятия теории государства и права.

Рассмотрение действующих нормативных правовых актов России в области информации помогло убедиться в том, что определение понятия «информация» имеет незначительные определенные недоработки:

– Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ устанавливает основные права и обязанности, касающиеся информации и информационной безопасности;

– Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ описывает правила защиты IT-инфраструктуры на предприятиях, работающих в сферах, критически важных для государства. К таким сферам относятся здравоохранение, наука, оборона, связь, транспорт, энергетика, банки и некоторая промышленность;

– Федеральный закон Российской Федерации «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ дает определение электронной подписи и описывает, как и когда ее можно применять, какой юридической силой она обладает;

– Федеральный закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ описывает правила работы с персональными данными;

– Федеральный закон Российской Федерации «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ определяет, что относится к коммерческой тайне компаний;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2008 г. № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации».

Исследования различных определений понятия «информация» (как доктринальных, так и нормативно-правовых) показали нам, что должному осознанию такого феномена, как информация, могут способствовать разные взгляды, аспекты и дискуссии. По нашему мнению, в процессе правотворчества целесообразно активизировать конструктивное использование современных научных концепций информации для адекватного административно-правового регулирования информационных отношений в современных условиях.

Важно отстаивать необходимость правильного толкования понятия «информационная сфера», поскольку именно в этой сфере возникают соответствующие общественные информационные отношения, требующие своего правового регулирования. К сожалению, понятие «информационная сфера» российским законодательством в полной мере единообразно в ключевых правовых актах не урегулировано. Осознанию феномена «информационная сфера» способствуют: а) исследования объективных законов развития информационной сферы; б) эволюция развития этого понятия; в) широкая и узкая трактовка указанного понятия; г) концепции определения структуры информационной сферы. Так, исследование сущности и особенностей информационной сферы должно опираться как на концепцию информационного пространства, так и на концепцию информационной сферы как сферы информационной деятельности.

Учитывая, что информационные правоотношения являются одним из видов общих правоотношений, акцентируем внимание на том, что они, с одной стороны, имеют структуру, характерную для общих правоотношений, а с другой стороны, им свойственны некоторые структурные особенности. Основные элементы информационных правоотношений это: а) субъекты правоотношений

ношений; б) объекты правоотношений; в) содержание правоотношений – субъективные юридические права и обязанности. Мы утверждаем, что вопрос об объекте правоотношений является одним из ключевых и наиболее спорных в юридической науке. Рассмотрение информации как объекта информационных правоотношений нуждается в определении основных юридически значимых признаков информации.

На основе анализа классификаций информационных правоотношений по разным критериям: а) информационным процессам и видам информации; б) субъектам информационных правоотношений; в) месту в механизме административно-правового регулирования; г) функциям права; д) целям воздействия; е) содержанию правоотношений – целесообразно определить и тщательно исследовать их особенности и характерные черты. С нашей точки зрения, плодотворным как с научной, так и практической точки зрения является подход к классификации, учитывающий отрасли права и соответствующие нормы права. Выскажем точку зрения по поводу необходимости и обобщенной степени классификации общественных отношений в информационной сфере: а) информационные отношения; б) информационно-инфраструктурные отношения. Конструктивность указанного подхода проявляется в новом видении структуры информационной сферы общественной жизни: а) сфера, в которой осуществляется чисто информационная деятельность, – это деятельность, где производство, распространение потребления информации выступает основной целью, а не средством достижения какой-либо цели; б) сфера, где осуществляется обеспечение чисто информационной деятельности.

Осознание характера и видов информационных отношений в информационной сфере (исключительно информационных, информационно-управленческих, информационно-имущественных) позволяет идентифицировать правоотношения в информационной сфере: а) чисто информационные правоотношения; б) информационно-кон-

ституционные; в) информационно-административные; г) информационно-уголовные; д) информационно-гражданские; е) информационно-трудовые.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих понятие «свобода массовой информации», позволяет полагать, что она является необходимой для реализации главного принципа регулирования информационных отношений в информационной сфере – собственно принципа свободы массовой информации. Сегодня принцип свободы массовой информации в толковании свободы слова и мнения, свободы средств массовой информации устанавливается Конституцией Российской Федерации и развивается статьями законов России.

Исследуя соотношение дефиниций «свобода слова» и «свобода СМИ» определим, что свобода СМИ является частным случаем проявления принципа свободы слова человека, а потому и проблемы свободы массовой информации необходимо решать в комплексной взаимосвязи с другими проблемами, непосредственно связанными с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, неукоснительно и заблаговременно требуется предотвращать их нарушение.

Мы предлагаем сферу массовой информации рассматривать как составляющую информационной сферы, которая функционирует и развивается с учетом обязательного внедрения и соблюдения принципа свободы массовой информации, поэтому требуется закрепить этот принцип нормой права – нормой-принципом, прежде всего, в предлагаемом нами к скорейшему качественному обсуждению и принятию в России новом кодифицированном нормативном правовом акте – Информационном кодексе Российской Федерации, в последующем необходимо гарантировать его максимальное соблюдение всеми субъектами права с помощью эффективных нормативных правовых и правоприменительных механизмов.

Анализируя определение структуры системы институтов информационного пра-

ва, подчеркнем значение института средств массовой информации и его субинститутов – печатных СМИ, информационных агентств, электронных СМИ (радиовещание, телевидение, Интернет). Это позволяет выяснить дополнительные особенности сферы массовой информации для усовершенствования административно-правового регулирования информационных отношений в этой области, что дает объективные основания для введения в научное обращение понятия «институт массовой информации» как самостоятельного, отдельного комплексного института российского права.

Мы мыслим, что разработка качественно новой модели административно-правового регулирования информационных отношений в сегменте массовой информации требует учета статики и динамики нормативного правового регулирования. Адекватное понимание не только общих вопросов административно-правового регулирования общественных отношений, но и выяснение природы правоотношений в информационной сфере и ее составляющей – сферы массовой информации позволяют нам сделать вывод, что административно-правовому регулированию информационных отношений в сфере массовой информации присущи общие признаки правового регулирования, осуществляемого посредством системы правовых средств в гражданском обществе и государстве

В ходе толкования понятия «механизм правового регулирования» нами акцентируется внимание на специальном юридическом аспекте механизма административно-правового регулирования, что дает возможность рассматривать данный механизм информационных отношений в сфере массовой информации как единство системы соответствующих административно-правовых средств, призванной обеспечить результативное правовое влияние на информационные отношения в сегменте массовой информации.

Выделим целесообразность исследования «простого» процесса административно-правового регулирования инфор-

мационных отношений в сфере массовой информации и правомерного поведения субъектов. Особенность этого процесса проявляется в существовании двух стадий соответствующего механизма административно-правового регулирования: первая стадия связана с механизмом информационного правотворчества; вторая стадия наступает с вступлением в действие механизма правомерной реализации норм информационного права в форме информационных правоотношений (инициативный порядок реализации указанных норм). Акцентируем внимание на важности структурирования сферы массовой информации по критерию традиционности: а) сектор традиционных СМИ; б) сектор электронных СМИ, что также обуславливает особенности процесса административно-правового регулирования информационных отношений.

Информационное законодательство рассмотрим как совокупность законов, других нормативных правовых актов, с помощью которых государство устанавливает, изменяет или прекращает действие соответствующих норм информационного права. Нормы информационного права с позиции комплексного характера данной отрасли – это система правовых норм, регулирующих на комплексной основе разрешение положительных обязательств и запретов в сфере общественных информационных отношений, которая является предметом информационного права.

Заключение

Итак, с учетом постоянных новелл в области информационных отношений их административно-правовое регулирование в сегменте массовой информации в нынешнее время требует постоянного, вдумчивого, при активном обсуждении обществом, отдельными лицами, окончательного формирования, с позиции приоритета качества законодательства над количественными показателями, прогрессивного развития, поэтому дальнейшие научные исследования в данном направлении видятся необходимыми и перспективными в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бачило И. Л. Цифровизация управления и экономики – задача общегосударственная // Государство и право. 2018. № 2. С. 59–69.
2. Бачило И. Л. Методология анализа оценки состояния и совершенствования государственного управления в условиях информатизации // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5 (125). С. 135–145.
3. Виноградова Е. В. Информационные инструменты в праве LEGALTECH, LAWTECH И REGTECH // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 14–20.
4. Романовская О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, № 2. С. 174–183.
5. Рузанова В. Д. Место информационного права и законодательства в системе российского права и законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 62–67.
6. Епифанцев А. В. Материальные и процессуальные аспекты реализации информационных и цифровых технологий в праве // Закон и право. 2023. № 9. С. 105–109.
7. Глухова Е. В. К вопросу о влиянии информационных технологий на современное право // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16, № 1. С. 71–77.
8. Бачило И. Л. Информационное право: учебник (авторский учебник). 5-е изд., пер. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 419 с.
9. Лопатин В. Н. Информационное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность». 3-е издание, измененное и дополненное. Москва: Проспект, 2023. 656 с.
10. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум. (Высшее образование). 7-е изд., пер. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 427 с.
11. Информационное право: учебник для вузов / М. А. Федотов, М. А. Борисов, Р. А. Будник и др. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 868 с.
12. Информационное право: учебное пособие / В. В. Пушкарев, В. Б. Вехов, С. П. Стащенко и др. Москва: 2023. 134 с.
13. Леонтьев А. Н., Леонтьева Е. Ю. Информационное право: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2023. 76 с.

REFERENCES

1. Bachilo I. L. Digitalization of Management and Economy – a National Task // State and Law. 2018. No. 2. P. 59–69. (In Russ.)
2. Bachilo I. L. Methodology for Analysis, Assessment of the State and Improvement of Public Administration in the Context of Informatization // Law and State: Theory and Practice. 2015. No. 5 (125). P. 135–145. (In Russ.)
3. Vinogradova E. V. Information Tools in Law LEGALTECH, LAWTECH and REGTECH // Legal Policy and Legal Life. 2023. No. 1. P. 14–20. (In Russ.)
4. Romanovskaya O. V. Law, Information Society, Digital Sovereignty // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Economy. Management. Law. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 174–183. (In Russ.)
5. Ruzanova V. D. The Place of Information Law and Legislation in the System of Russian Law and Legislation // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2023. No. 4. P. 62–67. (In Russ.)
6. Epifantsev A. V. Substantive and Procedural Aspects of the Implementation of Information and Digital Technologies in Law // Law and Right. 2023. No. 9. P. 105–109. (In Russ.)
7. Glukhova E. V. On the Impact of Information Technologies on Modern Law // Bulletin of Economics, Management and Law. 2023. Vol. 16, No. 1. P. 71–77. (In Russ.)
8. Bachilo I. L. Information Law: textbook (author’s textbook). 5th ed., trans. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 419 p. (In Russ.)

9. Lopatin V. N. Information Law: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of training «Jurisprudence», specialties «Jurisprudence», «Law Enforcement». 3rd edition, revised and supplemented. Moscow: Prospect, 2023. 656 p. (In Russ.)

10. Rassolov I. M. Information Law: a textbook and practical course. (Higher education). 7th ed., trans. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 427 p. (In Russ.)

11. Information Law: a textbook for universities / M. A. Fedotov, M. A. Borisov, R. A. Budnik et al. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 868 p. (In Russ.)

12. Information Law: textbook / V. V. Pushkarev, V. B. Vekhov, S. P. Stashchenko et al. Moscow: 2023. 134 p. (In Russ.)

13. Leontyev A. N., Leontyeva E. Yu. Information Law: Textbook. Volgograd: Volgograd State Technical University, 2023. 76 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. А. Беженцев, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. A. Bezhentsev, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 323.2(47)(091)

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАВЕНСТВА,
ЕДИНСТВА НАРОДА РОССИИ И ПРОЯВЛЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МОТИВОВ НЕНАВИСТИ И ВРАЖДЫ
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)**

Иван Андреевич Иванников¹, Борис Зуфарович Маликов²

¹ Сочинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Сочи, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ freiheit2061@gmail.com, ² malikov_bz@mail.ru

Аннотация. Исследование включает в себя проблемы истории и теории государства и права России, отчасти философии, политологии, социологии, онтологии, психологии по вопросам криминального проявления негативов, порождаемых низкой культурой человека во взглядах, оценках и в интерпретациях расовых, этнических, национальных различий. Еще больше социальные противоречия обостряются в желаниях отдельных людей поставить себя выше всех, исходя из признаков материального «превосходства» или наличия любого по характеру либо сфере проявления властного «ресурса». Особенно сложны своей «утонченностью» со ссылкой на «высшую волю» и силу подобные проявления в сфере религиозных отношений. Уголовное законодательство и доктрина нормативно и теоретически эти проблемы отражают. Определен в Уголовном кодексе Российской Федерации ряд квалифицированных видов преступлений с соответствующей опасной мотивацией виновных лиц.

Авторы настоящего труда предлагают читателям и исследователям структуру работы под одним наименованием, состоящую из двух частей. Каждую часть материала планируется издать последовательно в разных номерах одного издания. Такое структурирование позволяет самостоятельно выделить в два блока общий материал, каждый из которого способен нести в себе относительно обособленные, но единые знания о формировании криминального экстремистского поведения, которое возникло с момента начала взаимодействия людей, сопутствовало и сопутствует всему времени жизни человечества, но проявлялось своеобразно в разные времена, со своими особенностями у ряда этносов, расовых и социальных образований, в странах, государствах и общностях, включая власть имущих, в процедурах инквизиции, сущности и практике нацизма, религиозного радикализма и др. Это позволило вычленив общие истоки и поводы агрессии человека и сугубо специальные вопросы в истории формирования криминала данного вида, на этапах истории социума и в конкретных формах его проявления, как специфической человеческой криминальной агрессии.

В целях более полного представления об особенностях формирования разнотнического и многонационального социума России, для должного обыденного умозрения и адекватного доктринального восприятия оценок сущности и характера масштабности социальных процессов, изменений в их содержании на протяжении всего многовекового исторического пути России авторы отмечают, что становление многонационального социума России, ее государственности шло при определяющем этническом, социальном, организационном и политическом векторе преобладания русского начала.

В первой части работы исследованы, обобщены и изложены в общих чертах результаты анализа сложных проблем формирования государственности и внутренней государственной политики со времен правления Екатерины II, когда проявились противоречия между правящей и господствующей элитой, феодально-крепостническими устоями в крестьянской организации и обездоленным крестьянством по социальным и отчасти этническим вопросам.

Обозначены штрихами ключевые моменты политики Советской России и СССР в области политического, экономического, социального обновления всех сторон жизни народа и роли в ней национальных, интернациональных аспектов в масштабах общей культуры всех наций на социалистических началах. Отмечены истоки и причины развала СССР. Дана авторская характеристика состоянию государственности и социума в начальный постсоветский период в России и современной Российской

Федерации. Дана оценка устойчивости реальности и прочности стремления преобладающей части трудящихся страны к сохранению основ социалистической экономики и социальной уклада общества, политической и советской организации власти. Это необходимое условие существования и развития единого для всех Отечества и реализации принципов равенства, национального согласия, относительно значимого для всех граждан социального и личного благополучия, духовно пронизанного здоровыми и товарищескими отношениями между людьми ради сохранения единого равнодоступного, равнодостаточного и благородного для всех и каждого в отдельности человека социального блага. Отмечены экономические, социальные и моральные потери всех народов республик, входивших в состав СССР, искусственно вызванные нагнетанием в отдельных регионах страны сначала дискуссий и полемики по вопросам намерений и своих решений о «благостных» действиях по обретению суверенитета и свободы, которые в итоге привели к сепаратизму и развалу СССР, а затем последовавших оправданий своих действий по обретению «реальной свободы» в цепких «объятиях» ненасытного мира капитала. Это были беспочвенные и ничем необоснованные «аргументы» в пользу решения вечных неразрешимых или трудноразрешимых проблем: «неравенства», «несвободы», «зависимости», «подчинения», «сдерживания развития», «высокомерия», а также проявлений дуализма диалектики: ведущий – ведомый, лидер – аутсайдер, самодостаточный – обремененный проблемами и др.

Вторая часть исследования посвящается криминологическим и уголовно-правовым проблемам преступности и видам преступлений экстремистского характера, порожденных выраженным социальным неравенством граждан в социуме, а также противоречиями, вытекающими из разных уровней личной культуры, неоднозначных религиозных представлений и убеждений, расовых и этнических заблуждений.

Ключевые слова: этнос, многонациональное Отечество, социализм, развал СССР, постсоветская криминализация, утрата ценностей социализма, капиталистическая деморализация, ненависть, вражда.

Для цитирования: Иванников И. А., Маликов Б. З. Конституционные основы равенства, единства народа России и проявления уголовно-правовых мотивов ненависти и вражды (часть первая) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 37–49.

Original article

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF EQUALITY, UNITY OF THE PEOPLE OF RUSSIA AND MANIFESTATIONS OF CRIMINAL LAW MOTIVES OF HATRED AND ENMITY (PART ONE)

Ivan A. Ivannikov¹, Boris Z. Malikov²

¹ Sochi branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)”, Sochi, Russia,

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,

¹ freiheit2061@gmail.com, ² malikov_bz@mail.ru

Abstract. The study includes the problems of the history and theory of the state and law of Russia, partly philosophy, political science, sociology, ontology, psychology on the issues of criminal manifestation of negatives generated by the low culture of man in views, assessments and interpretations of racial, ethnic, national differences. Social contradictions are further exacerbated by the desires of individuals to put themselves above all, based on signs of material "superiority" or the presence of any kind or sphere of manifestation of a powerful "resource". Such manifestations in the sphere of religious relations are especially complex in their "refinement" with reference to the "higher will" and strength. Criminal legislation and doctrine normatively and theoretically reflect these problems. A number of qualified types of crimes with the corresponding dangerous motivation of the perpetrators are defined in the Criminal Code of the Russian Federation.

The authors of this work offer readers and researchers the structure of the work under one name, consisting of two parts. Each part of the material is planned to be published sequentially in different issues of one publication.

© Иванников И. А., Маликов Б. З., 2025

Such structuring allows us to independently separate general material into two blocks, each of which is capable of carrying relatively separate, but unified knowledge about the formation of criminal extremist behavior that arose from the moment people began interacting, accompanied and continues to accompany the entire life of mankind, but manifested itself in a unique way at different times, with its own characteristics in a number of ethnic groups, racial and social formations, in countries, states and communities, including those in power, in the procedures of the Inquisition, the essence and practice of Nazism, religious radicalism, etc. This made it possible to isolate the general sources and reasons for human aggression and purely special issues in the history of the formation of this type of crime, at the stages of the history of society and in specific forms of its manifestation, as specific human criminal aggression.

In order to gain a more complete understanding of the peculiarities of the formation of the multi-ethnic and multinational society of Russia, for proper everyday speculation and adequate doctrinal perception of assessments of the essence and nature of the scale of social processes, changes in their content throughout the centuries-old historical path of Russia, the authors note that the formation of the multinational society of Russia, its statehood took place with the determining ethnic, social, organizational and political vector of the predominance of the Russian principle.

The first part of the work examines, summarizes and outlines in general terms the results of the analysis of complex problems of the formation of statehood and domestic state policy since the reign of Catherine II, when contradictions emerged between the ruling and dominant elite, feudal-serfdom foundations in the peasant organization and the dispossessed peasantry on social and partly ethnic issues.

The key points of the policy of Soviet Russia and the USSR in the field of political, economic, social renewal of all aspects of people's life and the role of national, international aspects in it on the scale of the common culture of all nations on socialist principles are outlined with strokes. The sources and reasons for the collapse of the USSR are noted. The author's characteristics of the state and society in the initial post-Soviet period in Russia and the modern Russian Federation are given. An assessment is given of the stability of reality and the strength of the desire of the majority of the country's workers to preserve the foundations of the socialist economy and social structure of society, the political and Soviet organization of power. This is a necessary condition for the existence and development of a single Fatherland for all and the implementation of the principles of equality, national accord, relatively significant for all citizens social and personal well-being, spiritually permeated with healthy and comradely relations between people for the sake of preserving a single equally accessible, equally sufficient and noble social good for everyone and each individual person. The economic, social and moral losses of all the peoples of the republics that were part of the USSR were noted, artificially caused by the escalation in certain regions of the country of discussions and polemics on issues of intentions and their decisions on "benevolent" actions to gain sovereignty and freedom, which ultimately led to separatism and the collapse of the USSR, and then the subsequent justifications of their actions to gain "real freedom" in the tenacious "embraces" of the insatiable world of capital. These were groundless and unfounded "arguments" in favor of solving eternal insoluble or difficult to solve problems: "inequality", "lack of freedom", "dependence", "subordination", "restraint of development", "arrogance", as well as manifestations of the dualism of dialectics: leader – follower, leader – outsider, self-sufficient – burdened with problems, etc.

The second part of the study is devoted to criminological and criminal-legal problems of crime and types of crimes of an extremist nature, generated by pronounced social inequality of citizens in society, as well as contradictions arising from different levels of personal culture, ambiguous religious ideas and beliefs, racial and ethnic misconceptions.

Keywords: ethnos, multinational Fatherland, socialism, collapse of the USSR, post-Soviet criminalization, loss of socialist values, capitalist demoralization, hatred, enmity.

For citation: Ivannikov I. A., Malikov B. Z. Constitutional foundations of equality, unity of the people of Russia and manifestations of criminal law motives of hatred and enmity (part one) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 37–49. (In Russ.)

Введение

История развития российской государственности с древнейших времен и до современного уровня организации социума и

политико-правовых институтов путем придания и обретения поэтапно государственным устоям более прочной стабильности и должной заданности, формирования эффективной

динамики правовых отношений, как важнейшим государственным скрепам управления и обеспечения прав и свобод человека и граждан, как необходимой правовой форме для проявления непосредственной демократии народа через представительные органы власти, позволяющей реализовывать волю большинства граждан страны в реальном действии механизмов правовых и правосудных начал в организации жизни, складывалась в длительный исторический период, своеобразным образом получив определенный результат движения и развития, но не всегда на благо большинства социума и неоднозначно по восходящей прямой.

В зрелый период своего становления самодержавная основа Российского государства уже со второй половины XVIII века стала утрачивать свой монарший авторитет и былую способность обеспечивать сильную власть, а также быть опорой социального движения и сплачивания всех слоев населения и народов в единый социальный и государственный монолит. Народный бунт под предводительством Е. Пугачева проявил ряд социальных проблем в организации крестьянского образа жизни и в отдельных этнических группах населения, которые вылились в его острое противостояние власти, подавленное с помощью армейских подразделений. Все это потребовало от Екатерины II проведения определенных реформ. Она продолжила укрепление государственности России на основе установления нового административно-территориального деления, усиления личной власти, а также Сената и судебной системы. Реформе подверглась военная и тюремная организация, полиция, денежная и финансовая система. Внесены были изменения в статус дворянства, в положение крестьян, предпринимательства. Изменению подверглась структура общества в части сословной дифференциации, привилегий, повинностей и сборов. Упразднена была организация казачества, урезаны права церкви. Ею были позитивно восприняты взгляды итальянского мыслителя и правоведа Ч. Беккариа на преступление и нака-

зание. Отмеченные реформы и начинания выводили Россию из затяжного социально-го кризиса и задавали определенный динамизм дальнейшему развитию страны.

При этом монархический, церковно-религиозный, крепостнический и общинный уклад деятельности и жизни, а также государственно-политический консерватизм, хотя сдерживали темпы развития страны, но все же не мешали общей позитивной тенденции укрепления Российской империи. Наполеоновское вторжение в Россию 1812 г., а затем освободительный рейд русских войск до своих границ и далее в саму Европу стали предтечей событий 1825 г. на Сенатской площади Санкт-Петербурга, когда дрогнуло единение духа дворянства, породив дальнейшее противогосударственное вольнодумство в разночинных рядах общества. С момента событий 1825 г. менее 100 лет оставалось ей до завершения своей исторической монаршей миссии в России. Все же за это время самодержавная власть и экономика страны при опоре на трудовое участие рабочих и крестьян разных этносов успели создать и запустить в интересах экономики, обороны и на благо всех «стальной скреп» страны – железную дорогу. Она соединила, объединила и сплотила население и все пространство России от западных до восточных границ государства.

Февральские события 1917 г. и последующая деятельность Временного правительства России до 26 октября 1917 г., которое так и не преступило с опорой на народ и в интересах народа к кардинальным преобразованиям в стране, сохраняя политическое противостояние бедных народных масс и имущего «сословия», оказались не состоятельными к этому.

Далее в истории России следовал вполне закономерно советский строй, социалистический уклад жизни и культуры. Принятая на II съезде РСДРП в 1903 г. программа определила основные задачи социального переустройства России – свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата при опоре на единство и сплоченность рабочих и крестьян.

После полной победы советского строя в РСФСР по итогам Гражданской войны в начале 20-х годов прошлого века роль основного государственного и опорного социального звена в составе Союза Советских Социалистических Республик выполняла Россия. Первое в мировой истории государство диктатуры пролетариата и ее народ взяли на себя тяжелое бремя возрождения экономики и выравнивания уровня культуры всех народов, в том числе в прошлом отсталых и застойных задворков страны и мало просвещенного народа, ранее не имевшего иных форм своего личного и социального развития, кроме как быть обездоленной рабочей силой, подлежащей эксплуатации, а также выступать в качестве мобилизационного ресурса для исполнения воинской и иных повинностей во благо царя и Отечества.

Советский Союз продемонстрировал свои преимущества как государство трудящихся, эффективность динамизма социалистической экономики, науки, культуры, организационной и мобилизационной способности в годы Великой Отечественной войны и первые два десятилетия после победы в ней.

На фоне «благоденствия мира потребления», проявленной информационной агрессии и действия теневого рынка «вещизма» социальные и моральные устои советского общества в стране постепенно претерпели определенную деформацию. Со времен «прихода» сомнительным способом к власти Н. С. Хрущева единство Коммунистической партии и народа было расколото на сторонников и противников:

а) нового «руководства» и пересмотра прежних заслуг перед Родиной тех, кто помогал их «приходу» к власти, и тех, кто не принял ни сам процесс перехода власти, ни его результаты по участникам и персоналиям тех событий;

б) в вопросах справедливости «суда» над Л. П. Берией, оценок «культы» личности И. В. Сталина на XX съезде КПСС, сделанной Н. С. Хрущевым, в партии и обществе зародились большие сомнения и чувство протеста. Текст доклада нового руководи-

теля страны по этому вопросу практически был засекречен, а его интерпретация в средствах массовой информации не вызывала всеобщей поддержки. Все это усугубило внутренний незримый раскол в партии и явно ослабил взаимодействие КПСС с компартиями других государств;

в) хрущевская «оттепель» в СССР стала и началом сильного «сквозняка» в «растревоженных» помыслах и надеждах людей;

г) начала подвергаться сомнению значимость основных ценностей советского социума;

д) невольно и целенаправленно осуществлялось ослабление действия норм морали, закона, значимости личной ответственности за общие дела;

е) принципы интернационализма и братства всех народов и этносов страны, патриотизма стали уступать морали индивидуализма, «сытой» личной жизни, отстраненности от коллективных форм организации, породить узкоместнические взгляды и подходы к вопросам социального развития, региональное иждивенчество;

ж) усилилась деятельность псевдорелигиозных движений и сект.

Все эти негативные моменты не были случайными или объективно обусловленными явлениями. Советский Союз был подвергнут «запрограммированному» развалу мощного разностороннего давления извне, при «увязке» этого процесса с частью слабых и инертных слоев населения страны, «уставших» от бремени и затянувшихся сроков строительства социализма. Антисоветская и антисоциалистическая стратегия и тактика Запада и США по развалу СССР были обращены своим мощным разносторонним давлением на ключевые направления в деятельности страны: на отдельных партийных, профсоюзных, комсомольских и государственных функционеров, Коммунистическую партию и комсомол в целом, армию, правоохранительную и судебную систему, науку и образование, здравоохранение, жилищную проблему и др. Не оставались без внимания усиления негативов в тенденции социального расслоения населения, этнических и межнациональных

противоречий, провоцирующего «давления» на церковь и религию. В результате глобальной разносторонней диверсии против СССР социализм, который никогда, по убеждениям В. И. Ленина, не должен был загнить изнутри, был доведен до критического социального состояния несостоятельными и гнилыми «функционерами», псевдо-лидерами, энтузиастами и моралистами только для других лиц и на словах.

Однако объединенными усилиями подрывной деятельности экономики и политики США, стран Западной Европы, Японии, путем навязывания локальных войн и конфликтов в короткое время СССР был экономически и духовно истощен к началу 1990 годов, а руководство Коммунистической партии Советского Союза не справилось с решениями задач по выполнению своей исторической миссии. Лишь Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев с трудом удерживал экономическую и социальную ситуацию в стране.

Трагедия Чернобыля сработала на определенное время против атомной энергетики СССР. Цены на нефть были доведены до критически низкого уровня для СССР. Все это привело к спаду в экономике СССР. После смерти Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова КПСС не смогла выдвинуть сильного и эффективного руководителя партии и лидера по мобилизации внутренних сил страны по выходу из кризисного состояния в экономике и внешней политике.

Сначала «дрогнули» в Союзе ССР наиболее слабые его «звенья». Это были страны Балтии, а затем путем «индивидуального» подхода была решена в формате росчерка пера не дюжих «руководителей» в обход мнения народа судьба других государств о выходе каждой республики из общей страны трудящихся и вхождении в пространство уже устоявшегося капитализма. Объективных и закономерных предпосылок для самораспада СССР не было. Ведь идея социализма жива в государственном и социальном устройстве других стран, и она удивляет мир своими успехами и достижениями уже не одно десятилетие.

В водоворот измены советскому Отечеству трудящихся и идеалам социализма был ввергнут при помощи внешней агентуры и деятельности «социальных» специалистов в области очернения социализма, а также искусной демонстрации и приукрашивания «преимуществ» Запада и США определенный круг «мелочных по духу» людей и специалистов из разных сфер деятельности: искусства, образования и науки, медицины, обороны, спецслужб, спорта, технологичных производств. К «отрицанию» социализма и безразличию к судьбе народов СССР успешно были склонены и податливые к искушению лжи «перемен» по заморским и заграничным рецептам, образцам и «сладостным» обещаниям подачек и простые рядовые граждане, не пожелавшие проявлять усердие на свое благо и своих детей на своей Родине. Президент СССР М. С. Горбачев ничего не предпринял по защите государственного суверенитета СССР, не пресекал факты нарушения законодательства в 1989 году во время выборов в Верховный Совет СССР, при принятии 12 июня 1990 года антиконституционной Декларации о государственном суверенитете РСФСР, во время акции подписания антигосударственного Беловежского соглашения и других, а затем и сам нарушил Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

Из СССР Российская Федерация никогда «не выходила», изменив на противоположный вектор развития своей экономики и политический строй, став значимым социальным и территориальным «остатком» от основы СССР, обретя статус его правопреемника, особенно в части долгов и обязательств, и сохранив из прошлого советскую музыку к новому тексту (прежнего автора) Гимна Российской Федерации, а также сталинскую и хрущевскую монументальность в архитектуре, в облике городов и населенных пунктов, увековечении имен своих героев в наименовании улиц и некоторых значимых объектов истории СССР.

Постсоветская Россия и ее народ были ввергнуты в противоречивый водоворот

капитализма на фоне «глобального» разрушения социалистической экономики и «обнуления» советских идеалов уклада жизни, культуры и воспитания детей и молодежи. Начался криминальный передел собственности, процесс «рыночной» деморализации. Обрушение советской правовой системы, правосудия, правоохраны привело к резкому росту коррупционных деяний и общеуголовных преступлений. Активизировался процесс резкого расслоения населения по материальному, политико-идеологическому и церковно-религиозному признакам, были отмечены отдельные проявления «амбиций» удельности, местничества и завышения формальной и неформальной статусности некоторых «особ» под свои местнические, «общесоциальные» и иные интересы. Все это ослабляло социальное здоровье социума.

В процессе капиталистического «разбазаривания» производственных сфер машиностроения, автомобилестроения, гражданского авиастроения выпали в никуда высококвалифицированные специалисты. В социуме была понижена роль научной, педагогической и медицинской, правоохранительной деятельности и военной службы. Стремительно и необоснованно возросла роль банков и финансовых учреждений в экономике, появилась в обществе прослойка «олигархов» и «вдруг обогативших» лиц.

На этом фоне деформаций в социуме России стали ненужными рабочие руки патриотичных граждан своей страны. Искусственно на «пепелище социализма», а точнее ее экономики, был создан «избыток» или непотребность рабочей силы, породив безработицу. При этом из-за зарубежья стали привлекаться в сферу строительства, торговли, бытового обслуживания населения и другие области трудовой деятельности иностранные граждане, «заполнять» бреши спонтанной дикой экономики рынка без мотивации ответственного созидателя. Их устремления определялись желанием любым способом «заработать». Поэтому они были на уровне своего сознания и убеждений отстранены от ответственности за состояние и дела России. Поэтому они, плохо владеющие рус-

ским языком, и не стремились встраиваться в требования жизни россиян по действующим законам, обычаям и традициям.

Мотивация зарубежных работников-мигрантов нередко оставалась и остается узкомотивированной: «заработок» или «доход» любой ценой, в том числе и нередко в интересах криминала, а иногда и агентуры недружественных государств, либо связанные с посягательствами против личности, на чужую собственность, правопорядок и общественный порядок. В сфере оформления законной миграции имели и имеют место правонарушения, злоупотребления и коррупционные проявления, а также факты прямого предательства со стороны официальных лиц России интересов службы и страны. За всеми подобными «отступлениями» нередко следовали распространение временными мигрантами социально опасных заболеваний, вредных идей радикального ислама и других религиозных направлений, проявления криминальной агрессии. Личная гигиена и условия быта мигрантов не всегда находились и находятся под должным контролем и отвечают требованиям санитарии и безопасности.

Российское государство еще не обеспечило выполнение ряда социальных обязательств перед своими малоимущими гражданами, безработными, инвалидами, престарелыми, студентами, военнослужащими, служащими правоохранительных органов, медиками, педагогами, частью ученых, больными, нуждающимися в дорогостоящем лечении, и др. Возможно, по этой причине, пока нельзя социальными благами привлекать в Россию достаточно бедную и многочисленную часть трудовых мигрантов. Отдельные из зарубежных работников нелегально переправляют в Россию свои большие семьи и за счет разных «манипуляций», правонарушений, несовершенства законодательства и правоохраны обременяют сферу медицины, социального обеспечения и образования, не позволяя за счет недостаточности бюджетных средств и соответствующих фондов повышать уровень благосостояния коренного населения

страны и относительно выравнивать его применительно к различным категориям граждан.

Видимо, пришло время для коренного «перелома» ситуации в сторону совершенствования рабочих мест и повышения оплаты труда для граждан во всех сферах их деятельности России. Это должно происходить за счет широкого использования преимущественно машинного и роботизированных процессов труда, который пока еще должным образом не обеспечивается в сферах уборки улиц, скверов, парков, общественных мест, доставки малых грузов, товаров и продуктов питания из торгующих предприятий, почтовых отделений, станций, баз, хранилищ. Наука и производство должны незамедлительно отреагировать на эти жизненно острые проблемы повышения организации, культуры, эффективности труда, его облегчения, повышения мобильности в использовании средств и предметов труда, расширения «площадок» с высочайшей оснащенностью средствами и предметами труда. Затраты для работодателя должны быть оптимальными и быстро окупаемыми за счет слаженности самих процессов труда, выполнения больших объемов работ, качества, повышения ответственности работников, стабильности эффективных кадров, уважающих высокую и продуманную организацию всех процессов труда, уровень культуры и соответствующий этим требованиям и уровень достойной оплаты.

В комплексе отмеченных выше проблем, связанных с трудовой миграцией, и вытекающих из этого социальных и правоохранительных задач должны последовательно решаться и вопросы полного и всеобъемлющего контроля за притоком мигрантов в Россию, а также выявления в их среде лиц, способных наносить и наносящих вред правоохране, правопорядку и культуре России, сохраняющих способность к криминальному проявлению и экстремизму.

Основная часть

В преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 г. дана значимая и определяющая ход будущей истории страны оценка

процессам единения земель и сложившейся сплоченности ее многонационального народа как результата сложного движения внутренних социальных сил объективного порядка и свойства, а также формирования политики государства, отражавшей разные этапы своего политико-экономического и социального развития, устройства и достижений, которые на протяжении тысячелетия прошли тяжелые испытания на свою жизненную состоятельность и государственную прочность.

Важнейшим и определяющим социальным итогом истории формирования Российской Федерации как неординарного по ряду основных характеристик государства, отражающих и особенности возникновения, и проявления своеобразия общности многонационального народа страны, а также по характеру и степени консолидации разных этносов и наций, явилось возникновение единого и общего отечества для всех народов России.

Настоящее Отечество формировалось путем добровольного присоединения (вхождения) в состав Киевской Руси, а затем Московского русского государства ряда этнообразований, а в некоторых случаях на основе территориальной и экономической эскалации центра для военных и оборонных целей (крепости, гарнизоны, казачьи поселения). Тем самым за счет градообразующего социального, экономического и иного вклада в развитие конкретных социально-территориальных единиц было объективировано свое реальное право на управление ресурсами, формирующее опорные точки экономического и социального развития и роста на землях народов, не имевших еще устойчивых собственных признаков городищ, крепостей, княжеств и (или) военного потенциала и организационных сил для обеспечения этногосударственности, экономической, политико-государственной оседлости с возможностью самостоятельного обеспечения своего этносоциального суверенитета на территории пребывания (мигрирующие и кочевые народы, вооруженные племена и этносы, совершавшие грабительские набе-

ги на ближайших соседей и соплеменников с целью непроемкого выживания и существования).

Объективно обусловленное, совместное и общее, разноуровневое и разнохарактерное проживание на одной общей территории, тесное взаимодействие в процессах хозяйствования, товарного обмена и ведение иных дел во имя общего блага привели к образованию и развитию единого для всех народов и этносов территориального и культурного пространства, а также тесной жизнедеятельности, единого социального явления – Отечества – России.

На протяжении длительной совместной жизни и деятельности разных народов такое обрело свою социальную, экономическую и культурную устойчивость на основе признания всеми народами России прочной их связи с русским этносом, как само по себе нарождающегося и укрепляющегося русского этнического начала, так и составлявшего основу развития своего государственного образования и других народов, вставших под ее покровительство в качестве равных соотечественников. Все народы будущей России одновременно участвовали в социальных процессах двух уровней: а) всеобщего – формирования общего и значимого в целом для всех – единого Отечества; б) проявляя инициативу и труды в целях трансформации своих этногрупповых, этнокультурных и иных общностей в автономные структуры единой страны.

Первый уровень государственности позволил создать единые начала управления страной при учете изначально интересов русского народа, заложившего основы устройства государства и организации власти в нем. При этом были признаны достой-

ными внимания и уважения представители иных народов в процедурах обращения к власти для должного принятия решений по этнонациональным и иным вопросам в центре и на местном уровне.

На примере народов Башкирии при Иване Грозном был решен вопрос о «вотчинных землях», правах коренного народа и повинностях при сохранении у него права на исповедование Ислама. Еще более кардинально «национальный» вопрос получил развитие через «процесс» создания автономий в первые годы Советской власти. В этом ряду реформ Башкирский регион получил первым государственный статус Автономной Республики, а ее народ – равноправных граждан РСФСР, а затем и СССР. В этой автономии, как и в целом в России и СССР, религиозность граждан была признана личным делом каждого гражданина, при наличии официальной дистанции дел государства и церкви. Не удалось избежать перегибов Советской власти в отношении неофициальной церковной власти, церковных учреждений и их деятелям, которые имели сильное духовно-религиозное, а порой и антисоветское влияние на верующих лиц.

В целом весь исторический период формирования государства и социума в России, в том числе и во времена Советского государства, как неразрывный процесс созидания породил новую социальную особенность для всего многонационального народа – осознание и принятие как данности для всех соотечественников своей принадлежности к формации «русской» государственности, а также признание себя носителями, наряду с родственными, этническими корнями, и соответствующего «русского» менталитета, русской культуры¹. Как нами

¹ Полагаем, что на пространстве Древней Руси не было объективных социальных, этнических, территориальных и ментальных условий и особенностей для формирования русской нации как особого уровня развития этноса русов. В источнике древности – в Повести временных лет «русы», которые якобы дали название Руси, в составе восточнославянских племен не упоминаются. Земли «русов» как места обитания конкретных племен, давших начало зарождению соответствующего этноса, а в более поздние времена ставшие частью территории русских земель, не были еще окончательно определены в качестве территории нарождающейся Руси. Видимо, следует полагать, что сам этнос русов начал оформляться как этносоциальное явление только в период VIII–IX веков.

было отмечено, религиозные «ценности» истории социума не всегда имели объединительный характер и позитивное значение. Мы имеем в виду различия в организации религиозно-церковного дела и жизни верующих: причащение к разным приходам церкви, «свои» оттенки богословно-религиозной философии (мудрость и миропонимание, духовность и форматы богослужения), свои обряды и процедуры религиозных действий, традиции и погосты, а были еще военные и вооруженные противостояния и конфликты по религиозным причинам и поводам.

Во все времена и особенно в советский период в Российской Федерации в целом формировалась общая культура для всех народов на основе многовековых достижений русского и других народов: а) обеспечивалась всеобщая грамотность; б) организовано получение начального, среднего, высшего профессионального образования и подготовки; в) русская и советская наука формировалась на русской теоретической, познавательной, исследовательской и организационной основе, при доступности к ее ценностям и возможностям представителей всех наций и этносов; г) все советское общество было пронизано едиными организационным и духовным форматом культуры, ориентированным на развитие личности и социума на основе коллективистских начал, здорового образа жизни, воспитания высокой нравственности и ответственности.

Следует иметь в виду при оценке некоторых противоречий и противостояний на религиозной почве то, что мировые религии имеют свою более тысячелетнюю историю формирования и трансформации. В географии и в социальных глубинах разных этносов России произошла дифференциация населения по признакам вероисповедания той или иной религии. Две основные группы верующих составляют православные христиане и мусульмане, которые формировались на протяжении более тысячелетней истории с момента крещения Руси. Исламская религиозность и церковность с определенным временным отставанием в условиях уже утвердившегося православия начала свое ак-

тивное влияние на умы и сердца той части русов, которых относили к категории преимущественно нерусского этноса. Основные мировые религии определялись и утверждались на Руси в разные исторические периоды, территориально-географическое их распространение было однозначно определенным в пределах границ расселения конкретного этноса как носителя исповедания конкретной религии. На пространствах Руси и России достаточно сильные позиции в социуме и во взаимодействии с властью традиционно имела Православная церковь, как превосходящая по темпам и характеру своего утверждения в истории современного нашего общего Отечества. Теперь этот более тысячелетний факт субъективной деятельности преподносится в качестве объективной реальности.

Религия и церковность как значимый социальный и культурный фактор и источник своеобразного церковного динамизма (идеологии) невольно стали оппонентами светской деятельности государства, основным началом консерватизма, сдерживающим развитие науки, отдельных направлений официальной культуры, да и формирование всесторонне развитой личности, свободной в рамках действия норм закона и морали.

В современных условиях динамизма развития социума, высокого уровня информированности и общения населения страны, наличия развитой общей культуры, других объединительных форматов этническая и религиозная обусловленность и их консервативные начала либо сущность оказались не способными сдерживать объективный процесс межнационального сближения и создания межэтнических браков. Данный аспект социальной, межэтнической и быденной жизни и взаимодействия граждан России затронул напрямую позитивно интересы преобладающей части населения страны, а также коснулся в качестве не совсем приемлемого явления ограниченной эгоистично настроенной части представителей различных наций, народностей и социальных групп. По сведениям разных информационных источников, в России в пределах

30 % населения страны имеют межэтнические и межрасовые корни. Тем самым в нашей стране существует значительная социальная прослойка и реальная сила, несущая в себе дух интернационализма и признания необходимым и нормальным наличие устойчивых межэтнических и межнациональных отношений. Таким образом, в России своеобразный исторически длительный, социальный, политический, экономический и культурный процесс сближения наций и народностей в рамках одного и единого государства определялся и характеризовался своими объективными реалиями, а также предопределял и должные вполне определенные последствия:

1) объединение земель и экономики будущей великой страны шло вокруг единого центра преобразований – Московского княжества, русской соборности, со своей этносоциальной и культурно-религиозной основой, путем «собираания» земель других княжеств и территорий с населением разного уклада жизни и веры с целью формирования единого суверенного территориально-государственного субъекта международных отношений;

2) изначально Московское государство прирастало землями и разнородным населением, формируясь в единое целое на основе славянской культуры, русского языка как социального инструмента общей культуры, совместной организации жизни, хозяйствования, единого экономического и социального пространства, организации органов власти, государственной службы, без притеснений присоединенных и явной эксплуатации каких-либо групп населения, за исключением наличия повинностей и фискальных сборов;

3) общей для Московского государства и всех ее народов вплоть до становления Российской империи была задача обретения территориально оформленного, экономического, оборонного и государственного суверенитета России как признанного субъекта в международных делах, в опоре на труды и службу всех народов как подданных сначала Российской империи, а за-

тем как равноправных граждан РСФСР и современной России;

4) государственность России прошла свой путь монархического, имперского, самодержавного управления и сформированности всеобщей особой ментальности разнородного народа империи, возвращенной на признании Бога, церкви и монарха, монаршей династии и порядка престолонаследия, господ от церкви, от привилегированных сословных особ (до февраля 1917 г.), как привилегированных социальных единиц и их общностей, как лиц, унаследованных от рождения или по мере титулованности, подлежавших поклонению со стороны остальных обывателей;

5) внутренний уклад жизни в России формировался изначально на формальной общинной и сословной, а затем гражданской конституционной основе при значительном культе религии: православия, ислама, буддизма и др.;

6) длительный исторический период население России было в основном малообразованным, воспитанным, как правило, на нормах морали и нравственности, традициях и обычаях семейного и общинного уклада жизни, а также на религиозно-церковных нормах, которые несли в себе обыденность людей, облеченную в религиозную форму;

7) патриархальные, феодальные отношения общинного типа на протяжении многих столетий сдерживали развитие социума и экономики России;

8) в своем социально-государственном развитии Россия в сравнении рядом государств Европы, а затем и США, занимавших господствующие рубежи в экономике и развитии социума за счет доходов от грабительской внешней политики и эксплуатации экономических, материальных и физических ресурсов других государств и территорий, значительно отставала от них, будучи отстраненной и самоотстраненной от социального динамизма этих стран;

9) каждое столетие Россия испытывала экономические и социальные потрясения от участия в больших и малых войнах, рево-

люциях, псевдореформах, а также упадок от затянувшихся явных и скрытых застойных явлений в управлении и экономическом движении;

10) помимо дифференциации людей по сословным и религиозным критериям, нарождалась и «усиливалась» еще одна самостоятельная категория лиц, имеющих конфликт с законом, – осужденные за совершение преступлений, несущих в себе и тиражирующих криминально-тюремный опыт.

Заключение

Россия ценой жизни многих поколений прошла свой сложный путь суверенизации и единения всех народов, доказавших необходимость жить вместе и свою способность отстаивать общие интересы в международных делах, в том числе и военным путем. Тем самым Россия как государство воссоздавалась на своей собственной самостоятельной, но общей для всех этносов, русской социальной основе, как единой онтологии судьбы для всех народов, связанных прочно между собой на своей общей земле – своем Отечестве.

Единство народов в Советской России и Советском Союзе придало общее понимание и ощущение реальности позитива от единства и сплоченности трудового народа, небывалые ранее колоссальные успехи в экономике, политике, достижения в науке и культуре, социальном развитии. За краткосрочный и тяжелый советский и социалистический период, обремененный тяготами и лишениями Великой Отечественной войны, все социалистические республики окрепли экономически, создали и усилили свою государственность, обрели свои форматы самостоятельной культуры.

Трудящийся народ «союзных государств», выйдя из единого социального пространства и сильной экономической поддержки со стороны Советской России, остался без постоянного, сильного, реального экономического и духовного участия, а также поддержки надежной державы, доброжелательных и ответственных граждан России, как фактора и естества, что потребляли, как воздух, не задумываясь о цене и

происхождении этого блага, о самоограничениях и трудностях, которые испытывали при этом граждане Советской России.

Разрыв экономических и хозяйственных связей для большинства бывших союзных республик обернулся серьезными издержками в экономике и хозяйственной сфере. Были остановлены, а затем ликвидированы целые производства, основанные на широкой кооперации предприятий разных республик Союза, что привело к потере от 20 до 30 процентов рабочих мест, утрате спроса на высококвалифицированные специалисты. Рабочий класс, как социально-политическое, демографическое значимое явление и как весьма четко ориентированный политический авангард трудящихся, на современном рынке стал малостребованным и начал исчезать. Есть в этом незримом процессе заслуга мира капитала, который обеспечивая технический прогресс, стал резко сокращать за счет модернизации производства численность рабочих. Капитализм отделил основную массу рабочих от сфер производства и перенаправил ее в сферу торговли, обслуживания, правоохрану и армию. Тем самым рабочий класс стал вырождаться, перестав воспроизводиться. Другая ранее действующая ее часть начала деформироваться и переформатироваться в «менеджеров» – специалистов небольших, но многочисленных и разнопрофильных фирм, контор, ателье, салонов, баров, агентств, фондов, малых цехов, мастерских, множества торговых, складских, транспортных и других микроорганизаций. Значительную часть рабочих поглотил частный бизнес и индивидуальное предпринимательство. Таким образом, в России были подвергнуты «разорению» и «десоциализации», в конечном итоге уничтожению крупные флаги социалистической экономики и производства, ставшие материальной основой обычных торговых рынков либо торгово-развлекательных центров. Капиталистические промышленные предприятия свели на нет своей организацией труда, модернизацией экономики, автоматизированными и роботизированными конвейерными линиями, широким

использованием компьютерной техники, запрограммированных приводов к станкам и сложному оборудованию, вытесняя ручной труд, а вместе с ним и работников, рабочий класс. Исход с исторической социальной и политической арены России рабочего класса превратил социум в сообщество людей «плюралистической» многовекторности, а значит, с ослабленной социальной и духовно-идеологической устойчивостью. Эти обстоятельства по-своему нашли свое проявление в бывших союзных республиках. Видимо, неслучайно российское общество столкнулось с проявлениями религиозного, экономического и сугубо криминального экстремизма.

Проблема уголовно-правовых и криминологических аспектов современного экстремизма в России на почве этнической, национальной и религиозной розни, социального неравенства, а также проявлений ненависти и вражды авторами настоящего материала будет раскрыта и доведена до читателей и специалистов в области права в следующем тираже настоящего издания. Криминальный экстремизм вместо антисоветизма, контрреволюции, саботажа и вредительства, как новый более «цивилизованный» формат противоборства за «свободу» и «реализации прав», без обязанностей и ответственности, за свое «личное» благополучие, – это все будет в следующем номере настоящего издания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванников И. А. Славянские народы и их союзы: государственно-правовой аспект: монография. Ростов-на-Дону – Таганрог, 2024. 180 с.
2. Иванников И. А. Государственный суверенитет России в условиях внешних угроз // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 4 (40). С. 21–26.
3. Маликов Б. З. Уголовно-правовое понятие вредительства и ответственность за таковое в советский и постсоветский периоды истории России // Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра: материалы III Международной научно-практической конференции. Рязань, 2025. С. 56–59.

REFERENCES

1. Ivannikov I. A. Slavic peoples and their unions: state and legal aspect: monograph. Rostov-on-Don – Taganrog, 2024. 180 p. (In Russ.)
2. Ivannikov I. A. State sovereignty of Russia in the context of external threats // Economy. Law. Society. 2024. Vol. 9. No. 4 (40). P. 21–26. (In Russ.)
3. Malikov B. Z. Criminal law concept of sabotage and responsibility for it in the Soviet and post-Soviet periods of Russian history // Criminal policy: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the III International scientific and practical conference. Ryazan, 2025. P. 56–59. (In Russ.)

Информация об авторах:

И. А. Иванников, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор;
Б. З. Маликов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

I. A. Ivannikov, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor;
B. Z. Malikov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 351.745.078:[343.85:343.34](470)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С НАСЕЛЕНИЕМ КАК ОСНОВА БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ

Борис Александрович Федулов¹, Дмитрий Олегович Заречнев²,
Антон Сергеевич Гричанов³

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия
³ Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия
¹ fedulovb@mail.ru, ² zarechnev1964@mail.ru, ³ g-ton@mail.ru,
³ ORCID: 0009-0007-0557-0124

Аннотация. В статье раскрывается актуальность проблемы взаимодействия сотрудников полиции с населением по противодействию экстремизма и терроризма. Уточнено содержание экстремистской и террористической деятельности в современных условиях. Рассмотрена характеристика населения как объекта взаимодействия. Определена роль участковых уполномоченных полиции в профилактике правонарушений. Выявлены основные направления взаимодействия с различными субъектами по противодействию экстремизму и терроризму. Разработано алгоритмическое предписание принятия решения в организации взаимодействия по противодействию экстремистской и террористической деятельности. Раскрыты особенности взаимодействия сотрудников полиции с различными категориями населения.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, взаимодействие, профилактика, участковый уполномоченный полиции, население, общественная безопасность.

Для цитирования: Федулов Б. А., Заречнев Д. О., Гричанов А. С. Взаимодействие участкового уполномоченного полиции с населением как основа борьбы с экстремизмом и терроризмом // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 3 (109). 2025. С. 50–57.

Original article

INTERACTION OF THE DISTRICT POLICE OFFICER COMMISSIONER WITH THE POPULATION AS A BASIS FOR COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM

Boris A. Fedulov¹, Dmitry O. Zarechnev², Anton S. Grichanov³

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ fedulovb@mail.ru, ² zarechnev1964@mail.ru, ³ g-ton@mail.ru, ³ ORCID: 0009-0007-0557-0124

Abstract. The article reveals the relevance of the problem of interaction between police officers and the population to combat extremism and terrorism. It clarifies the content of extremist and terrorist activities in modern conditions. The characteristics of the population as an object of interaction are considered. The role of district police officers in the prevention of offenses is determined. The main areas of interaction with various actors to combat extremism and terrorism are identified. An algorithmic prescription for decision-making in organizing interaction to combat extremist and terrorist activities is developed. The features of interaction between police officers and various categories of the population are revealed.

© Федулов Б. А., Заречнев Д. О., Гричанов А. С., 2025

Keywords: extremism, terrorism, interaction, prevention, district police officer, population, public safety.

For citation: Fedulov B. A., Zarechnev D. O., Grichanov A. S. Interaction of the district police officer with the population as a basis for combating extremism and terrorism // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 3 (109). 2025. P. 50–57. (In Russ.)

Введение

Обеспечение общественной безопасности и правопорядка в современных условиях актуализируется в связи с возрастанием угроз экстремистской и террористической деятельности. Очевидно, что для борьбы с этими преступлениями государству необходима поддержка со стороны общества в целом, в том числе со стороны населения. Существенную роль в решении этой задачи играет деятельность участкового уполномоченного полиции, которая должна осуществляться в тесном взаимодействии с населением.

Институт участковых уполномоченных полиции является одним из действенных органов взаимодействия с населением, поэтому тема, раскрывающая особенности организации взаимодействия участковых уполномоченных полиции с населением по противодействию террористической и экстремистской деятельности, актуальна и своевременна.

Анализ нормативных правовых источников по представленной теме позволил определить ряд целей исследования:

- раскрыть особенности организации взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением по противодействию экстремизму и терроризму в современных условиях;

- выполнить анализ проблемы взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением по противодействию экстремизму и терроризму;

- определить основные направления взаимодействия по профилактике и пресечению преступлений террористической и экстремистской направленности;

- разработать алгоритмические предписания принятия решения по организации взаимодействия с различными группами населения;

- раскрыть особенности взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением по противодействию экстремизму и терроризму.

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе проблемы взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением по противодействию экстремизму и терроризму; в разработке алгоритмического предписания на принятие решения по организации взаимодействия с различными группами населения.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии особенностей взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением по противодействию экстремизму и терроризму, а также определения основных направлений взаимодействия по профилактике и пресечению преступлений террористической и экстремистской направленности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности выработки рекомендаций по профилактической деятельности с целью принятия наиболее действенных подходов по противодействию экстремизму и терроризму, а также предложенные рекомендации могут быть использованы при подготовке сотрудников полиции к практической деятельности.

Методы

За методологическую основу теоретического исследования традиционно были приняты общенаучные методы, такие как анализ и синтез. Вместе с тем на отдельных этапах исследования для сопоставления отдельных процессов и явлений использовался сравнительно-правовой метод.

Результаты

Изучение вопросов профилактической направленности противодействия экстремизму и терроризму требует учета и соблюдения основополагающего принципа,

закрывающегося в приоритете мер его предупреждения. Вместе с тем следует обращать внимание на аспекты противодействия экстремистской деятельности, одним из которых можно считать совершенствование профилактических мер, касающихся предупреждения экстремистской деятельности, а также создание условий для выявления и пресечения экстремистских проявлений в общественных и религиозных объединениях, организациях.

Причины и содержание экстремизма и терроризма раскрываются в исследованиях Ю. М. Антоняна, Ю. А. Антонова, А. М. Ахильгова, А. В. Возженикова, Ю. Н. Демидова, В. И. Дятлова, О. А. Колобова и др. Противодействию данной преступной деятельности со стороны правоохранительных органов также уделено достаточно внимания в работах Л. А. Буревой, Я. И. Гилинского, Я. А. Долбиловой, Е. В. Запорожца, В. Т. Лисовского, Г. М. Миньковского, Л. М. Прокументова, А. Л. Салагаева, В. М. Смолина, В. В. Стукалова, А. Ф. Токарева и др.

В современном мире происходят стремительные перемены, которые касаются опасных преступлений террористической и экстремистской направленности, противодействие которым требует комплексного подхода и учета современной международной и внутренней обстановки в стране [1; 2]. Следовательно, реализация особенностей организации взаимодействия участковых уполномоченных полиции с населением является одним из важных направлений в этой деятельности.

Как отмечает П. Н. Ишмуратов, «реализация участковым уполномоченным функций по предупреждению терроризма и экстремизма в первую очередь предполагается в ходе проведения им профилактического обхода закрепленного административного участка, а также индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете, которые являются одними из основных форм несения службы рассматриваемого должностного лица полиции» [3, с. 134].

Терроризм представляет собой преступную теорию и практику [4, с. 11]. Теория направлена на насилие, уничтожение, повреждение или на угрозу насилия, уничтожения, повреждения в отношении физических лиц, организаций, материальных объектов. Практика имеет цель воздействия на процессы принятия управленческих решений международными организациями, органами государственной власти, органами местного самоуправления через устрашение или иные формы противоправных насильственных действий. Целями терроризма являются: нарушение общественной безопасности путем воздействия на политические решения, изменение политической власти, осложнение внутренней и внешней международной обстановки. Содержание опасности заключается в гибели людей, нарушении общественной безопасности и правопорядка, ущербе имуществу и финансовым потерях.

Экстремизм – это идеология радикальных взглядов, которая призывает к совершению противоправных действий, угрожающих действующему государственному строю и непосредственно гражданам страны [5]. Экстремизм присущ как отдельным личностям, так и организациям политической, национальной или религиозной направленности.

Особую опасность вызывает политическая экстремистская деятельность, включающая провокацию массовых беспорядков, террористические акты, ведение партизанской войны. Распространению экстремизма способствуют информационные войны, социально-экономические кризисы, падение жизненного уровня населения или внешняя интервенция [6, с. 184].

При раскрытии особенностей взаимодействия участковых уполномоченных полиции с населением по противодействию экстремизму и терроризму существует необходимость в уточнении объекта взаимодействия применительно к современным условиям.

Население в целом можно представить сообществом, находящимся на конкретной территории. Сообщество – это группа лю-

дей, объединенных по общим признакам, которые выделяют их из более широкой группы [7, с. 97]. Такие объединяющие признаки очень разнообразны. Так, человек может принадлежать сразу многим сообществам, а его членство в определенных группах может меняться со временем. Помимо этого, в группах разнятся потребности в зависимости от пола, возраста, социального положения и профессиональной принадлежности. Кроме того, можно выделить сообщества, имеющие национальные, общенациональные или транснациональные ценности, которые выходят за пределы определенной местности. В масштабах страны наиболее благоприятными ценностными основаниями для взаимодействия выступают общенациональные ценности, определяемые на основе общенациональной российской идеи [8, с. 147].

Следует учитывать, что население в России неоднородное и различается по социальной, национальной принадлежности, причем проживающей в одном территориально ограниченном районе. Кроме того, существуют диаспоры, и какая-то часть населения относится к национальным меньшинствам.

Национальная диаспора представляет собой часть сплоченной и организованной группы, имеющей этническую общность и социальные структуры для своего сосуществования. Задачами диаспор являются обеспечение связей со своей исторической общностью, сохранение своих обычаев, родного языка и своей культуры.

Национальные меньшинства представляют собой часть населения, проживающего на территории не своего национального государства, но являющегося гражданами государства проживания. Особенности национальных меньшинств являются: общность происхождения, культурные характеристики, общий язык, социальные организации, обеспечивающие их проживание.

Наряду с этим следует учитывать, что проживающие приезжие национальные меньшинства прибыли в Россию для повышения своего материального благополучия

за счет прибыли от полученного бизнеса. Нельзя не согласиться с мнением Е. Н. Хазова, А. В. Богданова и И. И. Ильинского, которые отмечают: «Миграционные процессы ухудшают социальную обстановку, создают базу для формирования общеуголовных, экстремистских и террористических организаций, являющихся угрозой национальной безопасности России. Основные факторы, способствующие формированию экстремистских угроз и радикальных взглядов со стороны мигрантов, – это безвизовый и упрощенный порядок въезда в Российскую Федерацию» [9, с. 107].

В условиях проводимой специальной операции и активности украинских и западных спецслужб данные категории граждан могут становиться объектами враждебных антироссийских организаций и быть вовлечены в экстремистские и террористические организации. В среде мигрантов нередко поддерживаются идеи расизма и национализма, возникают конфликты на религиозной почве. Справедливо отмечает М. М. Гедгафов: «Националистический терроризм напрямую связан со своего рода расизмом и национализмом, который, к сожалению, имеет место быть и на сегодняшний день в ряде стран. Специфической особенностью является именно тот факт, что одна нация ставит себя выше другой, таким образом, вытесняя другие, более малочисленные и слабые национальные меньшинства. В результате возникают открытые конфликты между представителями различных наций, которые со временем становятся только все более ожесточенными» [10, с. 61]. Такое положение дел обязывает участковую уполномоченных полиции держать под постоянным контролем складывающуюся ситуацию с национальными меньшинствами, а взаимодействию с национальными диаспорами должно придаваться особое значение.

Одной из особенностей организации взаимодействия в современных условиях является возрастание вероятности привлечения к террористической деятельности лиц женского населения, поэтому этой категории

также следует уделять внимание и учитывать специфику работы с ними [11, с. 251].

Как указывает в своей статье П. Н. Кобец, «если останавливаться на причинах и условиях рекрутирования женщин в террористические организации, то необходимо отметить, что в этом вопросе научное сообщество разделилось во мнениях. Ряд исследователей говорят о едином комплексе причин и условий вовлечения женщин в террористическую деятельность, среди которых борьба за национальное освобождение, искупление вины, месть. По мнению других ученых, необходимо говорить о двух причинах: этнической и этнонациональной. Согласно позиции третьей группы специалистов речь нужно вести о единичных причинах участия женщин в террористической деятельности, таких как психологическая или религиозная» [12, с. 36].

Рассмотренные особенности подчеркивают важность задач по обеспечению общественной безопасности и правопорядка, где деятельность участкового уполномоченного полиции играет одну из основных ролей в выявлении и противодействии таким опасным угрозам, с которыми столкнулось современное общество [13, с. 238].

Подготовка участкового уполномоченного полиции к реализации взаимодействия с населением включает изучение и применение алгоритмического предписания на принятие управленческих решений в чрезвычайных ситуациях, связанных с проявлением экстремизма и терроризма. Основными компонентами такого алгоритмического предписания являются:

а) выявление проблемной ситуации, вызванной угрозой общественной безопасности, связанной с террористическими проявлениями;

б) анализ сложившихся условий исходя из информации, полученной от граждан и различных служб;

в) целеполагание и определение первоочередных мероприятий для достижения цели обеспечения общественной безопасности;

г) определение субъектов, с которыми необходимо организовывать взаимодей-

ствие, порядок его осуществления, согласование задач, направлений, места, времени, способов;

д) разработка возможных вариантов мероприятий по организации взаимодействия с различными организациями и службами;

е) оценка альтернатив возможных вариантов по критериям эффективности, времени реализации и возможных последствий;

ж) выбор оптимального решения по взаимодействию для достижения поставленной цели;

з) планирование деятельности по организации взаимодействия на основе принятого решения, включая распределение обязанностей и ресурсов;

и) контроль за выполнением взаимодействия путем наблюдения за процессом его реализации и результатами;

к) сравнение достигнутых результатов с установленными целями на основе сбора статистических данных, опросов населения и других методов;

л) обеспечение обратной связи с населением, учет их отзывов о работе сотрудников для повышения уровня общественной безопасности и повышения доверия к правоохранительным органам со стороны общества.

Из анализа опыта практической работы и методов, рекомендованных в зарубежной литературе [14], выделены следующие особенности в деятельности участкового уполномоченного полиции при организации взаимодействия с населением:

1. Необходимость проведения постоянной профилактической работы, включающей встречи с гражданами, информирование об обстановке в районе, признаках экстремистской и террористической деятельности, законодательстве в этой области и способах взаимодействия. Занятия могут проводиться в форме общеобразовательных лекций, бесед об административной и уголовной ответственности за ложное сообщение об акте терроризма, также возможно распространение печатных материалов, раскрывающих деятельность при террористических угрозах.

2. Организация встреч с различными общественными организациями, в том числе с молодежными, религиозными, организациями национальных диаспор и консультации их по противодействию проявлений экстремизма и терроризма. При работе с иностранными гражданами, диаспорами необходимо учитывать их связи со своей исторической общностью, обычаи, родной язык и культуру.

3. Создание доверительных отношений с населением для обмена информацией об экстремистских проявлениях на административном участке. В рамках встреч сотрудники полиции демонстрируют видеоролики по формированию законопослушного поведения в молодежной среде, а также обсуждают, как действовать при обнаружении подозрительных предметов.

4. Регулярное информирование населения о результатах работы, которое способствует правовой пропаганде законопослушного поведения и необходимости взаимодействия с сотрудниками полиции.

5. Постоянная оценка обстановки и анализ получаемой информации в обслуживаемом районе на наличие угроз от экстремистских и террористических проявлений. Для этого используются сведения о потенциальных опасностях от различных гласных и негласных источников, в том числе путем мониторинга социальных сетей.

6. Пропаганда среди молодежи здорового образа жизни, участие в организации социально-культурных и спортивных мероприятий, предотвращение распространения националистических, экстремистских и пацифистских взглядов. Проведение индивидуальной работы с подростками, числящимися в группах риска.

7. Оперативное реагирование на информацию о возможных проявлениях экстремизма или терроризма, а также тесное взаимодействие со службами ФСБ, подразделениями Росгвардии, МЧС России, органами местного самоуправления и национальными диаспорами для предотвращения преступлений и выработки профилактических мероприятий. Обеспечение безопас-

ности жертвам и свидетелям преступной деятельности, оказание им необходимой помощи и государственной защиты.

8. Обучение участковых уполномоченных полиции и обмен опытом по методике профилактики экстремизма и терроризма, принятию решений в условиях чрезвычайных ситуаций и правилам взаимодействия с различными категориями граждан.

9. Активное взаимодействие участковых уполномоченных полиции с образовательными организациями, участие в проведении занятий и мероприятий по соблюдению мер безопасности и противодействию террористической и экстремистской деятельности. Проведение бесед с родителями по воспитанию подрастающего поколения в условиях информационной войны и идеологических диверсий.

Заключение

Работа участкового уполномоченного полиции, направленная на взаимодействие с населением по профилактике терроризма и экстремизма, требует подготовке к ней и реализации выявленных основных направлений для современных условий. Эффективная деятельность сотрудников полиции существенно снизит уровень угрозы терроризма и экстремизма в обществе и повысит уровень доверия граждан к правоохранительным органам.

Отметим, что основными направлениями деятельности участкового уполномоченного полиции при организации взаимодействия с населением по противодействию экстремизму и терроризму продолжают оставаться: проведение профилактики правонарушений, установление контакта с населением, работа с обращениями граждан, совершенствование отношений с населением, обращение особого внимания национальным меньшинствам и диаспорам, информирование и юридическая помощь, координация деятельности с другими службами и организациями, использование современных технологий, сотрудничество с общественными и образовательными организациями, психологическая помощь населению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пихов А. Х.-А. Правовые основы противодействия транснациональной преступности. Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. 166 с.
2. Линеви́ч В. Л. Молодежная субкультура и проявление экстремизма в молодежной среде // Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2023. С. 66–70.
3. Ишмура́тов П. Н. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике терроризма и экстремизма // Вестник экономической безопасности. № 1. 2018. С. 134–137.
4. Мешалкин С. Н. Противодействие идеологии терроризма в Российской Федерации. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2022. 127 с.
5. Бирюкова А. В., Пихов А. Х.-А. Исследование проблем антитеррористической деятельности сотрудников ОВД РФ // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 224–227.
6. Ахильгов А. М. Экстремизм: понятие, сущность, классификация // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 183–186.
7. Дятлов В. И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис. 2005. С. 95–137.
8. Федулов Б. А., Заречнев Д. О. Особенности воспитания будущих сотрудников полиции на общенациональных российских ценностях // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14-2. С. 147–149.
9. Хазов Е. Н., Богданов А. В., Ильинский И. И. Незаконная миграция как одна из причин появления и распространения терроризма и экстремизма на территории России // Актуальные проблемы развития конституционализма: материалы научно-методического семинара. 2018. С. 107–114.
10. Гедгафов М. М. Понятие, сущность и классификация терроризма // Инновационные научные исследования 2023: экономика, право и управление. Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. С. 61–62.
11. Мальченкова В. В., Федулов Б. А. Особенности профилактики делинквентности девушек-подростков социально-педагогическими и правовыми средствами // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 251.
12. Кобец П. Н. Женский терроризм: особенности и основные направления противодействия // Научный портал МВД России. 2019. № 4 (48). С. 35–43.
13. Шмелёв О. Б., Линеви́ч В. Л. Специфика профессиональной подготовки сотрудников полиции в современном обществе // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник материалов IV Международной конференции. Москва, 2020. С. 237–238.
14. Stephan Husy Terrorism, counter-terrorism and humanitarian law: a state perspective // Collegium: news from the College of Europe = nouvelles du Collège d'Europe. No. 47. 2016. P. 161–166.

REFERENCES

1. Pikhov A. Kh.-A. Legal Foundations for Combating Transnational Crime. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2022. 166 p. (In Russ.)
2. Linevich V. L. Youth Subculture and Manifestations of Extremism Among the Youth // Prevention of Offenses and Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 66–70. (In Russ.)
3. Ishmuratov P. N. Activities of the District Police Officer to Prevent Terrorism and Extremism // Bulletin of Economic Security. No. 1. 2018. P. 134–137. (In Russ.)
4. Meshalkin S. N. Counteracting the Ideology of Terrorism in the Russian Federation. Kursk: Closed Joint-Stock Company “University Book”, 2022. 127 p. (In Russ.)
5. Biryukova A. V., Pikhov A. Kh.-A. Study of the problems of anti-terrorist activities of the employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Ensuring human rights in the activities of law enforcement agencies: a collection of scientific papers. Tver: Tver State University, 2023. P. 224–227. (In Russ.)

6. Akhilgov A. M. Extremism: concept, essence, classification // Young scientist. 2020. No. 23 (313). P. 183–186. (In Russ.)
7. Dyatlov VI Migrations, migrants, “new diasporas”: a factor of stability and conflict in the region // Baikal Siberia: what makes up stability. М.; Irkutsk: Natalis. 2005. P. 95–137. (In Russ.)
8. Fedolov B. A., Zarechnev D. O. Features of education of future police officers on national Russian values // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2014. No. 14-2. P. 147–149. (In Russ.)
9. Khazov E. N., Bogdanov A. V., Ilyinsky I. Illegal migration as one of the reasons for the emergence and spread of terrorism and extremism in Russia // Actual problems of development of constitutionalism: materials of the scientific and methodological seminar. 2018. P. 107–114. (In Russ.)
10. Gedgafov M. M. Concept, essence and classification of terrorism // Innovative scientific research 2023: economics, law and management. Moscow: Scientific Publishing Center “Imperia”, 2023. P. 61–62. (In Russ.)
11. Malchenkova V. V., Fedolov B. A. Features of the prevention of delinquency of adolescent girls by socio-pedagogical and legal means // Modern problems of science and education. 2012. No. 4. P. 251. (In Russ.)
12. Kobets P. N. Female terrorism: features and main directions of counteraction // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (48). P. 35-43. (In Russ.)
13. Shmelev O. B., Linevich V. L. Specifics of professional training of police officers in modern society // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of service activities: state and prospects: collection of materials of the IV International Conference. Moscow, 2020. P. 237–238. (In Russ.)
14. Stephan Husy Terrorism, counter-terrorism and humanitarian law: a state perspective // Collegium: news from the College of Europe = nouvelles du Collège d’Europe. No. 47. 2016. P. 161–166. (In Eng.)

Информация об авторах:

Б. А. Федулов, доктор педагогических наук, профессор;
Д. О. Заречнев, кандидат педагогических наук, доцент;
А. С. Гричанов, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors:

B. A. Fedulov, Doctor of Pedagogy, Professor;
D. O. Zarechnev, Candidate of Pedagogy, Associate Professor;
A. S. Grichanov, Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 347.24

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О РАЗДЕЛЕ ЕДИНОГО НЕДВИЖИМОГО КОМПЛЕКСА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Петр Вячеславович Клец

Институт права Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, klets.petr@yandex.ru

Аннотация. Введение в гражданский оборот единого недвижимого комплекса повлекло за собой ряд вопросов, требующих дополнительного обсуждения и урегулирования. На наш взгляд, нерешенным является вопрос относительно способов его образования. Наряду с такими способами образования единого недвижимого комплекса, как его создание на основании проектной документации или путем объединения вещей в единый недвижимый комплекс, закон предусматривает еще один способ образования, связанный с разделом единого недвижимого комплекса. В этой связи в научной теории и практике возникают вопросы относительно неурегулированных в законе правовых последствий раздела единого недвижимого комплекса, влекущих изменения состава его вещей. В статье представлено мнение автора о возможных вариативных моделях таких последствий и о целесообразности признания единого недвижимого комплекса сложной вещью, что, в свою очередь, упростит его оборотоспособность.

Ключевые слова: единый недвижимый комплекс, государственная регистрация прав, единый государственный реестр недвижимости, укрепление прав, сложная вещь.

Для цитирования: Клец П. В. Реализация положений гражданского законодательства о разделе единого недвижимого комплекса: теория и практика // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 58–64.

Original article

**IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF CIVIL LEGISLATION
ON THE DIVISION OF A SINGLE REAL ESTATE COMPLEX:
THEORY AND PRACTICE**

Peter V. Klets

Institute of Law of Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, klets.petr@yandex.ru

Abstract. The introduction of a single immovable complex into civil circulation has entailed a number of issues requiring additional discussion and regulation. In our opinion, the issue of the methods of its formation remains unresolved. Along with such methods of forming a single immovable complex as its creation on the basis of design documentation or by combining things into a single immovable complex, the law provides for another method of formation associated with the division of a single immovable complex. In this regard, questions arise in scientific theory and practice regarding the legal consequences of the division of a single immovable complex that are not regulated by law, entailing changes in the composition of its things. The article presents the author's opinion on possible variable models of such consequences and on the advisability of recognizing a single immovable complex as a complex thing, which, in turn, will simplify its turnover.

Keywords: single real estate complex, state registration of rights, unified state register of real estate, strengthening of rights, complex thing.

© Клец П. В., 2025

For citation: Klets P. V. Implementation of the provisions of civil legislation on the division of a single real estate complex: theory and practice // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 58–64. (In Russ.)

Введение

Понятие единого недвижимого комплекса (далее – ЕНК) введено в гражданский оборот Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». «Совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре недвижимости зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь» – такое определение дает данный нормативный документ ЕНК (ст. 133.1 ГК РФ)¹.

Процесс формирования ЕНК как объекта гражданских правоотношений прошел трудный путь, порождая обилие критики и противоречивых позиций относительно природы самого объекта [1], поэтому разделяем мнение В. В. Витрянского, который справедливо пишет: «Процесс реформирования законодательства в части введения в гражданский оборот такого объекта, как ЕНК, был сложен и неоднозначен, так как в закон была внесена статья, редакционно отличающаяся от проекта обсуждения» [2].

Тем не менее за двенадцать лет существования данной статьи интерес к указанному объекту у участников гражданских правоотношений из года в год возрастает. Объясняется это тем, что «совокупность вещей, объединенных в ЕНК, представляет

большую экономическую ценность, нежели использование объектов по отдельности. Это позволяет собственнику вовлечь в оборот наиболее конкурентоспособную вещь, увеличивая тем самым рыночную стоимость комплекса, привлекая за счет этого инвестиции» [3, с. 157].

Методы

При написании статьи применялся анализ научных, исторических и нормативных правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных.

Результаты исследования

На территории Республики Башкортостан по состоянию на 1 января 2025 года зарегистрированы права в отношении 62 единых недвижимых комплексов, что свидетельствует об экономическом интересе к данному объекту. ЕНК можно классифицировать по целям использования, например, это котельные, автомобильные дороги, фермы животноводческие, газораспределительные или автозаправочные станции и многое другое. Одним из крупнейших ЕНК в республике, который изначально создавался как имущественный комплекс, является автомобильная дорога общего пользования регионального значения – Восточный выезд, состоящий из 39 объектов недвижимости, кадастровая стоимость которого весьма значительна².

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. «О государственной регистрации недвижимости»³ (далее – Закон о регистрации недвижимости) предусматривает возможность возникновения ЕНК в двух случаях: в связи

¹ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3434.

² См: Выписка из ЕГРН от 20 декабря 2024 г. Кадастровый номер 02:00:000000:45160 (Автомобильная дорога общего пользования регионального значения Республики Башкортостан – новый выезд из города Уфы на автомобильную дорогу федерального значения М-5 «Урал» (Восточный выезд). Концессионное соглашение действует 25 лет).

³ О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

с созданием объектов недвижимости, когда проектной документацией предусмотрена их эксплуатация как единого комплекса, и в связи с объединением в комплекс недвижимых вещей, имеющих на момент соединения зарегистрированное право в ЕГРН.

Характерным признаком для всех названных способов создания (образования) единого недвижимого комплекса является факт возникновения «квази» одной недвижимой вещи в момент внесения записи о праве собственности в ЕГРН. Внесение записи в государственный реестр недвижимости можно рассматривать как укрепление прав на единый недвижимый комплекс, под которым следует понимать «взаимосвязанную совокупность совершенных заинтересованными лицами юридических и тесно связанных с ними фактических (волевых) действий, направленных на фиксирование факта существования права на ЕНК в государственном реестре, с целью установления гарантий законности, публичности и достоверности сведений».

Вышеуказанные способы создания ЕНК в практической деятельности не вызывают сложностей при их реализации. Проблемную ситуацию породили положения новых норм Гражданского кодекса Российской Федерации, принятые Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 430-ФЗ¹, которые в том числе предусматривают, что здания и сооружения могут быть образованы в результате раздела единого недвижимого комплекса (п. 2 ст. 141.3 ГК РФ), несмотря на то, что к единым недвижимым комплексам применяются правила о неделимых вещах.

Закон ввел положения, которые меняют научное представление о неделимости единого недвижимого комплекса и вносят противоречие в понимание того, что теперь законом разрешен раздел ЕНК. Это побуждает интерес к исследованию теоретических и практических аспектов влияния данных правил на желание собственника

создавать единый недвижимый комплекс, осуществлять его раздел при отсутствии законодательно урегулированных последствий такого раздела.

Отсутствие легального понятия «раздел ЕНК» не способствует единой правоприменительной деятельности, так как слова «раздел» предполагает «деление чего-нибудь на части; распределить, дав каждому часть; отделить что-нибудь от чего-нибудь, разъединить» [4, с. 353–354].

Еще во времена действия закона XII таблиц задавались вопросом: «Какие вещи подлежат разделу?». Делимыми признавались вещи, которые от деления не изменяют ни своего рода, ни своей ценности; каждая отдельная часть представляет прежнее целое, только в меньшем объеме: *pro parte divisa* (Ulp. D. 8. 4) [5].

Предусмотренная законом возможность раздела ЕНК создает как в судебной, так и в правоприменительной практике неоднозначную реакцию, порождая множество вопросов. В частности, как осуществлять раздел неделимой вещи и что получим в итоге – несколько самостоятельных ЕНК с прекращением исходного объекта или совокупность разрозненных вещей, не образующих единого целого?

В положениях ГК РФ о недвижимых вещах не конкретизируется, каким образом происходит раздел ЕНК. Кроме этого, не предусмотрен выдел вещей из ЕНК как способ создания объектов, что, на наш взгляд, является существенным пробелом в нормотворчестве.

Можем предположить, что в основе положений п. 2 ст. 141.3 ГК РФ под разделом ЕНК не всегда предполагается его раздел в натуре, что подтверждается материалами судебного дела. Так, в Самарской области суд признал незаконным отказ территориального Управления Росреестра в осуществлении государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на

¹ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8989.

хозяйственную канализацию. Содержание спора заключалось в том, что хозяйственная канализация, по мнению ответчика, является неделимым объектом. Истец поставил на кадастровый учет и зарегистрировал право на два объекта: сооружение 2032 м и сооружение 1311 м, образованных путем раздела из исходного сооружения протяженностью 3343 м без осуществления реконструкции.

По мнению суда, территориальный орган неверно определил порядок раздела, посчитав, что речь идет о фактическом разделе, однако по факту раздел был осуществлен юридический. В решении суда отмечалось, что в отношении раздела данного сооружения не требуется разработка проектной документации, получение разрешения на строительство и ввод в эксплуатацию в связи с его реконструкцией, так как речь не идет о разделе в натуре¹.

Таким образом, остается нерешенным вопрос, как сохранить основные критерии единого комплекса, которые предполагают неразрывную физическую или технологическую связь объединяемых вещей, если законодатель при разделе ЕНК все-таки предполагает ликвидацию производного ЕНК как объекта. По нашему мнению, баланс физической или технологической связи между объектами будет весьма сложно соблюсти и индивидуальный подход должен применяться к каждому ЕНК непосредственно.

В письме Росреестра от 2022 года была разъяснена ситуация с разделом ЕНК и было подчеркнуто, что если раздел вещи в натуре невозможен без ее разрушения, повреждения или изменения ее назначения и она участвует в обороте как единый объект вещных прав, то в таком случае вещь является неделимой, а также и в случае, если она имеет составные части (пункт 1 статьи 133 ГК РФ). Орган регистрации резюмировал, что положения пункта 2 ста-

ти 141.3 ГК РФ не подлежат применению в отношении единого недвижимого комплекса².

Не можем согласиться с таким «категоричным» утверждением по нескольким моментам. Во-первых, толкование норм гражданского законодательства не входит в полномочия данного ведомства. Во-вторых, одним из способов создания ЕНК является объединение объектов недвижимости на одном земельном участке, то есть когда составные вещи комплекса не связаны технологически между собой, что позволяет документально разделить ЕНК, не прибегая к строительным мероприятиям и градостроительной деятельности.

Отметим, что к модели единого недвижимого комплекса, созданного по заявлению его собственника путем объединения нескольких объектов недвижимости, сведения о зарегистрированных правах на которые внесены в ЕГРН, правовой режим неделимой вещи может не применяться, ввиду отсутствия условий п. 1 ст. 133 ГК РФ, а раздел такого вида ЕНК при образовании здания и сооружения не является коллизией исследованных норм.

К другой модели единого недвижимого комплекса, созданного по проектной документации как единый объект (например, автозаправочная станция), правовой режим неделимой вещи должен применяться. Выделение здания или сооружения путем их образования из такого единого недвижимого комплекса нарушит технологическую связь между вещами, повлечет раздел комплекса с последствиями, прекращающими его функционирование и требующими внесения соответствующей записи в ЕГРН.

В этой связи возникает необходимость теоретической разработки и обоснования видов единых недвижимых комплексов и их характеристик, подлежащих разделу, так как немногочисленная судебная прак-

¹ Дело № А55-8372/2022 Арбитражного суда Самарской области. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.03.2025).

² Письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 15 декабря 2022 г. № 14-11091-тг/22. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

тика предусматривает раздел сооружения, имеющего такие характеристики, как протяженность, т. е. линейных объектов (канализация) [6].

Представляется правильным, что правило п. 2 ст. 141.3 ГК РФ, разрешающее образование здания и сооружения путем раздела единого недвижимого комплекса, является специальной нормой к общему правилу о неделимости ЕНК и к общему правилу о том, что «взыскание может быть обращено на неделимую вещь только целиком, если законом не установлена возможность выделения из вещи ее составной части, в том числе для целей продажи (п. 3 ст. 133 ГК РФ).

В итоге отметим, что выделение из единого недвижимого комплекса составной части в виде образования здания или сооружения приведет к разделу ЕНК со следующими последствиями: а) прекращение функционирования единого недвижимого комплекса как единого объекта гражданского оборота; б) сохранение исходного единого недвижимого комплекса с измененными параметрами (уменьшение количества вещей, ранее задействованных в жизнедеятельности ЕНК); в) образование нескольких единых недвижимых комплексов, включая ЕНК, из которого осуществлено выделение вещи.

Обосновано мнение В. А. Алексеева, который считает, что «в зависимости от исходной вещи действующее право знает два вида раздела: первый невозможен без осуществления строительной деятельности (например, возведение каких-либо конструктивных элементов), второй же представляет собой исключительно документальную процедуру» [7].

Способ образования единого недвижимого комплекса путем раздела действующего ЕНК на два и более единых недвижимых комплексов можно рассматривать как относительно самостоятельный производный способ, поскольку новые комплексы создаются делением первоначального (исходного). В учетно-регистрационном законодательстве не содержится порядок осуществления регистрационных действий в рассматриваемом примере, однако такая

ситуация не должна сдерживать развитие нормотворчества и представлений научного сообщества о теоретическом подходе к решению различных жизненных ситуаций [8; 9; 10].

Согласимся с мнением Д. О. Рахваловой, утверждающей, что «раздел как способ создания недвижимых вещей можно определить как деятельность собственника (собственников) исходной недвижимой вещи по ее фактическому изменению и (или) документальному оформлению, влекущую создание двух и более новых недвижимых вещей и юридическую гибель исходной недвижимой вещи» [11, с. 20].

На наш взгляд, для большинства потребителей, не владеющих юридической терминологией, такие понятия, как юридический раздел или фактический раздел, всего лишь «игра слов», в конечном итоге ведущий к прекращению существования первоначального объекта. Отсутствие единства в законодательной и правоприменительной деятельности является объективной причиной для разработки нормативных актов, направленных на реализацию жизнеспособной модели единого недвижимого комплекса.

Не меньший дискуссионный интерес представляет проблемная ситуация о целесообразности и необходимости отнесения ЕНК к сложной вещи в противовес неделимой. По мнению Е. Г. Мудровой и Н. Н. Далбаевой, «ЕНК можно отнести к собирательным вещам, совокупность которых основана на функциональной связи. В п. 1 ст. 134 ГК РФ усматривается некое внутреннее противоречие, а именно: разнородные вещи образуют единое целое, предполагающее использование их по общему назначению (то есть соединенные механически и функционально), не утрачивают самостоятельного значения. Таким образом, мы видим, что законодатель, говоря о сложной вещи, в действительности подразумевает составную вещь, тем самым не различая, а даже отождествляя эти понятия» [12, с. 32].

Неоднозначное толкование относительно природы сложных вещей породило необходимость законодательного реагирования.

Данный вопрос не новый и был предметом дискуссии при формировании Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе 2003 года¹. Однако данная инициатива не была принята законодателями и ЕНК сохраняет статус неделимой вещи.

По данному вопросу В. А. Алексеев утверждает, что «ЕНК всегда выступает как сложная вещь, поскольку содержание исследуемых статей Гражданского кодекса свидетельствует об общем (едином) назначении и о соединении вещей между собой» [13, с. 119].

Ж. А. Колесникова считает, что отношение ЕНК к сложной вещи можно рассма-

тривать как попытку законодателя найти решение в вопросе более эффективной оборотоспособности имущественных комплексов [14, с. 44]. Полностью придерживаемся мнений вышеуказанных авторов.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, отметим, что реформирование гражданского законодательства повлечет за собой еще не одну законодательную инициативу, так как развитие гармоничного и прозрачного гражданского оборота требует понятного законодательства в сфере недвижимости, затрагивающего и «иные растворенные объекты» [15], входящие в состав единых недвижимых комплексов².

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В. А. Единый объект недвижимости: поэтапное движение к цели или дезорганизация правового регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 166–176.
2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
3. Клец П. В., Казакова О. Б., Елкина Л. Г. Управление стоимостью единого недвижимого комплекса: сущность и особенности реализации // Экономика строительства. 2022. № 11. С. 153–159.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний. М.: Аделант, 2014. 799 с.
5. Римское частное право: учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский и др.; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004. 544 с.
6. Жаркова О. А. Оформление прав на линейные объекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12. С. 43–55.
7. Алексеев В. А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 101–112.
8. Дерюгина Т. В. Об основаниях и способах прекращения права собственности на недвижимость: комментарий последних изменений Гражданского кодекса РФ // Цивилист. 2023. № 5. С. 49–54.
9. Рахвалова Д. О. Единый недвижимый комплекс: перспективы развития в отечественном праве // Юрист. 2018. № 3. С. 56–61.
10. Долинская В. В. Новеллы законодательства о недвижимом имуществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 3–10.
11. Рахвалова Д. О. Раздел как способ создания объектов коммерческой недвижимости и приобретения на них права собственности // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 18–26.

¹ Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; Исслед. центр частного права / под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской. М., 2004.

² См: Выписка из ЕГРН от 19 декабря 2024 г. Кадастровый номер 66:41:0513037:3336 (Свердловская область. ЕНК. Автозаправочная станция (здание сервисного обслуживания водителей, навес, резервуар хранения топлива – 3 шт., резервуар очищенных стоков – 2 шт., иные вещи (топливно-раздаточная колонка, очистные сооружения и т. д.)).

12. Мудрова Е. Г., Далбаева Н. Н. Сложная вещь как объект гражданского права // Актуальные проблемы права: материалы VII Международная научная конференция. СПб., 2018. С. 30–34.
13. Алексеев В. А. Единый недвижимый комплекс и сложная недвижимая вещь: вопросы соотношения // Закон. 2018. № 3. С. 117–125.
14. Колесникова Ж. А. В ГК РФ появилось понятие единого недвижимого комплекса. Плюсы и минусы новой конструкции // Арбитражная практика. 2013. № 10. С. 44.
15. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. 544 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. A. Single real estate object: step-by-step movement towards the goal or disorganization of legal regulation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 8. P. 166–176. (In Russ.)
2. Vitryansky V. V. Reform of Russian civil legislation: interim results. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Statut, 2018. 528 p. (In Russ.)
3. Klets P. V., Kazakova O. B., Elkina L. G. Cost management of a single real estate complex: essence and features of implementation // Construction Economics. 2022. No. 11. P. 153–159. (In Russ.)
4. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the modern Russian language: 100,000 words and phrases. M.: Adelant, 2014. 799 p. (In Russ.)
5. Roman private law: textbook / V. A. Krasnokutsky, I. B. Novitsky, I. S. Peretersky, et al.; edited by I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. M.: Jurist, 2004. 544 p. (In Russ.)
6. Zharkova O. A. Registration of rights to linear objects // Property relations in the Russian Federation. 2019. No. 12. P. 43–55. (In Russ.)
7. Alekseev V. A. New in the legislation on immovable property: critical commentary // Law. 2022. No. 4. P. 101–112. (In Russ.)
8. Deryugina T. V. On the grounds and methods of termination of ownership of real estate: commentary on the latest amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Civilist. 2023. No. 5. P. 49–54. (In Russ.)
9. Rakhvalova D. O. Unified real estate complex: development prospects in domestic law // Jurist. 2018. No. 3. P. 56–61. (In Russ.)
10. Dolinskaya V. V. Amendments to the legislation on real estate // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 10. P. 3–10. (In Russ.)
11. Rakhvalova D. O. Division as a way to create commercial real estate objects and acquire ownership of them // Business and Law. 2023. No. 7. P. 18–26. (In Russ.)
12. Mudrova E. G., Dalbaeva N. N. Complex thing as an object of civil law // Actual problems of law: materials of the VII International scientific conference. St. Petersburg, 2018. P. 30–34. (In Russ.)
13. Alekseev V. A. Single real estate complex and complex real estate thing: issues of correlation // Law. 2018. No. 3. P. 117–125. (In Russ.)
14. Kolesnikova Zh. A. The concept of a single real estate complex appeared in the Civil Code of the Russian Federation. Pros and cons of the new design // Arbitration practice. 2013. No. 10. P. 44. (In Russ.)
15. Lapach V. A. System of objects of civil rights: theory and judicial practice. St. Petersburg, 2002. 544 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 347.1

ФЕЙК-НЬЮС КАК УГРОЗА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Оксана Александровна Малютина¹, Александр Германович Супрунов²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹maljutinaoa@mail.ru

Аннотация. Сегодняшний мир в эпоху цифровой экономики невозможно представить без средств массовой информации, Интернета, которые оказывают существенное влияние на окружающую действительность. Информация, являясь составной частью современной реальности, представляет собой не только источник позитивного знания, но и в некоторых случаях угрозу деловой репутации как отдельных граждан, так и юридических лиц в целом. Использование информации во вред предполагает выработку и применение механизмов защиты, о чем и пойдет речь в настоящей статье. Авторами принята попытка проанализировать влияние фейков на деятельность органов внутренних дел и рассмотреть механизмы противодействия негативному влиянию недостоверной информации.

Ключевые слова: цифровизация, фейк, диффамация, деловая репутация, защита чести и достоинства, органы внутренних дел.

Для цитирования: Малютина О. А., Супрунов А. Г. Фейк-ньюс как угроза деловой репутации органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. No. 3 (109). С. 65–73.

Original article

FAKE NEWS AS A THREAT TO THE BUSINESS REPUTATION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Oksana A. Malyutina¹, Alexander G. Suprunov²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Nizhny Novgorod, Russia, ¹maljutinaoa@mail.ru

Abstract. It is impossible to imagine today's world in the era of the digital economy without the media, without the Internet, which have a significant impact on the surrounding reality. Information, being an integral part of modern reality, is not only a source of positive knowledge, but also in some cases a threat to the business reputation of both individuals and legal entities as a whole. The harmful use of information involves the development and application of protection mechanisms, which will be discussed in this article. The authors attempted to analyze the impact of fakes on the activities of internal affairs bodies and consider mechanisms to counter the negative impact of unreliable information.

Keywords: digitalization, fake, defamation of business reputation, protection of honor and dignity, internal affairs bodies.

For citation: Malyutina O. A., Suprunov A. G. Fake news as a threat to the business reputation of internal affairs bodies // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 65–73. (In Russ.)

Введение

В условиях современной цифровой реальности совокупность прав на информа-

цию, доступ к информации, свободу выражения мнения позволяет индивиду по собственному усмотрению оперировать

© Малютина О. А., Супрунов А. Г., 2025

полученной информацией и информационными образами. Ряд исследователей на современном этапе неизменно отмечают рост угроз информационной безопасности, в том числе и безопасности государственных структур. Так, статистическую картину о проходящих изменениях в цифровом пространстве предоставляет отчет по безопасности Check Point Research (CPR), появившийся в начале 2022 г. Согласно указанному источнику организации испытывали в 2021 г. на 50 % больше еженедельных кибератак, чем в 2020 г., причем рост атак на государственные структуры увеличился на 47 % [1, с. 87]. Полагаем, не стоит еще раз обращать внимание на то, что кибератаки могут уничтожить физические системы государства, передать контроль над критическими системами управления в информационной среде третьей стороне, вывести из строя системы управления, предоставить доступ к конфиденциальной информации [2, с. 56].

В апреле 2023 г. на совещании с постоянными членами Совета Безопасности Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что обеспечение информационной безопасности – вопрос чрезвычайно важный¹. Действительно, интернет-пространство является полем «боя» для информационной войны, направленной на дестабилизацию российского общества. Информационная война на сегодняшний момент основывается не столько на реальных фактах, сколько на формировании «мысле-образов» у отдельных категорий населения с учетом образовательного уровня, способности критически мыслить и анализировать представленную картинку.

Обратимся к современным средствам информационной борьбы и способу пода-

чи информации в целях изменения мнения отдельных социальных групп – фейковым новостям (фейк-ньюс, фейки). Представляя собой серьезную угрозу национальной безопасности, они требуют одновременно и выработки эффективных способов противодействия и рассмотрения способов защиты от их распространения со стороны граждан и государственных структур.

Методы

Методологической основой исследования выступают следующие методы познания: системно-структурный, описательно-аналитический и формально-исторический, применение которых позволило проанализировать вопросы влияния фейков и диффамации на деятельность органов внутренних дел и способы защиты, применимые в рассматриваемом случае.

Результаты

Рассмотрение вопроса правового противодействия фейковым новостям не представляется возможным без комплексного анализа понятия, вложенного в определение «фейк-ньюс». Предпримем попытку анализа имеющейся литературы по данному направлению и определим, что в интересах настоящего исследования будем понимать под упомянутым понятием.

Вопросы сущностной характеристики фейк-ньюс [3, с. 164], рассмотрение их квалифицирующих признаков² достаточно популярны в разных отраслях. В словарно-справочной литературе чаще всего слово «фейк» рассматривается как любая ложная информация и поддельные объекты, произведения, создаваемые с целью извлечения выгоды или побуждения к определенному виду деятельности³. Так, словарь-справочник политической психологии называет

¹ Совещание с постоянными членами Совета Безопасности (архивные данные): 14 апреля 2023 // 1 канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-04-14/451066-informatsionnuyu_bezopasnost_strany_prezident_obsudil_s_postoyannymi_uchastnikami_sovbeza_rf (дата обращения: 20.03.2025).

² Фионина А. С. Определение, источники и классификация «Fakenews». 2021 // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-istochniki-iklassifikatsiya-termina-fake-news/viewer> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Фейк, что это такое? // Chto-eto-takoe.ru. URL: <https://chto-eto-takoe.ru/fake> (дата обращения: 01.04.2025).

фейки намеренным обманом, реализуемым определенным кругом лиц в ущерб другому с целью реализации собственных политических интересов¹.

В Российской Федерации на законодательном уровне проблема фейков была поднята в 2018 году на круглом столе Комиссии общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества². В 2019 году было предложено ввести в законодательство определение *недостовверной общественно значимой информации* (курсив наш – О. М., А. С.), под которой понимается информация, распространяемая «под видом достоверных сообщений, создающая угрозу причинения вреда» следующим направлениям:

- жизни и (или) здоровью граждан;
- имуществу граждан;
- общественному порядку и (или) общественной безопасности;
- функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи³.

Нормативные правовые акты термин «фейк» не оперируют, сохраняя при этом его сущностные характеристики. Так, федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» дополнил статью 13.15 положениями об ответственности за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений. Кроме того, 29 марта 2019 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального за-

кона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором введен *запрет на распространение недостоверной значимой информации под видом достоверных сообщений* (курсив наш – О. М., А. С.).

Стоит обратить внимание на то, что фейк никогда не трактуется как полная ложь. Это дает основания полагать, что новость подобного рода может быть представлена в виде частично искаженной информации. Однако в основе фейка всегда есть фактические данные, то, на что он опирается (событие, человек и пр.) и что придает информации «налет достоверности». Подводя промежуточный итог исследования, отметим, что для фейка характерны следующие признаки:

- публичность (возможность ознакомиться с указанной информацией неограниченному числу лиц);
- недостоверность (полное либо частичное несоответствие изложенных фактов объективной действительности, отсутствие источника получения информации и т. д.);
- излишняя эмоциональность (воздействие на психику человека);
- растиражированность (распространение в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационных сетях, перепечатывание, репосты и пр.);
- преследование корыстных (например, увеличение пользовательской аудитории для потенциального продвижения товаров или услуг) или противоправных целей (получение преимуществ в конкурентной борьбе);
- односторонняя подача информации (отсутствие возможности принять решение на основе анализа различных мнений);
- социально-негативный характер (содержание информации редко носит позитивный характер).

¹ Шестопап Е. Б. Политическая психология. М.: ИнфаМ, 2002. С. 218.

² Соболев Я. И. Роль фейковых новостей в современной медиакommunikации. 2018 // DSpace. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/14192/1/Sobol_YAI_Rol_fejkovykh_novostej_v_sovremennoj_mediakommunikacii.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ст. 270.2). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Понимание сущности фейка позволяет рассмотреть его возможное влияние на деловую репутацию органов внутренних дел.

Для целей настоящего исследования определим, что понятие деловой репутации органов внутренних дел относится к внешней оценке их деятельности, характеризующей способность решать поставленные перед ними задачи и одновременно свидетельствующей об уровне доверия общества к правоохранным структурам в лице органов внутренних дел. Деловая репутация органов внутренних дел присуща им как юридическому лицу, выполняющему функции по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности.

Соответственно, от органов внутренних дел ждут беспрекословного соблюдения правовых норм, исходящих от государства и предназначенных также для обеспечения стабильности общественных отношений. Законодательство определяет, что «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции»¹. Как точно подметила М. Е. Матросова, «профессиональная честь каждого сотрудника органов внутренних дел – это одновременно и нравственный авторитет всего кадрового состава органов внутренних дел, поэтому оставление без должного реагирования любых посягательств на честь и достоинство даже одного затрагивает честь всех, кто посвятил себя службе в рядах органов внутренних дел» [4; 5].

Аналогичную позицию высказывают и судебные органы², которые рассматривают деловую репутацию органа внутренних

дел как оценку деятельности отдельных сотрудников, чей морально-этический облик складывается в единую картину, характеризующую образ правоохранительных органов в глазах граждан.

Соответственно, существует возможность умаления деловой репутации органов внутренних дел через нарушение неимущественных прав отдельных сотрудников постольку, поскольку имидж органа внутренних дел создается и поддерживается каждым его сотрудником [6, с. 10]. Таким образом, диффамация в отношении органов внутренних дел – это и есть распространение сведений, порочащих деловую репутацию, то есть передача третьим лицам ложных сведений об органах внутренних дел, которые могут негативно сказаться на их деловой репутации³.

К признакам диффамации, позволяющей прибегнуть к судебной защите нарушенного права, следует отнести:

- несоответствие распространенных сведений действительности (утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения);
- порочащий характер сведений (сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства);
- распространение сведений, обладающих вышеуказанными характеристиками (опубликование таких сведений в печати, трансляция по радио и телевидению, демонстрация в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи).

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ч. 6 ст. 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. (п. 12). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2015 г. по делу № 307-ЭС15-5345, А56-17708/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 (п. 1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Стоит оговориться, что сотрудники органов внутренних дел в силу возложенных на них обязанностей представляют собой публичных субъектов, к которым приковано пристальное внимание общества ввиду непосредственного их взаимодействия с гражданами. Соответственно, сотрудники органов внутренних дел нередко оказываются в ситуации провокационного поведения граждан. Последнее может быть следствием тяжелой жизненной ситуации, в которой оказался гражданин и ставшей поводом для обращения к сотрудникам. Полагаем, что умаление чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел в отдельности и правоохранительного органа в целом, обусловленные ситуацией обращения граждан за защитой нарушенных прав, не умаляет последствий диффамации.

Стоит обратить внимание на имеющиеся факты упоминания сотрудников органов внутренних дел в негативной коннотации для повышения интереса к размещаемой информации. Таким примером может служить размещение новостных видеофрагментов на видеохостингах, где возможно комментирование размещенного материала. Соответственно, комментарии, касающиеся деятельности сотрудников органов внутренних дел, редко отличаются позитивной окраской, относятся как к конкретному сотруднику, фигурирующему в видеофрагменте, так и ко всем органам внутренних дел. Предъявление к авторам диффамационного комментария требований в рамках судебной защиты деловой репутации затруднено ввиду невозможности установления лица, разместившего диффамационный комментарий. Авторы соответствующего сайта аргументируют свои действия и их правомерность отсутствием цензуры и возможности посетителей сайта свободно высказывать свое мнение. Равно как не проверяется и субъект, оставивший диффамационный комментарий на этапе регистрации/аутентификации на предмет соответствия имени и никнейма на интересующем сайте или видеохостинге. Камнем преткновения в ситуации защиты органов

внутренних дел при размещении диффамационных комментариев становится и возможность апеллировать к свободе слова, выраженной в принадлежащем субъекту праве высказывать оценочные суждения, мнения, убеждения. Последние, соответственно, не будут предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) ввиду того, что являются выражением субъективного мнения и взглядов лица.

Выскажем предположение о том, что характеристика органов внутренних дел как субъекта, деятельность которого отвечает признакам публичности, вместе с тем не предполагает возможности беспрепятственного «очернения» их деятельности по причине той самой публичности. Оставляя возможность защиты нарушенных прав органу внутренних дел как юридическому лицу, пострадавшему от распространения диффамационных сведений, полагаем, что распространяемая информация, содержащая признаки недостоверности, порочащая деловую репутацию органа внутренних дел, может быть квалифицирована и как фейковая информация.

Рассмотрение признаков фейковой информации и информации диффамационного характера позволяет выделить их схожие черты, проявляющиеся в следующем:

- публичность или растиражированность для фейка, распространение – для диффамационной информации (доступность неограниченному количеству лиц);
- недостоверность характерна и для фейка, и для диффамационных сведений.

Что же касается отмеченного порочащего характера распространенных диффамационных сведений факта, не нашедшего подтверждения в процессе доказывания при выборе судебной формы защиты, полагаем, что это свойство отличает и фейковые сведения. Это обусловлено тем, что в основе фейковых новостей может быть как реальный, но искаженный, так и выдуманный факт.

Отдельного внимания заслуживает цель, которую преследует субъект распространения фейк-ньюс и диффамационных сведе-

ний. Фейк-ньюс представляет собой целенаправленный «вброс» информации с целью получения конкурентных преимуществ, устранения конкурентов, повышения интереса к субъекту, товару, процессу и пр.

Диффамационная информация, касающаяся, в частности, органов внутренних дел, не имеет целью устранение конкурентов, поскольку специфична сфера общественных отношений. Однако приведенный по тексту пример допустимого комментирования новостных материалов о деятельности органов внутренних дел в целом (либо об отдельных сотрудниках) может служить поводом для дестабилизации общества через формирование негативного общественного мнения о деятельности отдельных сотрудников или системы органов внутренних дел.

Несмотря на достаточно активное использование термина «фейк» в правовом поле, в отличие от диффамации, указанное понятие своего отражения не нашло, что порождает сложности в выборе способа защиты лицом, чьи права и законные интересы затрагивает распространение фейк-ньюс. Поскольку в ходе исследования определены сходные черты фейковых новостей и диффамационных сведений, полагаем, что при необходимости защиты органов внутренних дел от фейков возможно прибегнуть к способам защиты, приемлемым в случае диффамации, в первую очередь к гражданско-правовым. К числу таких способов следует относить:

- право на опровержение¹;
- опубликование ответа в тех же сред-

ствах массовой информации, где допущено неполное или одностороннее предоставление информации, которое привело к искажению восприятия реально произошедшего события, факта или последовательности событий в порядке, предусмотренном ст. 46 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»²;

- реализацию «права на забвение»³;

- компенсацию морального вреда, причиненного распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию (п. 1 ст. 152 ГК РФ).

Выбор способа защиты, безусловно, зависит от способа распространения и содержания диффамационной информации или фейков⁴. При анализе содержания фейковых новостей и выборе формы, приемлемой для защиты чести, достоинства и деловой репутации, необходимо обращать внимание на факт распространения недостоверных сведений, их порочащий характер, несоответствие действительности, а также контекст, в котором сделаны заявления (так анализу могут быть подвергнуты жанр и стиль статьи, программы либо их соответствующей части, можно ли расценивать их содержание как привлечение внимания к обсуждению общественно значимых вопросов, основаны ли статья, программа или материал на интервью, каково отношение интервьюера и (или) представителей редакции средства массовой информации к высказанным мнениям, суждениям, утверждениям), а также учитывать общественно-политическую об-

¹ О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ст. 46). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 (п. 24); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 (абз. 3, 5 п. 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 мая 2023 г. № 33-9705/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

становку в стране в целом или в отдельной ее части¹.

Законодательное урегулирование способов защиты от распространения недостоверной и порочащей информации оставляет открытыми вопросы ответственности средств массовой информации за распространение сведений, отвечающих признакам фейка или диффамации, в случаях дословного воспроизведения сообщения, опубликованного иным средством массовой информации. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «редакция, главный редактор и журналист не несут ответственности за распространение сведений, в том числе ущемляющих права и законные интересы граждан, если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за нарушение законодательства о средствах массовой информации»².

Не нашел четкого структурированного подхода в судебной практике и способ защиты от размещения диффамационной информации в комментарии при невозможности установить его автора и бездействия средства массовой информации в ответ на предъявление требования удалить комментарий подобного рода [7; 8; 9; 10; 11, с. 253].

Стоит отметить, что действующее законодательство определяет порядок опровержения сведений, порочащих честь и достоинство в средствах массовой информации: определены форма, место, время и оформление опровержения. При этом опровержение, публикуемое в средствах массовой информации, в соответствии со ст. 152 ГК РФ, не является видом ответственности. Средства массовой информации при получении информации, опровергающей первичную, указывают на ст. 57 Закона Российской Федера-

ции «О средствах массовой информации» и публикуют опровержения исключительно после получения вступившего в законную силу решения суда. Сохраненные в доступе сведения диффамационного характера продолжают использоваться, о них узнает все большее количество людей, увеличиваются просмотры, как следствие, резонансность и урон деловой репутации.

Применительно к потенциальному вреду деловой репутации органов внутренних дел следует отметить, что фальшивая информация может носить стратегический характер (наличие конкретного адресата диффамации – органы внутренних дел; предполагает обратную реакцию; направляется с заданной целью). Соответственно, распространение фейковой информации в отношении органов внутренних дел крайне редко связано с недоразумением и представляет собой результат спланированных и стратегических компаний.

Заключение

Подводя промежуточный итог исследованию заявленной темы, отметим, что правовые механизмы противодействия фейк-ньюс предусмотрены не только в части установления ответственности за дискредитацию государственно значимых субъектов в сфере публичного права, но и в части предоставления возможности выбора частного-правового способа защиты прав и законных интересов заинтересованных субъектов. Наряду с правовыми механизмами противодействия фейк-ньюс и диффамационной информации необходимым условием обеспечения информационной безопасности служит разработка стратегии противодействия или замедления распространения недостоверной общественно значимой информации.

К мерам противодействия распространению фейк-ньюс следует также отнести

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 11-КГ21-6-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 г. // Конституционный суд Российской Федерации. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision389037.pdf> (дата обращения: 13.04.2025).

развитие навыков критического и аналитического мышления для самостоятельной оценки поступающих новостей. Безусловно, в настоящем исследовании в силу ограниченности его объема получили освещение

лишь отдельные аспекты заявленной темы, что позволяет продолжить дальнейшее изучение вопроса противодействия фейковым новостям и защиты деловой репутации органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тарасевич К. А. Кибератака как фактор риска при формировании деловой репутации коммерческого юридического лица // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 2. С. 87–92.
2. Панин Д. Н., Бобков Е. О., Балашова Е. А. Анализ кибератак на критическую информационную инфраструктуру с ИОТ технологиями // Автономия личности. 2020. № 2 (22). С. 55–64.
3. Барташевич Д. А. Фейк-ньюс: признаки и основания классификации // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 4 (30). С. 162–172.
4. Матросова М. Е. Защита чести достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 28 с.
5. Супрунов А. Г., Малютин О. А. К вопросу о деловой репутации органов внутренних дел // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 1 (9). С. 96–100.
6. Бучакова М. А., Дизер О. А. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3 (70). С. 16–19.
7. Вавилычева Т. Ю. Современные проблемы защиты чести и достоинства личности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 16 с.
8. Защита деловой репутации: теория, практика, техника: монография / М. В. Карпычев, А. В. Одинокова, А. Г. Супрунов и др.; под общ. ред. докт. юрид. наук А. М. Хужина. М.: Юрлитинформ, 2020. 216 с.
9. Мельник С. В., Жилиева С. К. Защита чести и достоинства сотрудников полиции и деловой репутации органов внутренних дел Российской Федерации: гражданско-правовой аспект. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2021. 42 с.
10. Супрунов А. Г. Правовая защита деловой репутации по законодательству современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. 33 с.
11. Наливайко К. В. Правовое регулирование способов защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД в условиях цифровизации общества // Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сборник статей XII всероссийской научно-практической конференции. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. С. 253–259.
12. Шмаков В. Н. Актуальные вопросы компенсации морального вреда при диффамации в отношении сотрудников органов внутренних дел // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3 (60). С. 134–140.
13. Молочков Ю. В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 25 с.
14. Груздев В. В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. М.: Юстицинформ, 2012. С. 90–91.
15. Супрунов А. Г. К вопросу о способах защиты деловой репутации органов внутренних дел // Шестой конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва: ООО «Русайнс», 2024. С. 401–406.

REFERENCES

1. Tarasevich K. A. Cyberattack as a risk factor in the formation of business reputation of a commercial legal entity // Journal of Legal and Economic Research. 2022. No. 2. P. 87–92. (In Russ.)
2. Panin D. N., Bobkov E. O., Balashova E. A. Analysis of cyberattacks on critical information infrastructure with IOT technologies // Autonomy of the individual. 2020. No. 2 (22). P. 55–64. (In Russ.)
3. Bartashevich D. A. Fake news: signs and grounds for classification // Abyss (Questions of philosophy, political science and social anthropology). 2024. No. 4 (30). P. 162–172. (In Russ.)

4. Matrosova M. E. Protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies: criminal law and forensic aspects: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Moscow, 1997. 28 p. (In Russ.)
5. Suprunov A. G., Malyutina O. A. On the issue of business reputation of internal affairs bodies // Professional legal education and science. 2023. No. 1 (9). P. 96–100. (In Russ.)
6. Buchakova M. A., Dizer O. A. Protection of honor, dignity and business reputation of employees of internal affairs bodies // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. No. 3 (70). P. 16–19. (In Russ.)
7. Vavilycheva T. Yu. Modern problems of protecting the honor and dignity of an individual: criminal law and criminological aspects: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2012. 16 p. (In Russ.)
8. Protection of business reputation: theory, practice, technique: monograph / M. V. Karpychev, A. V. Odinkova, A. G. Suprunov et al.; under the general editorship of Doctor of Law A. M. Khuzhin. Moscow: Yurlitinform, 2020. 216 p. (In Russ.)
9. Melnik S. V., Zhilyaeva S. K. Protection of the honor and dignity of police officers and business reputation of the internal affairs bodies of the Russian Federation: civil law aspect. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2021. 42 p. (In Russ.)
10. Suprunov A. G. Legal protection of business reputation under the legislation of modern Russia: general theoretical aspect: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2009. 33 p. (In Russ.)
11. Nalivaiko K. V. Legal regulation of methods of protecting the honor, dignity and business reputation of employees of the internal affairs bodies in the context of digitalization of society // Information development of Russia: state, trends and prospects: collection of articles of the XII All-Russian scientific and practical conference. Orel: Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА, 2022. P. 253–259. (In Russ.)
12. Shmakov V. N. Actual issues of compensation for moral damage in case of defamation in relation to employees of internal affairs bodies // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (60). P. 134–140. (In Russ.)
13. Molochkov Yu. V. Protection of honor and dignity in civil proceedings: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Yekaterinburg, 1993. 25 p. (In Russ.)
14. Gruzdev V. V. Civil-law protection of property interests of an individual. Moscow: Yustitsinform, 2012. P. 90–91. (In Russ.)
15. Suprunov A. G. On the issue of methods for protecting the business reputation of internal affairs agencies // Sixth Congress of Civil Law Enforcement Officers: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Moscow: OOO Rusains, 2024. P. 401–406. (In Russ.)

Информация об авторах:

О. А. Мalyutina, кандидат юридических наук, доцент;
А. Г. Супрунов, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

O. A. Malyutina, Candidate of Law, Associate Professor;
A. G. Suprunov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343

**ФОРМИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
(ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ)**

Пётр Иванович Иванов

Академия управления МВД России, Москва, Россия
IvanovPI1952@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с разработкой и принятием концепции оперативно-розыскной политики на сегодня, что, по мнению автора, является одной из приоритетных задач научных и образовательных организаций системы МВД России. Необходимость скорейшего ее решения прежде всего обусловлена тремя взаимосвязанными между собой обстоятельствами, а именно: 1) поиском новых форм и методов противодействия преступности как угрозе национальной безопасности; 2) получением некоторого распространения транснациональной преступности; 3) необходимостью разработки системы комплекса мер по адекватному им противодействию.

Ключевые слова: оперативно-розыскная концепция, структура оперативно-розыскной концепции, процесс формирования в новых условиях, имеющиеся научные подходы, оперативно-розыскное законодательство, судебно-следственная практика, криминогенная ситуация, новые вызовы и угрозы.

Для цитирования: Иванов П. И. Формирование оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации (проблемы и пути их решения) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 74–83.

Original article

**FORMATION OF OPERATIONAL SEARCH POLICY
IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION
(PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM)**

Piotr I. Ivanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
IvanovPI1952@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the development and adoption of the concept of operational-search policy today, which, in the author's opinion, is one of the priority tasks of scientific and educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The need for its earliest solution is primarily due to three interrelated circumstances, namely: 1) the search for new forms and methods of combating crime as a threat to national security; 2) the receipt of some distribution of transnational crime; 3) the need to develop a system of measures to adequately counter them.

Keywords: operational-investigative concept, structure of the operational-investigative concept, the process of formation in new conditions, available scientific approaches, operational-investigative legislation, judicial-investigative practice, criminogenic situation, new challenges and threats.

For citation: Ivanov P. I. Formation of operational search policy in the context of digital transformation (problems and ways to solve them) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 74–83. (In Russ.)

Введение

С учетом некоторого осложнения криминальной ситуации необходимость принятия действенных мер по ее стабилизации приобретает особую значимость и актуальность формирования оперативно-розыскной политики как насущной на сегодня проблемы, суть которой, по мнению автора, заключается в разрешении существующего противоречия между объективной необходимостью разработки и принятия концепции оперативно-розыскной политики, отвечающей требованиям сегодняшнего дня (условиям возрастания отраслевых (все новых) рисков и угроз), и не в полной мере научного обоснования ее потребности со стороны научно-педагогического сообщества.

Целью настоящего исследования является разработка на основе выборочного изучения монографических работ, нормативных правовых актов, оперативно-следственной практики и сложившейся криминальной ситуации совокупности теоретических положений, которые могут служить исходной позицией для создания современной концепции оперативно-розыскной политики как относительно самостоятельной подотрасли уголовно-правовой.

Проведенное нами выборочное исследование проблем, связанных с формированием оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации, убедительно свидетельствует о влиянии на них совокупности внутренних и внешних факторов, а также философских законов и категорий. Укажем основные из них: познаваемость социальных явлений, единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, причинность и следствие. Мы со своей стороны рассматриваем их как постулат. Благодаря указанным законам представляется возможным глубже проникнуть в сущность процесса формирования с целью познания внутреннего ее содержания, корреляционных связей между элементами системы названного процесса.

Разумеется, нельзя не принимать при этом во внимание необходимость учета всеобщего метода познания – диалектики, кото-

рый, как известно, способствует тому, чтобы проследить историю возникновения, становления и развития оперативно-розыскной политики.

Результаты проведенного нами выборочного изучения и критического анализа нормативных правовых актов, научных изысканий, правоприменительной практики, а также складывающейся в стране криминальной ситуации позволили сформулировать вывод о том, что без наличия выстроенной оперативно-розыскной политики вряд ли возможно повышение эффективности противодействия наряду с другими видами преступлений киберпреступности, выступающей одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов.

Методы

Использовались следующие методы исследования: общенаучные, включающие формально-логические (анализ, синтез, обобщение, выдвижение гипотез), частнонаучные (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов).

Изучение и анализ монографических работ, правоприменительной практики и состояния противодействия прежде всего кибер- и наркопреступности позволили сформулировать вывод о том, что значительное повышение эффективности борьбы с ними возможно при наличии оперативно-розыскной политики, отвечающей современной криминальной ситуации и служащей адекватным ответом на новые вызовы и угрозы, исходящей во многом от коллективного Запада, принимающего антироссийские санкции.

Результаты

Вопросы, связанные с оперативно-розыскной политикой, занимают центральное место в современной теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Указанное направление политики, будучи составной частью единой уголовной политики государства, представляет собой относительно самостоятельный вид правотворческой и правоприменительной деятельности государства и соответствующих государственных органов по выработке и примене-

нию определенных законом сил, средств и методов ОРД.

Оперативно-розыскная политика в настоящее время развивается преимущественно посредством совершенствования действующих норм оперативно-розыскного законодательства и правоприменительной практики. В связи с этим она создает необходимые предпосылки для своевременного выявления, обоснования и оценки правовых норм, их гармонизации с другими отраслями права, диктуемых в первую очередь складывающейся криминологической обстановкой.

Результаты проведенного нами выборочного изучения и критического анализа нормативных правовых актов, научных изысканий, правоприменительной практики, а также складывающейся в стране криминогенной ситуации позволили установить существующие в настоящее время среди специалистов теории ОРД точки зрения на понятие «оперативно-розыскная политика»¹. По нашим данным, точек зрения, которые чаще всего высказывались в юридической специальной литературе, три².

Сторонники первой точки зрения (К. К. Горяинов [1, с. 179], Г. К. Синилов [2] и др.) в своих публикациях отстаивают оперативно-розыскную политику как разновидность деятельности оперативных подразделений полиции, сфокусировав внимание читателей на трех видах преступности: транснациональной (киберпреступности), наркопреступности и организованной экономической (налоговой).

Указанная точка зрения, на наш взгляд, легко укладывается одновременно в понятие «политика» как образ действий, направленный на обеспечение экономической безопасности приоритетных сфер экономики. Автор настоящей статьи полагает, что такая объемная работа навряд ли может осуществляться эффективно лишь одними усилиями оперативных подразделений полиции без должного взаимодействия их с аналогичными подразделениями иных органов, осуществляющих ОРД, в различной форме (взаимный обмен оперативной информацией, совместная разработка и проведение отдельных ОРМ и др.). Как нам представляется, при этом в таких случаях общим регулятором продолжает выступать апробированный годами образ действий, который оказывает воздействие путем упорядочения возникающих отношений между субъектами ОРД. Применительно к системе МВД России подобный образ действий ярко просматривается в рамках Концепции³ реализации комплекса мер по обеспечению экономической безопасности прежде всего бюджето- и градообразующих отраслей экономики. Как видим, функцию управления (координации) берет на себя политика, определяя генеральную линию совместных действий и принятия совокупности мер, проводимых, в частности, для указанных нужд.

Вторая точка зрения (В. М. Аتماжитов [3, с. 35], С. И. Захарцев [4, с. 171], С. В. Катков [5, с. 11] и др.) аккумулирует совокупность теоретических идей, целей и задач, практических мероприятий в сфере реали-

¹ Чтобы глубоко уяснить мы вначале обратимся к словарю. Об этом см.: Политика от гр. *politike* искусство управления государством (Экономический и юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2004. С. 593). Иными словами, политика выражает функции государства по руководству, управлению определенными сферами общественной жизни. В нашем понимании затрагивает область оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений полиции.

² Справедливости ради следует отметить, что анализируемые точки зрения, несмотря на различия понятия и сущности «оперативно-розыскная политика», все они вольно или невольно натываются на такие общие признаки (черты), как правотворчество и правоприменение, выдаваемые в качестве ее содержания. Такая сопряженность общих и частных признаков нами рассматривается не иначе как наличие некоей закономерности.

³ Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации: приказ МВД России от 14 октября 2021 г. № 760. Доступ из справ.правовой системы «КонсультантПлюс».

зации прежде всего документов стратегического планирования¹.

Главная мысль, отстаиваемая ими, нашла отражение в сущностно-содержательной стороне теории ОРД как неотъемлемой части уголовно-правовой науки². Оперативно-розыскная политика в таком представлении считает своим предметом, помимо правотворчества, правоприменение и научное обеспечение, основанное на принципах оперативно-розыскной науки и отвечающее ее требованиям. Автор настоящей статьи в своих работах также выделял научность в качестве обязательного атрибута исследуемой политики, поскольку она все же сложная теоретическая конструкция. Говоря об этом, мы хотим заметить, что у каждого исследователя своя точка зрения, поэтому ставить точку на этом вопросе рано.

Как уже мы обозначили, существует и третья точка зрения, согласно которой оперативно-розыскная политика, по мнению ее авторов [6, с. 22], есть часть, с одной стороны, внутренней политики³, с другой – уголовно-правовой⁴. Такая форма, на

наш взгляд, не искусственное раздвоение, а объективно обусловленный процесс, иными словами, не внешне навязанное и ничем не подкрепленное выражение. Лишь в теоретическом плане в целях углубленного изучения такой подход, на наш взгляд, вполне оправдан.

Завершая краткий критический анализ различных точек зрения, подчеркнем, что в юридической и специальной литературе понятие «оперативно-розыскная политика» употребляется в различных значениях. В обобщенном виде они выглядят следующим образом: а) характеризует главным образом деятельностный аспект (относительно самостоятельный вид деятельности, сфера действий); б) выражает сущностно-содержательную наполняемость (система правовых, организационных и иных мер, комплекс взаимосвязанных мероприятий); в) отображает (подчеркивает) специфические особенности (генеральная линия, концепция стратегии развития, совокупность теоретических идей, целей и задач, практических мероприятий).

¹ Здесь речь идет о реализации основных положений, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. В решении этой ключевой задачи самое непосредственное участие, наряду с другими правоохранительными органами, принимает МВД России.

² Ключевые элементы теории оперативно-розыскной деятельности: генезис (история зарождения), субъекты и объекты, цели и задачи, методы и формы, функции и приоритеты, состояние и тенденции развития, структура и функции. Такова ее структура.

³ Вопросы противодействия преступности находятся в центре внимания МВД России, поскольку оно Правительством Российской Федерации определено головным исполнителем государственной программы. Об этом см.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (с изменениями и дополнениями) : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Общеизвестно на сегодня, что структура уголовно-правовой политики может быть представлена в виде следующих разновидностей политики: криминологической, криминалистической, уголовно-процессуальной, судебной, уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной. Нами при этом уголовная и уголовно-правовая политика рассматриваются как тождественные понятия, хотя в теории уголовного права существуют иные точки зрения. Одновременно, возвращаясь к затронутой нами теме, хотим подчеркнуть, что специалисты в области теории ОРД оперативно-розыскную политику рассматривают в узком и широком смысле слова. Ими неотъемлемая часть уголовно-правовой политики видится как узкий ее смысл. В этом ключе анализируемые нами виды политики соотносятся как общее и единичное. Широкий же смысл оперативно-розыскной политики, по их мнению, находит свое выражение через призму рассмотрения ее как части социальной и правовой политики, когда с ней максимально увязаны реальные возможности оперативно-розыскной деятельности и решаемые ею задачи.

В настоящее время среди специалистов теории ОРД существует множество мнений о понятии и сущности оперативно-розыскной политики. Оперативно-розыскная политика в узком ее понимании, на наш взгляд, означает систему официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цели, направления, приоритеты и критерии эффективности оперативно-розыскной деятельности как разновидности правоохранительной деятельности в области защиты в соответствии с законодательством личности, общества и государства от преступных посягательств ее силами, средствами, методами и мероприятиями.

Существует в настоящее время и такая точка зрения, согласно которой рассматриваемый вид политики представляет собой научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность МВД России по повышению эффективности правоохранительной функции (правоохраны) оперативно-розыскного права, по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства, по выстраиванию должного правопорядка компетентных органов на основе заблаговременного определения стратегии и тактики оперативно-розыскного обеспечения противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности в целях доведения его до социально приемлемого уровня.

Заметим, что оперативно-розыскная политика в системе государственной политики занимает особое место, оно во многом определяется не только относительной самостоятельностью самой оперативно-ро-

зыскной деятельности и законодательства ее регулирующего, но и особенностями противодействия преступности. Такая политика выступает одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения национальной безопасности и базируется на признании фундаментальной (концептуальной) взаимосвязи и взаимозависимости ее основных положений с социально-экономической политикой государства, а также политикой в области противодействия преступности¹.

Рассматриваемый вид политики преследует вполне конкретные цели, а именно: обеспечение соответствия оперативно-розыскного законодательства и практики его применения международным и конституционным стандартам прав человека и его безопасности; оптимизация и приведение в соответствие с криминологической ситуацией системы принципов, приоритетов указанного законодательства, а также повышение эффективности механизма оперативно-розыскного противодействия² прежде всего транснациональной организованной преступности.

На анализируемый вид политики оказывает влияние довольно большое количество факторов. Укажем основные факторы, обуславливающие необходимость формирования оперативно-розыскной политики:

– усиленный поиск новых форм и методов противодействия киберпреступности, сопряженной с достижениями современной науки и техники, который вызван новой промышленной революцией и ее технологиями³. На этом фоне как никогда остро стоит

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (с изменениями и дополнениями): постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В оперативно-розыском противодействии также нуждаются такие виды преступности, как коррупция, легализация доходов, приобретенных преступным путем, фальшивомонетничество, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот оружия и взрывчатых веществ.

³ Здесь речь идет о цифровой трансформации, понимаемой нами как процесс, отражающий переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий в целях повышения ее эффективности и результативности.

проблема формирования государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием новых информационных технологий и современных телекоммуникационных сетей. Ее решение, на наш взгляд, немислимо без предварительной научной ее проработки в рамках оперативно-розыскной политики [7]. Думается, что с учетом сложившейся на сегодня криминогенной ситуации решение указанной проблемы предполагает построение такой теоретико-практической системы разнообразных мер, которая обеспечивала бы изучение преступности, ее причин и условий, устранение этих причин и условий, позволяла бы выявлять и изучать лиц, от которых в силу их антиобщественного поведения можно ожидать преступления, и оказывать нужное профилактическое воздействие на таких лиц;

– осуществление оперативно-розыскной работы в условиях замкнутой цифровой среды¹;

– появление ранее неизвестных правоприменительной практике вызовов и угроз национальной безопасности страны [8]. Среди множества потенциальных рисков неправомерный доступ к компьютерной информации на сегодня выходит на первый план. Создание соответствующей системы ее защиты предполагает принятие неотложных мер правового, организационного и технического характера;

– инновации, обусловленные внедрением информационных цифровых технологий в правоохранительную деятельность [9];

– цифровизация преступности, вследствие чего появление «цифрового преступника» [10].

Формирование оперативно-розыскной политики не самоцель, посредством нее удастся решить ряд задач:

– разработать правовую и организационную основу и механизмы гармонизации

и унификации оперативно-розыскного законодательства в рамках Союзного государства;

– модернизировать с учетом сложившейся криминогенной ситуации и правоприменительной практики содержание рассматриваемого вида политики посредством включения в него не только законодательской и правоприменительной, но и научно-исследовательской деятельности;

– обеспечить адекватность применения в условиях цифровой трансформации системы оперативно-розыскных и иных мер, включая оперативно-розыскные мероприятия, противодействие экстремистской, террористической, рецидивной, транснациональной организованной преступности и иным ее видам. МВД России, чтобы выработать соразмерные меры указанным наиболее опасным социально-правовым явлениям, приняло весьма значимое решение, утвердив целую программу цифровой трансформации², которая открывает новые возможности поиска и совершенствования ныне действующих мер;

– обеспечить надежную защиту собственности и экономических интересов добросовестных предпринимателей от преступных посягательств;

– добиться полного соответствия оперативно-розыскного законодательства и практики его применения конституционным и международно-правовым стандартам защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Оперативно-розыскная политика как теоретико-методологическая категория включает в свое содержание совокупность принципов. Вкратце остановимся на их характеристике.

Многолетней практикой оперативно-розыскной деятельности оперативных подраз-

¹ МВД России принята ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2024–2026 годы (Распоряжение МВД России от 25 января 2024 г. № 1/724).

² Распоряжением МВД России от 25 января 2024 г. № 1/724 утверждена ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2024–2026 годы.

делений полиции были выработаны принципы¹, определяющие основные правила поведения (руководящие идеи), которым законодателем был придан официальный статус². В настоящее время мы знаем две группы принципов: конституционные (законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина); отраслевые (конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств). Указанные руководящие идеи носят общий характер. Содержание оперативно-розыскной политики ими руководствуется, вырабатывая приоритеты своего развития. Заметим, что рассматриваемые принципы не существуют сами по себе, поскольку они выполняют множество функций, включая познавательную (научно-теоретическую), нормативно-правовую и прикладную (деятельностную). Даже в контексте перечисленных функций мы усматриваем их влияние на ОРД в целом, не говоря уже про анализируемую разновидность политики. Мы в своих работах неоднократно обращались к развернутой характеристике принципов. Учитывая данное обстоятельство, во избежание повторов нами в настоящей работе такое описание не приведено.

Помимо принципов, оперативно-розыскная политика в рамках своего предмета познает совокупность закономерностей³, которые находят свое проявление в виде:

– причинно-следственной связи между органами, осуществляющими ОРД⁴. Такая взаимосвязь обусловлена прежде всего следующими обстоятельствами: общим объек-

том оперативно-розыскного реагирования – преступностью; единой правовой основой, а также пределом установленных законом полномочий субъектов названной деятельности. На этом фоне трудно представить их нормальное функционирование без наличия единой для всех политики, несмотря на возможность издания в пределах своих полномочий рассматриваемыми органами нормативных актов, регламентирующих организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий (их 15). Такие акты должны издаваться в строгом соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, что означает подведение их под общий «знаменатель»;

– взаимосвязей и взаимообусловленностей между новыми субъектами Российской Федерации (Херсонская и Запорожская области, Донецкая и Луганская народные республики), во многом обусловленных процессом восстановления в этих регионах инфраструктуры для их нормальной жизнедеятельности. Для того чтобы успешно решить эту задачу, государство из консолидированного бюджета выделяет колоссальные финансовые ресурсы, обеспечение целевого их расходования и недопущения фактов хищений выходит на первый план.

Защита бюджетных средств, выделенных для оказания поддержки участникам специальной военной операции и населению территорий субъектов Российской Федерации, подвергшихся нападению со стороны вооруженных формирований Укра-

¹ Принцип – руководящая идея, основное правило поведения, понятие, представляющее собой обобщение и распространение какого-либо положения на всю совокупность познаваемых явлений и процессов реальной действительности. Об этом см.: Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 29.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ст. 3): ред. от 29.06.2015 // Собр. законодательства Рос Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между реализацией в системе МВД России государственной политики по обеспечению экономической безопасности и оперативно-розыскным обеспечением защиты в социальной сфере бюджетных средств от преступных посягательств.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ст. 3): ред. от 29 июня 2015 г. // Собр. законодательства Рос Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

ины, должна находиться под пристальным вниманием руководителей ОВД и их подразделений ЭБиПК;

– взаимозависимости между современным состоянием преступности¹, которая давно вышла за пределы границ национальных государств, приобретая транснациональные черты. В этих условиях государства – участники СНГ², Союзное государство находятся в поиске новых форм противодействия преступности. В настоящее время проработка этого вопроса осуществляется совместно с Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ.

Необходимость углубленного познания указанной закономерности в рамках оперативно-розыскной политики и других обусловлена поиском наиболее эффективных форм и методов противодействия преступности.

Так, МВД России в качестве приоритетной задачи перед научными учреждениями, образовательными организациями и территориальными органами внутренних дел поставило формирование государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием новых информационных технологий и современных телекоммуникационных сетей.

Мы со своей стороны полагаем, что указанную задачу, наряду с другими возможными вариантами, целесообразно попытаться разрешить следующим образом. Предварительно важно определить концепцию (систему взглядов), то есть совокупность положений, содержащих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием новых

информационных технологий и современных телекоммуникационных сетей. Отсюда нетрудно заметить, что указанная проблема требует научного разрешения, что потребует включения ее в Сводный перечень проблем деятельности органов внутренних дел.

Как нам представляется, содержание предполагаемой системы должны составлять организационно-тактические комплексы по таким линиям, как:

- а) транснациональная преступность;
- б) киберпреступность;
- в) наркопреступность;
- г) организованная экономическая преступность;
- д) финансирование терроризма и экстремистской деятельности.

При проектировании данного документа следует попытаться ответить на ряд вопросов, а именно:

1. Что из себя представляет государственная система?
2. Из каких слагаемых она состоит?
3. Должна ли она ограничиться только преступлениями, совершаемыми с использованием новых информационных технологий и современных телекоммуникационных сетей?
4. Указанная система по своему масштабу должна ли распространяться на все субъекты правоохранительных органов или же только на оперативные подразделения полиции?
5. Какие принципы должны быть положены за основу при ее реализации?

Разумеется, приведенный перечень вопросов не является исчерпывающим, возможны и иные, ответы на которые могут быть продиктованы самой разрабатываемой системой противодействия.

¹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры России и МВД России № 462/11/2 от 25 июня 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² На территории государств – участников СНГ действует модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»: постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 6 дек. 1997 г. № 10-12 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1998. № 16).

Мы исходим из того, что обозначенная проблема требует научного разрешения. Учитывая это обстоятельство, ее целесообразно включить в Сводный перечень проблем деятельности органов внутренних дел, что, на наш взгляд, значительно поднимет остроту ее значимости.

Заключение

В заключение отметим следующее.

Во-первых, оперативно-розыскная политика как неотъемлемая часть уголовной политики на сегодня находится на стадии ее формирования. Объективная потребность скорейшего ее принятия прежде всего обусловлена сложившейся в стране криминальной ситуацией, она вызывает особое беспокойство. Ее стабилизация, наряду с другим мерами, невозможна без выстроенной теоретической модели в виде анализируемой политики.

Во-вторых, самодостаточность рассматриваемого вида политики, несмотря на существующее на сегодня иное мнение среди правоведов, на наш взгляд, определяется прежде всего структурно-содержательной наполняемостью¹, объектно-предметной спецификой.

В-третьих, оперативно-розыскное законодательство, теория ОРД (как наука), правоприменительная практика находятся в состоянии непрерывных изменений, совершенствований, что, безусловно, сказывается на программно-целевом подходе к формированию анализируемой нами политики, нацеленной на создание предпосылок для повышения их эффективности в борьбе с преступностью.

В-четвертых, необходимость скорейшего формирования политики объективно востребована прежде всего оперативными подразделениями полиции, выступающими своего рода ее «заказчиками» в лице системы МВД России. Рабочая программа, содержащая основные параметры, требования и условия разработки, составленная и согласованная с исполнителями, прежде всего научными организациями, должна носить проектный характер, промежуточный, чтобы уже на этапе интенсивной работы иметь представление, что хочет на сегодня «заказчик». Данная методика разработки, на наш взгляд, апробирована практикой составления такого рода документов, и она приемлемая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горяинов К. К. Оперативно-розыскная политика и развитие законодательства // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы международной научно-практической межведомственной конференции / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016. С. 178–181.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2014. 712 с.
3. Аتماжитов В. М. О сущности оперативно-розыскной политики Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 34–37.
4. Захарцев С. И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 163–172.
5. Катков С. В. Оперативно-розыскная политика в системе обеспечения национальной безопасности России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2021.
6. Беляева Л. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 19–24.
7. Иванов П. И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 64–67.

¹ Ключевыми компонентами (подсистемами) выступают: его субъекты и объекты, цели и задачи, факторы и функции, принципы и закономерности.

8. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 83–92.
9. Иванов П. И. К вопросу о формировании оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации // Ученые записки. 2024. № 4 (52). С. 82–86.
10. Иванов П. И. К вопросу о личности «цифрового преступника» // Философия права. 2024. № 3 (110). С. 128–135.

REFERENCES

1. Goryainov K. K. Operational-search policy and development of legislation // The criminal-executive system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the international scientific-practical interdepartmental conference / edited by A. A. Votinov. Samara, 2016. P. 178–181. (In Russ.)
2. Theory of operational-search activities: textbook / edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2014. 712 p. (In Russ.)
3. Atmazhitov V. M. On the essence of the operational-search policy of the Russian Federation // Academic Thought. 2020. No. 4 (13). P. 34–37. (In Russ.)
4. Zakhartsev S. I. Operational-search policy // Legal field of the modern economy. 2012. No. 11. P. 163–172. (In Russ.)
5. Katkov S. V. Operational-search policy in the system of ensuring national security of Russia: author's abstract. dis. ... Doctor of Law. Volgograd, 2021. (In Russ.)
6. Belyaeva L. I., Pavlichenko N. V. Operational-search policy: concept and content // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (60). P. 19–24. (In Russ.)
7. Ivanov P. I. Operational-search activity in the conditions of digital reality: its scientific support // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (68). P. 64–67. (In Russ.)
8. Ivanov P. I. Operational-search counteraction to cybercrime (problems and solutions) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (64). P. 83–92. (In Russ.)
9. Ivanov P. I. On the issue of the formation of operational-search policy in the context of digital transformation // Scientific notes. 2024. No. 4 (52). P. 82–86. (In Russ.)
10. Ivanov P. I. On the issue of the identity of the “digital criminal” // Philosophy of Law. 2024. No. 3 (110). P. 128–135. (In Russ.)

Информация об авторе:

П. И. Иванов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России.

Information about the author:

P. I. Ivanov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.13

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТАХ

Анна Владимировна Миликова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
milikova@volsu.ru, ORCID: 0000-0002-0341-4634

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются вопросы, связанные с историей формирования представлений об уголовно-процессуальных актах. На различных этапах исторического развития уголовного судопроизводства закономерно менялись и подходы к пониманию и разграничению таких понятий, как процессуальные акты, документы и решения. Взяв за основу ключевые законодательные акты, регулирующие уголовно-процессуальную деятельность, автор выделяет четыре основных этапа, которые в своей совокупности определяют эволюцию развития представлений об уголовно-процессуальных актах.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, процессуальный документ, процессуальное действие, процессуальное решение, история, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Миликова А. В. История развития представлений об уголовно-процессуальных актах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 84–90.

Original article

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT CRIMINAL PROCEDURE ACTS

Anna V. Milikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia
milikova@volsu.ru, ORCID: 0000-0002-0341-4634

Abstract. In this article, the author discusses issues related to the history of the formation of ideas about criminal procedural acts. At various stages of the historical development of criminal proceedings, approaches to understanding and distinguishing concepts such as procedural acts, documents and decisions have changed naturally. Based on the key legislative acts regulating criminal procedural activities, the author identifies four main stages, which together determine the evolution of ideas about criminal procedural acts.

Keywords: criminal procedure act, procedural document, procedural action, procedural decision, history, criminal procedure, criminal proceedings.

For citation: Milikova A. V. History of the development of ideas about criminal procedure acts // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 84–90. (In Russ.)

Введение

Уголовно-процессуальные акты представляют собой разновидность процессуальных документов, принимаемых уполномоченными должностными лицами в рамках реализации своей деятельности путем принятия процессуальных решений.

Современное состояние уголовно-процессуального права в России, в частности, особенности документального оформления процессуальных действий и решений требуют глубокого анализа и переосмысления. Внедрение новых цифровых технологий, изменения в законодательстве определяют

© Миликова А. В., 2025

необходимость разработки новых теоретических моделей, способных обеспечить оптимальную и эффективную работу системы уголовного судопроизводства. Важно понимать, что изменения должны вноситься постепенно, поэтапно, ведь действующее законодательство – это результат длительного развития, сложного переплетения исторических, политических и социальных факторов, что делает его исследование особенно актуальным. Для проведения эффективной оптимизации и модернизации законодательной базы, касающейся в частности процессуального оформления действий и решений в уголовном судопроизводстве, необходимо четко определить векторы, что, в свою очередь, требует погружения в истоки формирования представлений об уголовно-процессуальных актах, изучения первопричин, которые сформировали современное их правовое положение.

Как верно отмечает И. С. Дикарев, правильное понимание сущности явлений современного законодательства немислимо без знания их истоков, этим и обусловлена необходимость в исследовании истории уголовно-процессуального права [1, с. 64]. Только изучение истории уголовно-процессуального права, включающее анализ причин возникновения существующих проблем, допущенных ошибок и недочетов, позволит выявить системные недостатки и разработать целенаправленные меры по их устранению. Исторический анализ позволяет понять, почему система функционирует именно так, а не иначе, и какие факторы привели к текущей ситуации.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем фактом, что уголовно-процессуальная деятельность непосредственно связана и реализуется посредством составления уголовно-процессуальных актов. Изменения, вносимые в уголовно-процессуальное законодательство, неизбежно влекут корректировку и дополнения, вносимые в соответствующие процессуальные документы. Ранее учеными не предпринималось попыток проведения подобных исследований, касающихся, в частности, определения пери-

одизации и исторической преемственности современной формы уголовно-процессуальных актов и целесообразности ее видоизменения ввиду появления новых технических возможностей использования электронных технологий. Уголовно-процессуальные акты составляют основу уголовного процесса и имеют особое значение, так как благодаря их изданию возникают, изменяются или прекращаются уголовно-процессуальные правоотношения, и только с их помощью возможна реализация назначения уголовно-го судопроизводства.

Научная новизна обусловлена использованием комплексного подхода к рассмотрению всей системы уголовно-процессуальных актов и изменений их формы с использованием историко-правового метода.

Теоретическая значимость выражается в изучении и систематизации знаний об историческом развитии представлений об уголовно-процессуальных актах для дальнейшего практического применения сформулированных положений и выводов при совершенствовании законодательства в части определения, проверки и оценки эффективности и целесообразности той или иной формы уголовно-процессуальных актов, возможности ее изменения. Исследование уголовно-процессуальных актов имеет и большое практическое значение как при ведении учебных курсов по уголовному процессу, так и при подготовке учебной и методической литературы.

К сожалению, на сегодняшний день изучению исторических аспектов формирования представлений об уголовно-процессуальных актах до сих пор в уголовно-процессуальной доктрине не уделялось достаточного внимания. Тем не менее данный вопрос видится важным ввиду его очевидного влияния на развитие и становление иных институтов уголовного процесса.

В данной статье рассмотрим эволюцию представлений о сущности уголовно-процессуальных актов, что позволит создать целостную картину исторического развития представлений об уголовно-процессу-

альных актах. В дальнейшем полученные результаты могут быть использованы для создания более совершенной и эффективной системы.

Методы

В ходе написания данной статьи автором использован универсальный диалектический метод познания для определения и выделения категории «уголовно-процессуальный акт»; историко-правовой метод, позволивший отграничить основные этапы исторического развития представлений об уголовно-процессуальных актах; сравнительно-правовой; формально-юридический; методы анализа, синтеза и другие, позволившие сделать возможным осуществление данного исследования.

Основные результаты

С целью формирования общего понимания об историческом развитии знаний об уголовно-процессуальных актах целесообразно выделить основные исторические этапы.

В связи с тем, что в науке уголовного процесса данным вопросам учеными не уделяется должного внимания, отметим этапы развития юридического делопроизводства, которые в своем исследовании определил А. Ю. Чурилов, связывая их с развитием российской государственности: 1) зарождение делопроизводства как особой сферы профессиональной деятельности – X–XV вв.; 2) приказное (столбцовое) делопроизводство – XV–XVII вв.; 3) коллежское (коллегияльное) делопроизводство – XVII–XIX вв.; 4) министерское (исполнительное) делопроизводство – XIX–XX вв. [2, с. 9].

В рамках уголовно-процессуальной науки возможным видится взять за основу деления на этапы издание ключевых законодательных актов, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность. Подобный исторический анализ, безусловно, обогащает уголовно-процессуальную науку, позволяя выявить и проследить достоинства и недостатки отдельных периодов, в том числе обстоятельства, послужившие причиной внесения или, напротив, оставления без изменений тех или иных поло-

жений законодательства, их преемственность.

Первый этап – дореформенный, связан с изданием судебников 1497 г., 1550 г., Соборного уложения 1649 г. Данный период характеризуется формированием приказного делопроизводства и началом закрепления правил, касающихся документирования на законодательном уровне. К ним относятся, в частности, порядок выдачи судебных актов, правила определения доказательственной силы документов, представленных в суд, а также порядок оформления протокола судебного заседания и иные вопросы, относящиеся к делопроизводству [2, с. 9–10].

В период действия Уложения письменные акты, включая крепостные, стали иметь статус основного доказательства, который можно было оспорить только в случае уголовного обвинения в подлоге со стороны, представившей данный документ [3, с. 677]. Таким образом, в обозначенный период письменные документы (акты) приобрели огромное доказательственное значение.

В своих трудах, посвященных дореформенному российскому уголовному процессу, И. Я. Фойницкий отмечал существенные изменения в его принципах. Он указывал на замену гласности и устности, характерных для предварительного следствия, негласностью и письменной фиксацией всех процедур. Высший судебный орган (разбойный приказ) рассматривал только письменные материалы. Эпоха Екатерины II ознаменовалась расширением практики негласного следствия с обязательным письменным оформлением на все категории уголовных дел. Ученый критически оценивал дореформенный строй уголовного процесса, указывая на его недостатки, вытекающие из смешения властей, чрезмерной бюрократизации, многоуровневой системы инстанций, гипертрофированной зависимости от письменных документов и использования негласных инквизиционных методов [4, с. 33, 36].

Я. И. Баршев проводил различие между всеми материалами, представленными суду в ходе уголовного процесса, и письменными

актами, особо подчеркивая значение авторства как ключевого фактора для письменных документов. Он отмечал, что способ составления, место и лицо, его создавшее, существенно влияют на ценность документа [5, с. 84]. Уже на первоначальном этапе развития представлений об уголовно-процессуальных актах можно было наблюдать придание исключительной важности официальным актам. Оценивались как письменная форма акта, так и компетентность лица, его составившего. Этот признак надлежащего субъекта и до настоящего времени остается одним из определяющих для уголовно-процессуальных актов, позволяющих отграничивать их из общего числа процессуальных документов.

Второй этап обусловлен введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Как подчеркивал И. Я. Фойницкий, в исследуемый период все процессуальные действия предварительного следствия оформлялись протоколами, характеризующимися высокой степенью детализации, что являлось обязательным требованием законодательства. Письменная форма производства исключала возможность проведения устных допросов свидетелей и словесных разъяснений со стороны участников процесса. Устная форма предусматривалась исключительно для представления заключительной позиции прокуратуры. В судебных инстанциях, напротив, приоритет отдавался устному процессу. Замена устного допроса письменным общением с участниками процесса или свидетелями, а также производство без устного опроса рассматривались как существенное нарушение порядка судебного разбирательства, что могло послужить основанием для подачи кассационной жалобы [4, с. 98–99].

М. В. Духовской акцентировал внимание на том, что принципы непосредственности, состязательности и гласности судебного процесса обуславливают необходимость устного рассмотрения дела. В отличие от письменной процедуры, превалявавшей в дореформенном судопроизводстве, устное разбирательство, по его

мнению, позволяет судье более полно и объективно оценить показания свидетеля, чем при изучении протокола допроса, составленного следователем и отражающего не только слова свидетеля, но и личность, взгляды и методику работы самого следователя [6, с. 149].

С. И. Викторский подчеркивал, что различные письменные акты и документы могут выступать в уголовном судопроизводстве как вещественные доказательства, а также служить официальным описанием этих доказательств или документами, подтверждающими устные показания, либо заменять их. В соответствии с принципами устности и непосредственности использование письменных доказательств в суде существенно ограничено, что объясняет отсутствие специальных указаний о них в уставах уголовного судопроизводства [7, с. 296–297].

С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. ситуация в уголовном судопроизводстве значительно меняется, в том числе в отношении понимания сущности уголовно-процессуальных актов. Принципы устности и непосредственности становятся ключевыми в процессе судебного разбирательства. Однако в досудебном производстве письменная форма продолжает оставаться преобладающей.

Третий этап развития представлений об уголовно-процессуальных актах связан с периодом советского уголовного процесса (Положение о судостроительстве РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1922, 1923, 1960 гг.). Как справедливо указывает С. Б. Россинский, революционные события 1917 г. вызвали коренные преобразования во всей системе государственного управления, что не могло не сказаться на организации уголовной юстиции [8, с. 154].

В частности, в УПК РСФСР 1923 г. вводится упоминание о вещественных доказательствах и письменных документах, что привело к переосмыслению значения и трактовки процессуальных документов в юридической практике.

В своих трудах С. С. Алексеев особое внимание уделял проблеме актов применения права, в частности, в сфере уголовно-процессуального законодательства, отмечая важность определения видов актов, их систематизации и иных вопросов [9, с. 670–679].

В юридической литературе встречаются различные подходы к пониманию уголовно-процессуальных актов и документов. Например, М. А. Чельцов выделял категорию процессуальных актов и протоколов, подчеркивая их специфику как особого вида письменных доказательств, формируемых судебными следственными органами [10, с. 327]. А. Я. Вышинский указывал на возможность рассмотрения письменных документов в качестве как вещественных, так и письменных доказательств [11, с. 123]. М. С. Строгович вообще определял процессуальный акт как действие, совершаемое участником процессуальной деятельности, имеющее определенную процессуальную форму и зафиксированное в соответствующем процессуальном документе [12, с. 200].

Особое значение представляет собой определение уголовно-процессуального акта органов предварительного расследования, предложенное Н. Г. Муратовой. Автор определила его как письменный процессуальный документ, фиксирующий действия уполномоченного должностного лица [13, с. 22]. В ходе рассматриваемого этапа наблюдается эволюция представлений об уголовно-процессуальных актах. Исследования, подобные работе Н. Г. Муратовой, послужили основой для формирования современного понимания данной категории.

С введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 г. можно отметить начало современного этапа развития представлений об уголовно-процессуальных актах. Данный период совпадает с началом нового этапа развития науки уголовного процесса. Как верно подчеркнул С. Б. Россинский, новый УПК РФ задал новое направление развитию уголовного судопроизводства, сменив прежнюю парадигму и определив ориентир на приемлемое соотношение публичных и

частных интересов, а также баланс полномочий суда, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия с обеспечением прав личности, участвующей в уголовно-процессуальных отношениях [14, с. 118].

В настоящее время все еще не сложилось единого подхода к пониманию уголовно-процессуальных актов. Иногда они отождествляются с процессуальными документами, действиями или решениями. Подобные разногласия порождают двусмысленное толкование. Верным видится выделение уголовно-процессуальных актов из общего числа процессуальных документов, отнесение к ним только тех, которые вынесены уполномоченными должностными лицами, обладающими государственно-властными полномочиями, и содержат в себе процессуальные решения.

Современный этап развития представлений об уголовно-процессуальных актах характеризуется и изменением подходов к пониманию сущности и формы выражения уголовно-процессуальных актов ввиду внедрения новых цифровых аналогов, позволяющих фиксировать процессуальные действия и решения, помимо привычной письменной формы. Все внесенные в законодательство нововведения и перспектива серьезных изменений в уголовно-процессуальном документировании требуют серьезной проработки и анализа возможных вариантов их дальнейшего развития.

Заключение

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что, несомненно, выделенные позиции носят условный характер и возможно выделение иных периодизаций. Тем не менее нам видится обоснованным выделение четырех наиболее существенных этапов развития представлений об уголовно-процессуальных актах, которое в настоящей статье обусловлено изданием основных законодательных актов, регулирующих уголовно-процессуальные отношения. Представляется верным относить к их числу: первый этап – дореформенный, который обусловлен изданием судебников 1497 г., 1550 г., Соборного уложения 1649 г.; второй

этап связан с введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г.; третий этап развития представлений об уголовно-процессуальных актах определен периодом советского уголовного процесса и изданием Положения о судоустройстве РСФСР, УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг.; современный этап развития представлений об уголовно-процессуальных актах берет свое начало с введением в действие УПК РФ 2002 г.

Проведенный анализ исторического развития представлений об уголовно-процессуальных актах позволил определить тенденции и закономерности развития нормативного регулирования в области издания уголовно-процессуальных актов, в частности, строгую письменную форму и особую

правовую природу уголовно-процессуальных актов перед актами, издаваемыми в других отраслях права. Отсюда, как представляется, и имеющиеся в настоящее время сложности в переходе к электронному формату издания уголовно-процессуальных актов, исторически формировавшихся в письменной процессуальной форме уголовного процесса.

С учетом особого статуса уголовно-процессуальных актов видится необходимым в рамках уголовно-процессуальной доктрины проведение подобных исторических исследований для понимания их правовой природы, сущности, в том числе причин и условий, предопределяющих существующие проблемы делопроизводства в уголовном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дикарев И. С. Ревизия в истории российского уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 60–65.
2. Чурилов А. Ю. Юридическое делопроизводство: учебное пособие для вузов / 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 338 с.
3. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 846 с.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1912. 577 с.
5. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. 2. Отд. собств.е.и.в. канцелярии, 1841. 385 с.
6. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Склад издания в книжном складе В. Клюкина. Москва, 1910. 448 с.
7. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Издание второе. Изд. А. А. Карцева. М.: типография Императорского Московского университета. 1912. 425 с.
8. Россинский С. Б. Формирование и развитие уголовной юстиции в первые годы советской власти // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 5. С. 149–176.
9. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
10. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 624 с.
11. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР, 1927. 222 с.
12. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. Т. I / Строгович М. С. М.: Наука, 1968. 468 с.
13. Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования. Вопросы теории и практики. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 118 с.
14. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135.

REFERENCES

1. Dikarev I. S. Revision in the History of Russian Criminal Procedure // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2012. No. 2 (17). P. 60–65. (In Russ.)
2. Churilov A. Yu. Legal Office Work: textbook for Universities / 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 338 p. (In Russ.)
3. Cheltsov-Bebutov M. A. Course in Criminal Procedure Law. Essays on the History of the Court and Criminal Procedure in Slave-Ownning, Feudal, and Bourgeois States. St. Petersburg: Ravena, Alpha, 1995. 846 p. (In Russ.)
4. Foinitsky I. Ya. Course in Criminal Procedure. Volume 1. 4th ed. St. Petersburg: Printing house of the partnership “Public Benefit”, 1912. 577 p. (In Russ.)
5. Barshev Ya. I. Grounds for criminal proceedings, with application to Russian criminal proceedings. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty’s Own Chancellery, 1841. 385 p. (In Russ.)
6. Dukhovskoy M. V. Russian criminal procedure. Edition warehouse in the book warehouse of V. Klyukin. Moscow, 1910. 448 p. (In Russ.)
7. Viktorsky S. I. Russian criminal procedure. Second edition. A.A. Kartsev Publishing House. Moscow, Printing House of the Imperial Moscow University. 1912. 425 p. (In Russ.)
8. Rossinsky S. B. Formation and development of criminal justice in the first years of Soviet power // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. No. 5. P. 149–176. (In Russ.)
9. Alekseev S. S. Collected Works. In 10 volumes. Volume 3: Problems of the Theory of Law: Lecture Course. Moscow: Statut, 2010. 781 p. (In Russ.)
10. Cheltsov M. A. Criminal Procedure. M.: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1948. 624 p. (In Russ.)
11. Vyshinsky A. Ya. Course of Criminal Procedure. M.: Legal Publishing House of the People’s Commissariat of Justice of the RSFSR, 1927. 222 p. (In Russ.)
12. Course of Soviet Criminal Procedure: Basic Provisions of the Science of Soviet Criminal Procedure. Vol. I / Strogovich M. S. Moscow: Science, 1968. 468 p. (In Russ.)
13. Muratova N. G. Procedural acts of preliminary investigation bodies. Theoretical and Practical Issues. Kazan: Kazan University Publishing House, 1989. 118 p. (In Russ.)
14. Rossinsky S. B. Criminal procedural form vs. rules of criminal procedural proceedings // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 116–135. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. В. Миликова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. V. Milikova, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.983.22

ЦИФРОВАЯ ОБРАБОТКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Анна Владимировна Соколова

Академия управления МВД России, Москва, Россия
annasokolova.2000@mail.ru, ORCID: 0009-0005-3019-9545

Аннотация. Виртуализация экспертно-криминалистической деятельности (далее – ЭКД) началась около двух десятилетий назад и продолжается по сей день в виде использования перспективных цифровых технологий. Важно учитывать, что ошибки при проведении экспертных исследований, особенно идентификационных, в ходе которых устанавливается тождество криминалистически значимого объекта, недопустимы, в связи с чем главенствующая роль в цифровой обработке криминалистически значимой информации отводится соответствию технологического решения основным положениям теории криминалистической идентификации. Следует отметить, что экспертизы отличаются друг от друга не только по объектам исследования, но и по степени и характеру передачи идентификационных признаков. Так, на примере идентификационной судебно-баллистической экспертизы следует учитывать отсутствие оптимального идентификационного комплекса признаков в одном идентификационном поле, что, безусловно, отчасти затрудняет перевод процесса идентификационного исследования в электронный формат и является, в свою очередь, существенным препятствием для технико-криминалистического совершенствования ныне эксплуатируемых автоматизированных баллистических идентификационных систем (далее – АБИС). Возникает вопрос, насколько является возможной цифровая обработка криминалистически значимой информации в рамках судебно-баллистической экспертизы, учитывая основные положения теории криминалистической идентификации.

Ключевые слова: судебная экспертиза, виртуализация, судебно-баллистическая экспертиза, цифровая обработка, криминалистически значимая информация, АДИС «ПАПИЛОН», АБИС, пуля, гильза.

Для цитирования: Соколова А. В. Цифровая обработка криминалистически значимой информации на примере судебно-баллистической экспертизы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 91–101.

Original article

DIGITAL PROCESSING OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION USING THE EXAMPLE OF FORENSIC BALLISTICS

Anna V. Sokolova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
annasokolova.2000@mail.ru, orcid0009-0005-3019-9545

Abstract. Virtualization of expert-forensic activity began about two decades ago and continues to this day in the form of the use of advanced digital technologies. It is important to take into account that errors in expert studies, especially identification ones, during which the identity of a forensically significant object is established, are unacceptable, and therefore the leading role in the digital processing of forensically significant information is assigned to the compliance of the technological solution with the basic provisions of the theory of forensic identification. It should be noted that the examinations differ from each other not only in the objects of study, but also in the degree and nature of the transfer of identification features. Thus, using the example

© Соколова А. В., 2025

of identification forensic ballistic examination, it is necessary to take into account the absence of an optimal identification set of features in one identification field, which, of course, partly complicates the transfer of the identification study process to an electronic format and is, in turn, a significant obstacle to the technical and forensic improvement of currently used automated ballistic identification systems. The question arises as to how possible the digital processing of forensically significant information is within the framework of forensic ballistic examination, taking into account the basic provisions of the theory of forensic identification.

Keywords: forensic examination, virtualization, forensic ballistics examination, digital processing, forensically significant information, PAPON ADIS, ABIS, bullet, sleeve.

For citation: Sokolova A. V. Digital processing of forensically significant information using the example of forensic ballistics // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 91–101. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день все чаще понятие «виртуальный» встречается в различных сферах деятельности. «Виртуальный след», «виртуальная реальность», «виртуальная среда», «виртуальный образ», «виртуальная модель» и многие другие – все это неотъемлемая часть современного общества. Для начала рассмотрим дефиниции термина «виртуальный». В полном словаре иностранных слов термин «виртуальный» имеет значение «иначе потенциальный – могущий быть, но почему-то не существующий, возможный»¹, другой словарь определяет как «возможный, такой, который может или должен проявиться в определенных условиях»², согласно словарю синонимов – «условный, воображаемый, несуществующий, возможный, кажущийся»³. Получается, что речь идет об отсутствии материальной основы так называемого бытия, отсутствии в реальности. Однако должное внимание следует уделить и тому, что при использовании данного термина в сфере информационных технологий речь идет о вполне реально существующих сервисах, например, многим известно «облако» (виртуальное хранилище), которое содержит в себе определенные файлы. В сфе-

ре информационных технологий существует еще один родственный рассматриваемому понятию термин «виртуализация». Согласно справочнику технического переводчика виртуализация – это «действие по объединению нескольких устройств, служб или функций внутренней составляющей инфраструктуры с дополнительной внешней функциональностью, обеспечивающее целесообразное абстрагирование от внутреннего устройства»⁴.

В одной из своих работ В. М. Гордиевских охарактеризовал понятие «виртуализированный» как «ресурс, доступ к которому осуществляется через мнимые (виртуальные) сущности, но реально существующий», а виртуализацию в целом понимал как «создание виртуальной (а не фактической) версии чего-либо, например, операционной системы, сервера, устройства хранения данных или сетевых ресурсов» [1, с. 126]. В данном случае автор статьи придерживается толкования рассматриваемого нами понятия в вышеприведенном контексте, так как оно отражает его сущность, выражающуюся в отсутствии материальной формы существования анализируемого изображения на определенном этапе его преобразования. Как выяснилось, на сегодняшний день не

¹ Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1782638?page=86&rotate=0&theme=white (дата обращения: 04.04.2025).

² Словарь иностранных слов. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/37962/ВИРТУАЛЬНЫЙ (дата обращения: 04.04.2025).

³ Словарь синонимов. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/17865/виртуальный (дата обращения: 04.04.2025).

⁴ Словарь технического переводчика. URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/23779/виртуализация (дата обращения: 04.04.2025).

только само понятие «виртуальный», но и сам процесс виртуализации весьма распространены. Тем не менее возникают вопросы: «Возможна ли виртуализация судебной экспертизы? Каким образом криминалистически значимая информация проходит цифровую обработку?».

Методы

Методологическую основу рассмотрения проблемы цифровой обработки криминалистически значимой информации составили общенаучные (описание, сравнение), формально-логические (анализ, синтез) методы, контент-анализ, позволившие проанализировать и структурировать материал, а также сформулировать выводы.

Результаты

Судебная экспертиза является одним из основных направлений экспертно-криминалистической деятельности. Используя инструментальные методы исследования, судебная экспертиза работает с различными изображениями объектов материального мира, в том числе трансформированными в виртуальный вид. В свою очередь доступ к такому преобразованию может быть осуществлен через цифровую обработку и виртуальную среду, в которой представлена цифровая копия криминалистически значимого объекта.

Необходимо отметить, что «современные программные средства и автоматизированные системы неотделимы от судебно-экономических, компьютерно-технических, инженерно-технических и многих других экспертиз, проводимых в ходе расследования преступлений в информационной сфере в целях повышения эффективности работы судебного эксперта и достоверности полученных им результатов» [2, с. 1]. В связи с этим можно давать положительный ответ на приведенный выше вопрос о том, имеет ли место виртуализация судебно-экспертной деятельности в виде цифровой обработки криминалистически значимой информации. Приведем несколько примеров из судебно-экспертной деятельности.

Ряд преступлений уже не первый год совершается в информационной среде либо

при помощи информационно-телекоммуникационных технологий. В связи с этим исследование криминалистически значимой информации на данных носителях необходимо проводить иным образом. Так, в ходе судебной компьютерно-технической экспертизы используются такие программы, как «Мобильный криминалист», Belkasoft Evidence Center, DMDE, а также Encase, Autopsy, NirSoft (все утилиты), PC-3000 (все комплексы), Elcomsoft, Passware и другие.

Программное обеспечение Belkasoft Evidence Center помогает изучать мобильные устройства, выполнять поиск, решать аналитические задачи, составлять отчеты. Autopsy представляет собой программу с открытым исходным кодом, которая используется для различных криминалистических действий с жестким диском и смартфонами. Программа необходима для установления следов, а также восстановления удаленной информации. DMDE предназначена для восстановления данных и работы с носителями информации (например, восстановление удаленных файлов, работа с поврежденными разделами и иное). Программно-аппаратный комплекс «Мобильный эксперт» позволяет извлекать, сохранять и анализировать информацию из мобильных устройств, облачных сервисов, дронов и персональных компьютеров.

В некоторых экспертно-криминалистических подразделениях при производстве габитоскопической (портретной) экспертизы используется программное средство GIMP. Данное программное обеспечение представляет собой несложный в использовании редактор изображений, в котором можно одновременно обрабатывать группу изображений. Помимо этого, оно обладает рядом функций и инструментов, необходимых при проведении судебной портретной экспертизы, а также данная программа создана для разных платформ, в том числе Linux, что особо актуально в условиях импортозамещения и перехода государственных структур на отечественную систему от компании ГК Astra Linux (ООО «РусБИТех-Астра»), внедряющуюся все активнее с каждым днем [3, с. 234].

Наиболее ярким примером может послужить автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система (далее – АДИС) «ПАПИЛОН». Данный комплекс предназначен для ведения дактилоскопических учетов, сравнения изъятых следов рук с теми, которые уже содержатся в массиве дактилоскопического учета. На сегодняшний день криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования большинства преступлений не обходится без наиболее распространенного технико-криминалистического метода – метода дактилоскопии.

Целевое назначение учета следов рук согласно Приказу МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»¹ заключается в установлении лиц, оставивших следы рук на месте происшествия, фактов оставления следов рук одним и тем же лицом при совершении нескольких преступлений.

Благодаря АДИС сразу решается несколько важных задач:

1) сокращение затрачиваемых времени и труда при расследовании и раскрытии преступлений, так как в настоящий момент при идентификации лица не требуются все 10 отпечатков пальцев;

2) выявление серийности преступлений по следам рук, изъятых с места происшествия;

3) установление личности лиц, оставивших следы рук на месте происшествия;

4) установление личности неопознанных трупов и лиц, которые в силу возраста либо состояния здоровья не могут сообщить о себе сведений или дают ложную информацию о своих установочных данных;

5) улучшение качества дактилоскопической информации («живой сканер» имеет эластичную поверхность (покрытие) и инфракрасную подсветку, благодаря чему получаются дактокарты высокого качества).

«АДИС «Папилон» является единственной отечественной компьютерной системой в мире, которая обеспечивает гарантированные характеристики на любом массиве» [4, с. 279]. Развитие цифровых технологий в дактилоскопии не стоит на месте. По мнению Е. В. Дудниковой, новые технологии позволят «проводить идентификации части следов, которые ранее признавались непригодными для поиска в АДИС, что значительно расширяет возможности раскрытия текущих преступлений и преступления прошлых лет» [5, с. 148]. При этом следует отметить, что идентификационное поле² ограничивается лишь теми участками ладоней рук, которые отображаются при обычном дактилоскопировании. Данное обстоятельство необходимо учитывать при организации дактилоскопического поиска, эффективность которого во многом зависит от информационных возможностей других видов криминалистического учета.

Трасология также имеет опыт цифровой обработки криминалистически значимой информации. В качестве подтверждения можно привести проведенную по инициативе ЭКЦ МВД России научно-исследовательскую работу «Исследование возможностей автоматизации ведения и использования в раскрытии и расследовании преступлений трасологических экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» Шифр «Трасса (Верблюды)». Помимо этого, «АО «РАМЭК» защитило научно-исследовательскую работу

¹ Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 (ред. от 11.09.2018). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Идентификационное поле – определенная система свойств вещи, являющаяся непосредственным объектом идентификации (А. А. Эйсман). Один из элементов терминологического аппарата теории криминалистической идентификации, основателем которой является С. М. Потапов.

«Серия», нацеленную на создание рабочего комплекса по цифровой обработке трасологических объектов, основными задачами которого являются объективное подтверждение факта серийности преступлений и установление тождества слеодообразующего объекта по его следам» [6].

Стоит отметить и зарубежные наработки. Например, в Японии в рамках развития робототехники, используемой в судебно-экспертной деятельности, был разработан робот-микроскоп, благодаря которому возможно держать фокус на движущемся микрообъекте, что, безусловно, особенно важно при проведении судебной биологической экспертизы.

Геномная экспертиза (ДНК-экспертиза) в том числе имеет определенные наработки. Суть экспертизы заключается в установлении лиц, оставивших биологические следы на месте происшествия, фактов оставления одним и тем же лицом биологических следов при совершении нескольких преступлений, установлении личности неопознанных трупов. В качестве решения ряда проблем, возникающих в ходе проведения экспертизы, может выступать применение таких программных обеспечений, как ALIGN, AMAS, BLAST, HMMER, MAP и др. «Каждая из названных программ на основе специального программного обеспечения позволяет установить последовательность расположения аминокислот, нуклеотидов, определить их группу, семейство и т. п.» [7, с. 150].

Следует упомянуть и об ольфакторной судебной экспертизе запаховых следов. Казалось бы, причем тут данная экспертиза, когда виртуализация ассоциируется с использованием какой-то программы или технического устройства. Однако это не всегда так. Стоит отметить, что средством обработки криминалистически значимой информации может выступать не только компьютер, программное обеспечение и пр., но и биодетектор. Например, биодетектор (служебно-розыскная собака) мы наблюдаем при проведении ольфакторной экспертизы запаховых следов. Рассматриваемый вид экспертизы не нов. Первопроходцем

ольфакторного метода является профессор А. И. Винберг. Такие именитые профессора, как Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская, писали, что «судебная ольфакторная экспертиза запаховых следов, относящаяся к классу судебно-биологических экспертиз, производится в стационарных условиях путем сопоставления ольфакторных образцов с изъятых на месте происшествия запахоносителей и представленных для сравнения ольфакторных образцов, полученных от проверяемых по расследуемому делу лиц. Для этого используются специально подготовленные лабораторные собаки и наборы внешне однообразных ольфакторных объектов, позволяющие по реакциям биодетекторов выявить в исследуемых запаховых пробах тот или иной признак (индивидуализирующий запах, запах биологического вида и т. д.)» [8, с. 372]. Так, например, человеческая кровь содержит пахучие вещества, которые «принадлежат» конкретному человеку, совокупность их неповторима и при ольфакторном восприятии выступает в качестве биологического «паспорта» человека. Проведение данной экспертизы весьма подробно описано в одной из работ В. И. Старовойтова [9, с. 375]. В данном случае информацию, содержащуюся в том или ином запахе, в виде запахового следа воспринимает собака, и обрабатывает это ее (собаки) центральная нервная система, после чего выдается результат в виде так называемого сигнального поведения животного. В качестве другого примера можно привести определение местонахождения героина в виде «стойки» служебно-розыскной собаки при проведении обыска. Данный пример нам также иллюстрирует отсутствие компьютера, необходимого для обработки информации. Процесс виртуализации в этом случае производится нейросетью центральной нервной системы животного, а не компьютера, как в случае с аналогичной обработкой в системе идентификационных экспертиз и криминалистических учетов. По мнению Е. Р. Россинской, «положенную в основу ольфакторной экспертизы экспертную методи-

ку идентификации запаховых следов человека, разработанную В. И. Старовойтовым и К. Т. Сулимовым, положительно оценили авторитетные представители биологической науки» [10, с. 454]. Директор Института Эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова академик РАН В. Е. Соколова отмечала, что «принципы, заложенные в рассмотренной методике, отвечают требованиям исследовательской техники в современной науке. Методика оказалась пригодной, в частности, и для изучения зоологических объектов, что подтверждают результаты экспериментов, проведенных на материале, собранном в пригодных условиях» [11, с. 74]. Доктор биологических наук В. В. Шульговский говорил, что «методика криминалистической идентификации запахов с помощью лабораторных собак-биодетекторов представляет собой завершённую систему рациональных приемов биосенсорного анализа индивидуальных запаховых меток в следах человека. Вполне соответствуя уровню развития современной науки о высшей нервной деятельности и поведении животных и физиологии обоняния, такой анализ не оставляет сомнений в теоретической обоснованности, надежности и достоверности получаемых с его помощью результатов» [11, с. 78].

Безусловно, приведенный перечень экспертиз не является исчерпывающим. Отдельного внимания заслуживает идентификационная судебно-баллистическая экспертиза.

Проблемами идентификационной судебно-баллистической экспертизы и способами их решения занимались и занимаются такие ученые и практические работники, как С. В. Дружинин, В. В. Филиппов, Д. И. Немчин, А. В. Кузнецов, В. Ю. Владимиров, А. И. Хмыз, И. В. Латышов, И. А. Данилов и другие. Так, например, одним из аспектов совершенствования проведения судебно-баллистической экспертизы В. В. Филиппов отмечал создание копий пуль/гильз, Д. И. Немчин – применение компьютерных технологий, а цель диссертационного исследования А. В. Кузнецова заключалась

в «обосновании путей повышения эффективности криминалистических пулегильзотек, касающихся применения современных средств и методов передачи изображений следов на стреляных гильзах и пулях в базы данных баллистических автоматизированных идентификационных систем с использованием компьютерных технологий и коммуникационных каналов связи, а также обосновании рекомендаций по формированию и проверке массива пуль и гильз, стреляных при различных условиях» [12, с. 6]. На сегодняшний день наиболее значимой проблемой, отмечаемой в ряде работ профессором В. Ю. Владимировым, является проблема функционирования единой федеральной пулегильзотеки. Почему решение вышеуказанной проблемы действительно важно?

Это обуславливается тем, что появится возможность синхронного судебно-экспертного исследования любого объекта идентификационной судебно-баллистической экспертизы на всей территории России, при этом будет обеспечиваться полнота, всесторонность и объективность исследования. Если на сегодняшний день для постановки объекта на учет необходимо направить его в ЭКЦ МВД России, то благодаря единому федеральному учету в электронном формате, транспортировки можно избежать, как и пропуск цели. В качестве инструмента для решения обозначенной проблемы вполне возможно использовать опыт цифровизации судебно-экспертной деятельности, играющей решающую роль в целях оптимизации ряда действий, выполняемых в ходе проведения судебно-баллистической экспертизы, путем их автоматизации, в частности оцифровки объектов судебно-баллистической экспертизы, создания единой базы данных по объектам судебно-баллистической идентификационной экспертизы и государственного стандарта в целях метрологической аттестации объектов учета. Виртуализация идентификационной судебно-баллистической экспертизы возможна благодаря автоматизированной баллистической идентификационной системе и программным

обеспечениям путем их применения по аналогии с АДИС и рассмотренными выше экспертизами.

Стоит также отметить, что история развития отечественной идентификационной судебно-баллистической экспертизы уже имеет опыт применения цифровых технологий. Изначально существовали зарубежные продукты. Так, в 90-е годы XX века ЭКЦ МВД России была закуплена система IBIS – Integrated Ballistics Identification System, в переводе – интегрированная баллистическая идентификационная система (Канада). В этот же период была поставлена задача – создание отечественной версии. Разработкой отечественного оборудования занялись Государственный оптический институт имени Вавилова (г. Санкт-Петербург) и аналогичный институт, расположенный в городе Миасс Челябинской области. Однако отсутствие финансирования приостановило разработку отечественного оборудования, но развитие цифровизации в рамках создания отечественной АБИС не прекратилось. Напротив, в Санкт-Петербурге инициативной группой инвесторов совместно с техническими разработчиками и специалистами было принято решение о продолжении данного рода деятельности. Так, в 1997 году было зарегистрировано предприятие ЗАО «Лазерные диагностические инструменты-Русприбор» (ЛДИ-РУСПРИБОР), расположенное в Санкт-Петербурге. «К концу 90-х гг., когда отечественный военнаучпром уже медленно умирал, совместно с группой специалистов в области точной механики и оптики ЛДИ «Русприбор» на базе экспертно-криминалистического управления ГУВД СПб и ЛО была сделана опытная разработка, ранее начатая в ГОИ имени С. И. Вавилова, по

созданию автоматизированной баллистической идентификационной системы (далее – АБИС) «ТАИС»» [13, с. 345]. К наиболее ярким отличиям между канадской и отечественной системами можно отнести следующее: отсутствие комбинированного сканера для пуль и гильз у канадской модели; максимальный калибр пуль, доступных для сканирования, у IBIS составлял 12,7 мм, в то время как АБИС «ТАИС» обеспечивала 14,5 мм; максимальный диаметр донного среза гильз, доступных для сканирования, у отечественной системы был больше и др.

АБИС «ТАИС» прошла испытания и была рекомендована в качестве системы, предназначенной для автоматизированной идентификации оружия по стреляным пулям и гильзам и ведения автоматизированного учета пуль и гильз, изъятых с мест происшествий и экспериментально стрелянных из изъятых, найденного, добровольно сданного нарезного стрелкового огнестрельного оружия, также были разработаны методические рекомендации¹, одобренные методическим советом по вопросам судебно-экспертной деятельности при Прокуратуре Санкт-Петербурга. На период с 2002 по 2013 год «АБИС «ТАИС» была введена в ЭКЦ МВД России, ЭКУ ФСКН России, 43 региональных экспертно-криминалистических центрах МВД России, а также ЭКП МВД и Полиции ряда зарубежных стран, таких как: Беларусь, Украина, Армения, Абхазия, Киргизия, Литва, Латвия, Эстония» [14, с. 15]. В результате активного использования данной системы к тому времени образовалась база данных по стрелковому огнестрельному оружию и преступлениям, совершенным с его применением, объемом более двухсот тысяч информационных карт и электронных ко-

¹ Владимиров В. Ю., Бородин В. Н. Отожествление огнестрельного оружия с использованием идентификационно-поисковой баллистической системы «ТАИС» по следам на выстрелянных пулях: методические рекомендации / под ред. В. П. Сальникова, В. Г. Петухова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 120 с.; Владимиров В. Ю., Бородин В. Н. Отожествление огнестрельного оружия с использованием идентификационно-поисковой баллистической системы «ТАИС» по следам на стреляных гильзах: методические рекомендации / под ред. В. П. Сальникова, В. Г. Петухова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 88 с.

пий пуль и гильз, что, безусловно, способствовало раскрытию большего количества преступлений. АБИС «ТАИС» занимала второе место на мировой арене, уступая лишь впервые созданной канадской. Также стоит отметить, что АБИС «ТАИС» не являлась единственной системой. Как вариация была создана автоматизированная баллистическая система «ПОИСК», которая со временем использовалась в целях замены АБИС «ТАИС». Помимо этого, в тот период существовала и АБИС «АРСЕНАЛ». Перейдем к рассмотрению некоторых технических характеристик. АБИС «АРСЕНАЛ», «ТАИС», «ПОИСК», в отличие от канадской системы IBIS, имели комбинированный сканер для пуль и гильз. В АБИС «АРСЕНАЛ», в одной из всех, не использовался кадровый метод сканирования (метод микросканирования), а был применен строчный (линейный). Помимо этого, стоит отметить отсутствие возможности записи фрагмента пули и гильзы в целом, а также автоматического фокусирования в процессе записи пули/гильзы. Отдельного внимания заслуживает элемент многозадачности. Возможность одновременной работы с пулями и гильзами на одном рабочем месте есть у всех представленных выше продуктов, за исключением IBIS. Наличие же автоматизированной подсистемы (программного обеспечения) учета документооборота экспертиз и исследований, а также автоматическое формирование стандартных бланков и форм отчетов и заключений предусмотрено лишь у АБИС «ТАИС», иные либо не предусматривают вовсе, либо что-то одно. Таким образом, по ряду характеристик мы видим ряд отличий между системами. Со временем АБИС «ТАИС» была заменена на другие автоматизированные баллистические идентификационные системы, что однако не привело к каким-либо позитивным изменениям при производстве судебно-баллистической экспертизы и ведении соответствующих учетов. Напротив, по мнению А. В. Кузнецова множественность инструментального парка явно не способствовала созданию единого информацион-

но-технологического пространства [15]. Необходимо отметить, что в настоящее время инициативно разрабатывается новая версия АБИС в целях усовершенствования автоматизированного рабочего места судебного эксперта – баллиста. Ее предполагаемые тактико-технические данные (далее – ТТД) выглядят следующим образом (далее будут рассматривать лишь отличающиеся от других АБИС критерии). Сканер «Пуля» должен обеспечивать получение развертки выстрелянных пуль калибром от 4,0 до 14,5 мм (в прошлой версии она составляла от 4,5 до 14,5 мм). Сканер «Гильза» в соответствии с отдельными модификациями, влияющими на ограничение габаритных размеров корпуса сканера, должен обеспечивать получение изображения донного среза гильзы в диапазоне его диаметров донного среза от 5,0 до 22,0 мм (было от 5,0 до 20,0 мм), поле сканирования в плоскости дна гильзы должно составлять соответственно 22*22 мм (было 20*20 мм). Есть изменения и в общих характеристиках. Так, количество электроэнергии, потребляемой телекамерами, в настоящее время в 2 раза меньше, чем было ранее, а общие габариты стали немного больше в связи с увеличением сканеров, размеры которых поменялись от учитываемого калибра объекта согласно Приказу МВД России от 30 декабря 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации».

Все вышеприведенное наталкивает на мысль о том, что цифровая обработка криминалистически значимой информации в судебно-баллистической экспертизе возможна при помощи подобных АБИС новой версии. Устройства ввода изображений пуль и гильз обеспечивают цифровую обработку криминалистически значимой информации, далее при исследовании объектов возможно операционное изменение пространственной ориентации объекта, масштаба изображения без потери качества, чтобы не упустить необходимые для экспертизы детали. При получении видеоизображения и записи по-

верхности пуля, в том числе деформированных, а также при получении видеоизображения и записи изображения донного среза гильз и боковой поверхности гильз устройство обеспечивает:

1) ручную и автоматическую фокусировку, а также режим расширенной автоматической фокусировки для записи деформированных объектов (средства фокусировки обеспечивают получение четких изображений объектов судебно-баллистической экспертизы (пуля, гильза));

2) выбор типа, направления и интенсивности освещения в соответствии со сканируемым объектом;

3) режим автоматического нормирования видеосигнала при получении видеоизображений (автоматического оптимизирования степени интенсивности освещения при получении видеоизображений);

4) получение информации для построения трехмерных моделей сканируемых объектов и следов на них при формировании плоскостных изображений поверхностей объектов.

Безусловно, на сегодняшний день решены не все технологические задачи. Так, в ходе презентации проекта оборудования было обнаружено, что один участок гильзы (исследуемого объекта) не освещается должным образом, над чем идет соответствующая работа АО «РАМЭК-ВС». Важно отметить особенность исследуемого объекта, заключающуюся в существенном отличии от объектов трасологии (следы обуви, рук). А именно отличие в том, что в объектах трасологии (следы обуви, рук) весь комплекс общих (групповых) и частных (индивидуальных) признаков находится преимущественно в одном идентификационном поле, что значительно упрощает процесс сравнительного исследования и подготовку иллюстративного материала. При исследовании же пули/гильзы ситуация иная. В ходе судебно-баллистического исследования единого идентификационного поля не наблюдается, оно как бы «размыто» как минимум по четырем функционально обусловленным площадям и требует иного многомерно про-

странственного подхода. В связи с расположением идентификационных признаков не в одном идентификационном поле необходимо создание в процессе виртуализации условно «тождественной» копии объекта, отвечающей требованиям теории криминалистической идентификации, которым необходимо придать вид метрологических характеристик, что и является сложностью. Существующие системы фиксации общих и частных, групповых и индивидуальных признаков, которые отображаются в виде своеобразного строения микрорельефа, не позволяют воспринимать и, соответственно, анализировать всю совокупность криминалистически значимой информации в одном идентификационном поле, что и является основной задачей проводимых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, итогом которых должна быть разработка инструментального обеспечения, позволяющего воспроизводить твердотельную цифровую копию объекта.

Заключение

Подводя итог, ответим на ранее поставленный вопрос. Виртуализация в рамках судебной экспертизы существует, а процедура цифровой обработки криминалистически значимой информации отчасти схожа. Доказательством служит имеющийся опыт компьютерно-технической, геномной, трасологической, габитоскопической и дактилоскопической экспертиз. Судебно-баллистическая экспертиза не является исключением, напротив, она имеет историю применения цифровых технологий не одного десятка лет. Однако ввиду особенностей исследуемых объектов цифровая обработка криминалистически значимой информации имеет несколько другой алгоритм. Тем не менее на сегодняшний день ведется активная разработка АБИС нового поколения и ее тестирование совместно с экспертами-баллистами, что, безусловно, разрешит ряд насущных проблем, а также обеспечит существенную модификацию федеральной системы учета и идентификации объектов судебно-баллистической экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гордиевских В. М. Сущность, структура и классификация современных технологий виртуализации // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 1 (25). С. 124–132.
2. Фролова Т. О. Применение программных средств и автоматизированных систем при исследовании объектов различных родов/видов судебной экспертизы: перспективы их развития // Политехнический молодежный журнал. 2023. № 5 (82). С. 1–10.
3. Устюжанина Д. В., Дмитриева Л. В. Использование отечественной программы GIMP на базе программного обеспечения linux при производстве портретных экспертиз // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2022». Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 230–234.
4. Шимкин В. Н. Применение автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем (адис) при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы современной науки: состояние, тенденции развития: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Черкесск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказская государственная академия», 2022. С. 277–280.
5. Дудникова Е. В. Перспективы развития дактилоскопических систем с применением искусственного интеллекта // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 145–149.
6. Владимиров В. Ю., Данилов И. А., Ильин Н. Н. Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 139–150.
7. Шарипов Х. Х. Использование информационных технологий при проведении геномной экспертизы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №10-4. С. 148–151.
8. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов / под. ред. Р. С. Белкина. 2-е изд. М., 2004, 992 с.
9. Старовойтов В. И. Идентификационная пригодность следов пахнущих веществ крови человека // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 375–386.
10. Россинская Е. Р. Избранное. Москва: Норма, 2019. 680 с.
11. Методические и процессуальные аспекты криминалистической одорологии. М., 1992. 85 с.
12. Кузнецов А. В. Обоснование рациональных методов и средств формирования, накопления, обмена и проверки информации по пулегильзотекам при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2008. 33 с.
13. Владимиров В. Ю. Кооперация или коррупция. За гранью разума?! // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Часть 1. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 342–349.
14. Владимиров В. Ю. Цифровизация судебно-баллистической информации. Фантом или реальность? // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2019» / сост. И. Н. Горбулинская. Москва: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2020. С. 14–17.
15. Кузнецов А. В. Обоснование рациональных методов и средств формирования, накопления, обмена и проверки информации по пулегильзотекам при раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2008. 185 с.

REFERENCES

1. Gordiyevskikh V. M. The essence, structure and classification of modern virtualization technologies // Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical Institute. 2015. No. 1 (25). P. 124–132. (In Russ.)

2. Frolova T. O. Application of software and automated systems in the study of objects of various types/kinds of forensic examination: prospects for their development // Polytechnic youth magazine. 2023. No. 5 (82). P. 1–10. (In Russ.)
3. Ustyuzhanina D. V., Dmitrieva L. V. Using the domestic GIMP program based on Linux software in the production of portrait examinations // Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference, held as part of the business program of the International Exhibition of Means of Ensuring National Security “Interpolitex-2022”. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 230–234. (In Russ.)
4. Shimkin V. N. Application of automated fingerprint identification systems (ADIS) in solving and investigating crimes // Actual problems of modern science: state, development trends: collection of materials of the V All-Russian scientific and practical conference. Cherkessk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “North Caucasian State Academy”, 2022. P. 277–280. (In Russ.)
5. Dudnikova E. V. Prospects for the development of fingerprint systems using artificial intelligence // Forensic science without borders: traditions and innovations: materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 145–149. (In Russ.)
6. Vladimirov V. Yu., Danilov I. A., Ilyin N. N. Artificial intelligence in the fight against serial crimes. Scientific development into practice // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (72). P. 139–150. (In Russ.)
7. Sharipov H. H. Use of information technologies in conducting genomic examination // International journal of humanitarian and natural sciences. 2020. No. 10-4. P. 148–151. (In Russ.)
8. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Forensic science: a textbook for universities / ed. R. S. Belkin. 2nd ed. M., 2004, 992 p. (In Russ.)
9. Starovoytov V. I. Identification suitability of traces of odorous substances in human blood // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. No. 4-2. P. 375–386. (In Russ.)
10. Rossinskaya E. R. Selected. Moscow: Norma, 2019. 680 p. (In Russ.)
11. Methodological and procedural aspects of forensic odorology. Moscow, 1992. 85 p. (In Russ.)
12. Kuznetsov A. V. Justification of rational methods and means of forming, accumulating, exchanging and verifying information on bullet-proof vestibules in solving and investigating crimes: author’s abstract. dis. ... Cand. of Law. Khabarovsk, 2008. 33 p. (In Russ.)
13. Vladimirov V. Yu. Cooperation or corruption. Beyond reason?! // State scientific and technical policy in the field of forensic support of law enforcement activities: a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference. Part 1. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 342–349. (In Russ.)
14. Vladimirov V. Yu. Digitalization of forensic ballistic information. Phantom or reality? // Technical and forensic support for solving and investigating crimes: a collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference held within the framework of the business program of the International Exhibition “Interpolitex-2019” / compiled by I. N. Gorbulinskaya. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2020. P. 14–17. (In Russ.)
15. Kuznetsov A. V. Justification of rational methods and means of formation, accumulation, exchange and verification of information on bullet-proof vestiges in the detection and investigation of crimes: dis. ... Cand. of Law. Khabarovsk, 2008. 185 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

A. B. Соколова, адъюнкт.

Information about the author:

A. V. Sokolova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.85:[343.72:004]

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРУГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Константин Борисович Толкачев

Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан
Уфа, Россия, gskrb@bashkortostan.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию состояния законодательства в сфере противодействия киберугрозам различного характера – от интернет-мошенничества до кибервойны. Дается обзор киберрисков в современном обществе за последние несколько лет, анализируется эффективность как уже принятых, так и только еще разрабатываемых законодательных решений в сфере цифровых взаимоотношений и борьбы с киберугрозами. На основе анализа правоприменения соответствующих федеральных законов автором выработаны собственные предложения по дальнейшему совершенствованию соответствующей области права, а также сделан вывод о необходимости и неизбежности разработки и принятия в обозримом будущем Цифрового (Информационного) кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, киберугрозы, киберпреступность, кибермошенничество, кибервойна, интернет-мошенничество, цифровое право, информационное право, цифровой кодекс, информационный кодекс, инфокодекс, информация, IT, финансы, цифровая трансформация.

Для цитирования: Толкачев К. Б. Совершенствование законодательства в сфере противодействия киберугрозам национальной безопасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 102–115.

Original article

IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF COUNTERING CYBER THREATS TO NATIONAL SECURITY

Konstantin B. Tolkachev

The State Assembly – the Kurultay of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russia, gskrb@bashkortostan.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the state of legislation in the field of countering cyber threats of various types – from Internet fraud to cyber warfare. An overview of cyber risks in modern society over the past few years is given, and the effectiveness of both already adopted and newly developed legislative decisions in the field of digital relationships and combating cyber threats is analyzed. Based on the analysis of the enforcement of relevant federal laws, the author has developed his own proposals for further improvement of the relevant area of law, and concluded that it is necessary and inevitable to develop and adopt a Digital (Information) Code of the Russian Federation in the foreseeable future.

Keywords: national security, cyber threats, cybercrime, cyber fraud, cyberwar, internet fraud, digital law, information law, digital code, information code, infocodex, information, IT, finance, digital transformation.

For citation: Tolkachev K. B. Improving legislation in the field of countering cyber threats to national security // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 102–115. (In Russ.)

© Толкачев К. Б., 2025

Введение

Проблема киберугроз и тех рисков, которые они несут с собой для национальной безопасности, с каждым годом обретает все большую популярность в реалиях современной цифровой эпохи.

По данным МВД России за последние пять лет число правонарушений в цифровой среде выросло более чем в два раза. Сегодня их доля в общем массиве всех преступлений составляет около 40 %, а среди тяжких и особо тяжких преступлений этот показатель достигает 60 %¹. За 2023 год ущерб от кибермошенничеств превысил 156 миллиардов рублей, а по итогам 2024 года озвучена уже сумма в 200 миллиардов рублей. При этом надо понимать, что даже такие внушительные показатели не отражают в действительности всей полноты проблемы и того колоссального материального урона, который наносят действия киберпреступников частным лицам, хозяйствующим субъектам и национальной экономике в целом. Это лишь верхушка айсберга, поскольку огромное количество киберпреступлений, особенно совершенных против граждан, остается неучтенным и не фигурирует в официальной статистике. При этом и сами по себе официальные данные зачастую оказываются довольно противоречивы, что также сигнализирует о фактически более значимом ущербе от действий мошенников. Так, если по данным МВД России в 2024 году ущерб от киберпреступлений составил обозначенные выше 200 миллиардов рублей, то по данным Сбербанка только с помощью телефонного мошенничества преступники похитили со счетов россиян в 2024 году не менее 295 миллиардов рублей². Также большую тревогу вызывает такая негативная тенденция, как ежегодно снижающийся уровень раскрываемости киберпреступлений на фоне взрывного ро-

ста их количества – в 2024 году раскрываемость составила всего 23 %³.

С учетом того, что киберпреступления достаточно разноплановы по своему характеру, угрозу национальной безопасности, которую они несут, следует также понимать достаточно широко. Речь в данном случае не только о безопасности функционирования военных объектов, предприятий оборонно-промышленного комплекса и в целом стратегически важных производств. С учетом надежной защиты их баз данных и постоянной готовности к кибератакам в данном направлении обозначенная проблема здесь хоть и не сходит с повестки, но носит частный характер, атаки единичны, а удачное их число и вовсе сведено к минимуму. Поэтому угрозу национальной безопасности со стороны кибермошенников следует понимать и как угрозу безопасности функционирования всех цифровых ресурсов органов государственной власти разного уровня, органов местного самоуправления, где уровень защиты уже существенно ниже, риски выше, атаки чаще, а также как угрозу цифровой безопасности каждого отдельно взятого гражданина страны, связанные с ней не только риски финансовых потерь, но и в первую очередь возможную опасность для жизни и здоровья. Именно последняя категория потенциальных жертв наиболее уязвима, и именно по ней наносят основной удар кибермошенники.

Результаты исследования

Наиболее прогрессирующим видом киберпреступлений (более 90 % от общего количества) в настоящее время является телефонное мошенничество. Это наиболее распространенный способ хищения денежных средств у граждан. Другая тревожная тенденция – рост утечек персональных данных. По информации Роскомнадзора, в 2022 году в России произошло 150 крупных уте-

¹ Ущерб от IT-преступлений в России превысил 116 миллиардов рублей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240925/it-1974584213.html> (дата обращения: 14.03.2025).

² Ущерб от киберпреступлений в 2024 году составил порядка 200 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552645> (дата обращения: 14.03.2025).

³ Там же.

чек, в 2023 году – 168. В итоге в открытый доступ попало более 510 миллионов записей о гражданах России. Это мощное оружие в руках преступников. По чужим персональным данным оформляются кредиты, осуществляется рассылка жертвам телефонных мошенничеств поддельных квитанций на оплату услуг ЖКХ, штрафов от госорганов и т. п.

По оценкам Сбербанка, в открытом доступе находятся персональные данные уже около 90 % взрослого населения страны¹. В 2024 году службой безопасности Сбербанка зафиксировано рекордное количество звонков от мошенников. В пиковые моменты их число доходило до 20 миллионов в сутки. Общий ущерб отечественной экономике от таких действий преступников по итогам 2024 года оценивается в один триллион рублей.

С каждым днем действия киберпреступников становятся все более изощренными, злоумышленники активно используют методы социальной инженерии (мошеннические действия совершаются от имени сотрудников правоохранительных органов или банков, с помощью фиктивных аккаунтов в социальных сетях либо фиктивных мобильных приложений финансовых организаций, в телефонных разговорах осуществляются манипуляции персональными данными жертвы). Так, осенью 2024 года в Республике Башкортостан было зафиксировано резкое увеличение количества звонков от мошенников, представляющих сотрудниками энергосбытовой компании. С помощью настойчивых предложений об оформлении заявок на замену электросчетчиков преступники пытались получить доступ к аккаунтам граждан на портале «Госуслуги». Аналогичных примеров немало и в других регионах.

Одна из наиболее уязвимых перед киберпреступниками категорий граждан – это

пенсионеры. По данным, озвученным на заседании коллегии МВД России Президентом России В. В. Путиным, доля пожилых граждан в общем числе пострадавших составляет не менее 25 %². Представители старшего поколения в силу своей доверчивости, невысокого уровня цифровой и правовой грамотности, как правило, наиболее легко поддаются психологическому и технологическому воздействию мошенников. При этом суммы финансовых потерь зачастую оказываются достаточно крупными. Так, в Архангельской области пенсионерка потеряла 3,5 миллиона рублей, просто ответив мошенникам по телефону, а 72-летний житель Омска перевел мошенникам 8 миллионов рублей.

Успешные удары киберпреступники наносят не только по пенсионерам. Современные технологии позволяют воспроизводить документы и подписи, голос и видео любого человека. В итоге можно наблюдать, как жертвами мошенников регулярно становятся звезды эстрады, депутаты разного уровня, руководители государственных органов и другие категории граждан, которые на первый взгляд в силу своей правовой и технологической грамотности не должны попадаться на подобные провокации.

В последние годы одна из наиболее часто попадающих под удары киберпреступников категорий граждан – это участники СВО и их родственники. Выбор преступниками соответствующих жертв обусловлен, во-первых, существенными в случае удавшегося мошенничества перспективами финансового обогащения с учетом высокой социальной защищенности данных категорий граждан, в том числе достаточно крупных выплат им в ряде случаев, во-вторых, идейными соображениями нанести болезненный удар в наиболее уязвимое место, попытавшись тем самым дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране. Манипуляции в отношении родственников

¹ Сбербанк: в открытый доступ попали персональные данные 90 % россиян // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7283274> (дата обращения: 14.03.2025).

² Ущерб от киберпреступлений в 2024 году составил порядка 200 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552645> (дата обращения: 14.03.2025).

участников СВО осуществляются, как правило, с помощью телефонных звонков либо через мессенджеры – мошенники от имени руководства воинской части или госпиталя сообщают, что военнослужащий ранен и срочно нужны деньги на лечение. Либо информируют о гибели и необходимости перевода денег для транспортировки тела на родину. Третий распространенный вариант – сообщение о том, что военнослужащий попал в плен, и требование выкупа. Преступных схем много, они постоянно совершенствуются.

С учетом того, что большинство киберпреступников находятся на территории недружественных государств и фактически не просто осуществляют мошеннические действия, а ведут полномасштабную кибервойну против России в целом, и их цель не только похитить денежные средства россиян, но и посеять панику, нанести ущерб здоровью и жизням людей, следующим видом киберпреступлений, уже не таким «безобидным», как простой отъем денег у населения, является вовлечение граждан в противоправную деятельность. Чаще всего при этом используются шантаж и запугивание, в том числе угроза расправы над родственниками жертвы. Зачастую мошенники представляются сотрудниками правоохранительных органов, спецслужб и отдают поручения от их имени. Популярен также метод, когда злоумышленники сперва обманчивыми действиями заставляют жертву перевести им крупную сумму денег, нередко взятую в кредит, а потом, когда человек понимает, что перечислил деньги мошенникам, оказывают на него психологическое давление с требованиями выполнить определенные «поручения» за возврат де-

нежных средств. В итоге человек поджигает здание банка, военкомата или льет зеленку в избирательную урну, закладывает взрывное устройство, совершает иные противоправные деяния. При этом речь, как правило, об изначально законопослушных гражданах, которые в одних случаях сознательно идут на преступление под воздействием страха, а в других случаях даже не осознают, что делают. Например, в сентябре 2024 года 77-летнего жителя Санкт-Петербурга мошенники убедили поджечь военкомат с помощью коктейля Молотова. При этом дистанционно управляемый мошенниками по телефону пенсионер искренне считал, что помогает своими действиями правоохранительным органам в борьбе с терроризмом¹. Другой подобный случай также произошел в Санкт-Петербурге: в январе 2025 года 76-летнюю пенсионерку приговорили к 10 годам лишения свободы за поджог автомобиля у здания военкомата, совершенный под психологическим воздействием кибермошенников в 2023 году². И третий яркий пример из Санкт-Петербурга – мошенники вынудили 46-летнюю женщину оформить кредит на 1,7 миллиона рублей и перевести им всю эту сумму, после чего спровоцировали ее поджечь несколько автомобилей в разных районах города, обещая вернуть за это деньги³. Аналогичным образом в Москве женщина, чтобы вернуть похищенные у нее мошенниками из Украины деньги, подожгла по их заданию номер в отеле⁴. Еще один житель Москвы, попавший под влияние кибермошенников, осуществлял по их заданию видеосъемку позиций систем ПВО. Похожих примеров немало и в других регионах. При этом для лиц, ставших жертвами

¹ Мошенник, заставивший пожилого петербуржца поджечь военкомат, попал на видео // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/30/24042769.shtml> (дата обращения: 14.03.2025).

² В Петербурге пенсионерке дали 10 лет за поджог машины у военкомата // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/01/2025/67997bcf9a7947a1f934d360> (дата обращения: 14.03.2025).

³ В Петербурге мошенники заставили женщину поджечь пять автомобилей. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2024/08/26/reg-szfo/v-peterburge-moshenniki-zastavili-zhenshchinu-podzhech-piat-avtomobilej.html> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ SHOT: украинские мошенники заставили москвичку поджечь номер в отеле // Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/incidents/shot-ukrainskie-moshenniki-zastavili-moskvichku-podzhech-nomer-v-otele> (дата обращения: 14.03.2025).

киберпреступников, такие истории зачастую заканчиваются не только потерей денег, но и реальными сроками лишения свободы.

Особую тревогу вызывает тот факт, что в подобные правонарушения кибермошенники целенаправленно в большом количестве вовлекают несовершеннолетних. Наряду с пожилыми гражданами это одна из целевых групп при выборе преступниками жертвы, что вполне объяснимо, поскольку, если деньги проще всего выманить у доверчивого пенсионера, то на преступление легче всего толкнуть психологически незрелого подростка. Это максимально внушаемая и легко управляемая категория, к тому же это самая интернет-активная категория. Кроме того, у подростков неустойчивая психика, они зачастую не отдают полного отчета в последствиях своих действий. Таким образом, это идеальная жертва для киберпреступника, цель которого – совершение на территории России диверсий и других противоправных действий руками местного населения.

Вербовка несовершеннолетних осуществляется с помощью социальных сетей, телеграмм-каналов, а также в чатах онлайн-игр. Преступники втираются в доверие к подростку, сулят деньги за выполнение их поручений, а также «гарантируют» полную безнаказанность за соответствующие действия. Наряду с обещанием материального вознаграждения для склонения детей к совершению преступлений используются также манипуляции их психикой, эмоциями, в том числе угрозы расправы над близкими. Нередко подростки идут на противоправные действия и для поддержания своего авторитета среди сверстников.

Правонарушения, совершенные подростками под давлением кибермошенников, наносят значительный материальный ущерб, представляют большую угрозу для

общественной безопасности, а также имеют крайне негативные последствия для судьбы самих малолетних правонарушителей. Так, в апреле 2024 года в Самаре задержали двух 16-летних подростков на территории военного аэродрома «Кряж» при попытке осуществить поджог вертолета Ми-8. До задержания этими же подростками под оказанным на них через Интернет давлением спецслужб Украины была совершена серия других терактов на территории Самарской области, в том числе поджог вышки мобильной связи, двух релейных шкафов на железнодорожных путях и поезда¹. В сентябре 2024 года в городе Ноябрьске Ямало-Ненецкого автономного округа двое школьников в возрасте 13 и 14 лет, управляемые киберпреступниками, совершили поджог вышки мобильной связи и вертолета Ми-8. Имущество было полностью уничтожено, сумма ущерба составила более 300 миллионов рублей². Аналогичный случай произошел и в Омске, где двое школьников в возрасте 16 лет осуществили успешный поджог вертолета Ми-8³. Как в Омске, так и в Ноябрьске при совершении поджогов пострадали сами малолетние правонарушители. При этом в обоих случаях подросткам грозит серьезная ответственность. В приведенных выше в качестве примера и в других аналогичных случаях управление действиями подростков овеществлялось киберпреступниками через мессенджеры с территории Украины. За противоправные действия несовершеннолетним были обещаны крупные суммы денег, которые они так и не получили.

Для вербовки детей и молодежи действующие с территории Украины киберпреступники наиболее активно используют такие инструменты коммуникации, как мессенджеры и сетевые компьютерные игры. Так, осенью 2024 года в результате опера-

¹ В Самаре задержали двух старшеклассников по делу о попытке поджога Ми-8. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6662061> (дата обращения: 14.03.2025).

² «Ими управляли извне». Губернатор Ямала прокомментировал поджог вертолета школьниками Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/09/12/19735429.shtml> (дата обращения: 14.03.2025).

³ Суд продлил арест подросткам из Омска, которые подожгли вертолет. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241122/arest--1985241272.html> (дата обращения: 14.03.2025).

тивно-розыскных мероприятий Федеральной службы безопасности в регионах России были задержаны 39 молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет, которые по заданию киберпреступников из Украины осуществляли изготовление взрывных устройств, готовили нападения на школы и религиозные учреждения, склоняли несовершеннолетних к совершению насильственных действий в отношении сверстников и представителей органов государственной власти¹. При этом коммуникация с украинскими кураторами осуществлялась через кроссплатформенную проприетарную систему мгновенного обмена сообщениями Discord², ранее уже неоднократно использовавшуюся для распространения дискриминационного контента в разных странах. После указанной выше волны задержаний Discord был 8 октября 2024 года заблокирован на территории России и Турции. Данная система заблокирована также в Китае³.

Сообщения о противоправных действиях детей и молодежи, совершенных в результате психологических манипуляций киберпреступников, поступают регулярно из разных регионов. Опасность данной ситуации заключается не только в том, что в результате таких деяний наносится ущерб жизням и здоровью граждан, объектам инфраструктуры, но и в том, что страна теряет молодое поколение, поскольку киберпреступники толкают его напрямиком в тюрьму.

Как мы видим, спектр видов киберпреступности достаточно разнообразен, арсенал средств преступников широк и обновляется с каждым днем, урон от данной деструктивной деятельности весьма ощутим и разнопланов – от прямого экономического ущерба, угрозы жизням и здоровью граждан до дестабилизации социально-политической обстановки в обществе и проблем с воспита-

нием подрастающего поколения. Очевидно, что киберпреступность в разных ее проявлениях – это серьезная угроза национальной безопасности, целенаправленная подрывная деятельность, поэтому необходимы эффективные методы борьбы с ней.

С учетом широты проблемы ее решение требует серьезных законодательных разработок, а кроме того, консолидации усилий всего силового блока, банковского сектора, поставщиков услуг Интернета и сотовой связи. Важны также повышение правовой и финансовой грамотности населения, просветительская и воспитательная работа с молодежью, что автоматически требует вовлечения в этот процесс органов государственной власти всех уровней, органов МСУ, институтов гражданского общества.

Нельзя сказать, что борьба с обозначенным явлением не ведется. Если рассматривать, например, мошенничества, связанные с попытками хищения денежных средств россиян, то за последние несколько лет был принят целый блок законов, нацеленных на противодействие преступлениям в данной сфере. В качестве наиболее эффективного законодательного решения необходимо упомянуть вступивший в силу с 1 декабря 2021 года Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены поправки в федеральные законы «О банках и банковской деятельности», «О рынке ценных бумаг», «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и в ряд других законодательных актов. Принципиальной новацией данного федерального закона стало существенное расширение полномочий Банка России по противодействию финансовому

¹ ФСБ: задержаны 39 проукраинских радикалов, склонявших подростков к насилию // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7197560> (дата обращения: 14.03.2025).

² Discord – мессенджер, разработанный компанией Discord Inc. (ранее — Hammer & Chisel), 8 октября 2024 г. заблокирован Роскомнадзором из-за нарушений требования российского законодательства.

³ Discord // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Discord> (дата обращения: 14.03.2025).

мошенничеству в Интернете. Если раньше регулятор мог блокировать мошеннические сайты только через прокуратуру и суд, то после принятия закона он получил право ограничивать доступ к ресурсам, созданным с заведомо мошенническими целями (сайты финансовых пирамид, нелегализованных компаний либо маскирующих свои ресурсы под сайты легализованных организаций и т. п.), в досудебном порядке¹. Вступление в силу закона и его реализация на практике в течение более трех лет позволила существенно ограничить действия мошенников, защитить денежные средства большого количества россиян.

С 1 августа 2023 года вступил в силу Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепивший, наряду с прочими изменениями, обязанность банков проверять все денежные переводы физических лиц, приостанавливать подозрительные операции на двое суток, а также возмещать средства, переведенные без согласия клиентов на счета мошенников². Дальнейшим развитием данной правовой новации стал Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе», подписанный Президентом России одновременно с вышеуказанным законом и вступивший в силу спустя год – в июле 2024 года. В данном документе, наряду с обязанностью банков проверять все денежные переводы и блокировать те из них, которые имеют признаки мошенничества, прописан алгоритм осуществления такой проверки и приостановки сомнительных переводов, сам

порядок отнесения переводов к имеющим признаки мошеннических, а также условия, схема и сроки возврата денежных средств банком обманутому мошенниками клиенту в зависимости от ситуации, выполнила ли финансовая организация установленные законом обязательства по блокировке подозрительного платежа или уклонилась от них, и был ли платеж осуществлен клиентом добровольно после уточняющего запроса банка³.

Исполнение перечисленных правовых норм на практике существенно урезало возможности кибермошенничества в финансовой сфере, помогло спасти средства граждан на триллионы рублей. Так, по данным Центрального Банка Российской Федерации, в 2024 году банками было отражено более 72 миллионов попыток хищения денежных средств со счетов клиентов на сумму 13,5 триллиона рублей. Для сравнения в 2023 году отражено 34 миллиона атак, спасено 5,8 триллиона рублей⁴. Данная динамика свидетельствует как о более чем двукратном увеличении активности киберпреступников, так и о значительном повышении эффективности работы антифрод-систем кредитных организаций, а главное, о результативности принятых законов. При этом важно отметить, что, несмотря на значительный рост количества кибератак на счета граждан, общее число проведенных операций без добровольного согласия клиентов в 2024 году удалось сдержать примерно на уровне 2023 года (1,197 млн и 1,165 млн случаев соответственно), хотя общий объем таких операций в рублевом выражении и вырос (27,534 млрд в 2024 г. и 15,791 млрд рублей в 2023 г.). Из указанной суммы банки в итоге вернули кли-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 250-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе»: федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 14.03.2025).

ентам в 2024 году 9,9 % (2,713 млрд рублей), в 2023 году – 8,7 % (1,378 млрд рублей). Кроме того, в рамках исполнения Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Банк России инициировал блокировку 46 тысяч мошеннических сайтов и аккаунтов в соцсетях, а также 172 тысячи используемых мошенниками телефонных номеров¹.

Очередным шагом на пути дальнейшего совершенствования законодательной базы в целях противодействия киберпреступности стало принятие Федерального закона от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)», вступившего в силу с 1 марта 2025 года. Данным законом закреплено право граждан устанавливать так называемый самозапрет на получение кредитов путем направления заявки через МФЦ или портал «Госуслуги». Одновременно для кредитных организаций этим же законом закреплена обязанность проверять факт наличия такого самозапрета при оформлении кредитов². А одной из ключевых новаций уже 2025 года в сфере укрепления правовых основ для борьбы с финансовым мошенничеством в Интернете стало принятие Федерального закона от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ключевые положения которого вступят в силу с 1 сентября 2025 года. Речь, в частности, о норме, которой вводится «пе-

риод охлаждения» по кредитам и займам – деньги по ним в размере от 50 тысяч до 200 тысяч рублей можно будет получить не ранее чем через четыре часа после заключения договора кредитования, а более крупные суммы – не ранее чем через 48 часов. Этим же законом закреплена обязанность микрофинансовых организаций зачислять денежные средства по договору потребительского займа только при условии совпадения сведений о реквизитах заемщика денежных средств и их получателя³. Нормы данного закона значительно сужают перечень возможных лазеек, которые используются киберпреступниками для хищения средств.

Несмотря на все принимаемые усилия по совершенствованию правовых механизмов противодействия киберпреступности, проблема не сходит с повестки. Более того, ее масштаб ширится с каждым годом. По данным МВД России, за последние пять лет число киберпреступлений в стране выросло более чем вдвое⁴ и сегодня составляет 40 % от общего числа преступлений⁵. Поэтому данный вопрос регулярно поднимается на уровне Государственной Думы, Правительства, федеральных ведомств, слышны и голоса регионов. Каждое из перечисленных нами выше законодательных решений, безусловно, важно, было принято своевременно и помогло предотвратить массу негативных процессов. Однако все они решают лишь одну из граней обозначенной проблемы, а этих граней много. В силу точности работы в данном направлении и по объективным причинам определенной инертности зако-

¹ Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 14.03.2025)..

² О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»: федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ. «Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502130045> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ За пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем вдвое // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2024/09/25/policiia-v-seti.html> (дата обращения: 14.03.2025).

⁵ МВД назвало число преступлений, совершенных с использованием IT-технологий // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250120/mvd-1994678968.html> (дата обращения: 14.03.2025).

нодательного процесса в целом реальная ситуация в сфере борьбы с киберпреступностью сегодня далека от желаемого результата. Следует признать, что методы работы преступников совершенствуются гораздо быстрее, чем правовые механизмы противодействия им. Очевидно, что данная область права никогда не угонится за киберпреступниками, если не произойдет смена тактики и не будут выработаны более широкие, кардинальные решения, позволяющие предусмотреть методы развития цифровых технологий и социальной инженерии на десятилетия вперед и предотвратить их безнаказанное использование злоумышленниками. С учетом масштаба проблемы необходимы разработка и принятие целого комплекса федеральных законов, которые обеспечили бы взвешенный, выверенный подход к всестороннему решению такого негативного явления, как киберпреступность.

Понимание необходимости подобных решений есть как у законодателей, так и у исполнительной власти, и ряд соответствующих мер уже даже был анонсирован в конце 2024 – начале 2025 гг. Так, в октябре 2024 года в рамках форума Finopolis 2024 в Сочи заместитель Председателя Правительства – Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации Д. Ю. Григоренко заявил о совместной разработке Правительством России и Центробанком проекта федерального закона, нацеленного на повышение уровня защиты финансовых операций, совершаемых с использованием биометрии¹. Речь, по всей вероятности, идет о законодательном закреплении за банками обязательства использования системы двойной аутентификации, что позволит защитить средства клиентов даже в случае кражи кибермошенниками биометрических данных. По состоянию на март 2025 года данные о внесении соответствующего проекта закона на рассмотрение в нижнюю

палату Федерального Собрания отсутствовали, но, очевидно, работа по его подготовке ведется. Можно предположить, что данный законопроект войдет одной из составных частей в комплекс масштабных поправок в законодательство для борьбы с киберпреступностью, анонсированных в феврале 2025 года Правительством России. Данные поправки позиционируются экспертами как самые значительные за последние годы меры реагирования со стороны государства на проблему киберпреступности. Предполагается, что соответствующий пакет документов, который рассматривает Комиссия Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности, затронет изменение нескольких десятков федеральных законов и иных нормативных актов. Подготовка данного пакета документов была подтверждена в том числе и Д. Ю. Григоренко². По его словам, началу работы над предложениями по соответствующему комплексному изменению законодательства предшествовал детальный анализ наиболее распространенных мошеннических схем и методов работы преступников, включая взломы аккаунтов, кражу персональных данных, психологические манипуляции с помощью телефонных звонков и переписки в мессенджерах и другие способы совершения мошенничеств. На основе полученных данных были разработаны комплексные меры максимальной защиты граждан от потенциальных киберугроз.

В данный комплекс мер, предложенных к закреплению на законодательном уровне, войдут:

- обязательная маркировка международных звонков, а также звонков с виртуальных АТС;
- право блокировки спам-звонков и рассылок абонентами сотовых операторов;
- обязательство оператора мобильной связи присылать сообщения с кодом для

¹ Усложнить жизнь мошенникам: какие меры предлагают правительство и ЦБ для защиты биометрических данных // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2024/10/16/kak-sohraniat-lico.html> (дата обращения: 14.03.2025).

² Власти готовят самые большие за последние годы поправки против кибермошенников // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2025/02/10/20525708.shtml> (дата обращения: 14.03.2025).

идентификации в ЕСИА в случае соответствующего запроса абонента во время телефонного разговора только после завершения вызова;

– право госорганов, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью, получать сведения из информационных систем операторов связи;

– запрет на ввоз, реализацию и использование на территории России абонентских терминалов иностранных спутниковых систем, чья работа запрещена или ограничена в России или ЕврАзЭС, возможность досудебной блокировки сайтов, распространяющих информацию о реализации таких устройств;

– обязательная биометрическая идентификация при оформлении выписок из бюро кредитных историй и дистанционного оформления микрозаймов;

– возможность граждан устанавливать через портал «Госуслуги» блокировку дистанционного заключения договора на оказание услуг сотовой связи;

– обязанность кредитных организаций, маркетплейсов, социальных сетей, агрегаторов обеспечить возможность добровольного использования биометрии при авторизации пользователей.

Внесение необходимых изменений в законодательство и внедрение указанных мер на практике планируются уже в 2025–2026 гг.¹ При этом Минцифры России рассчитывает в результате реализации комплекса этих и ряда других правовых мер «закрыть» проблему кибермошенничества в России уже в 2025 году. Такую позицию, в частности, озвучил в марте 2025 года в ходе выступления в Совете Федерации замглавы ведомства И. В. Лебедев².

На наш взгляд, предложенные Правительством России в феврале 2025 года меры законодательного реагирования, действительно, представляются комплексными и эф-

фективными. Это как раз-таки та самая смена тактики, которая позволит федеральному законодателю догнать до сих пор постоянно оказывавшуюся на шаг впереди киберпреступность и эффективно противодействовать ей правовыми методами. Вместе с тем на данный момент видится преждевременным говорить о масштабном решении проблемы кибермошенничества и тем более о полном «закрытии» данного вопроса.

Предложенный комплекс законодательных решений в целом соответствует общемировым тенденциям совершенствования законодательства в сфере кибербезопасности и нацелен преимущественно на повышение безопасности финансовых операций, усиление идентификации пользователей, минимизацию возможного использования интернет-мошенниками зарубежных мессенджеров и подменных телефонных номеров, усложнение оформления кредитов по поддельным документам.

Вместе с тем при всей своей комплексности, обоснованности и предполагаемой эффективности реализации на практике данные меры не представляются исчерпывающими для полноценного противодействия киберпреступности. В частности, они направлены на противодействие уже известным схемам работы преступников, не учитывают их постоянное обновление, регулярное приспособление злоумышленников к действующим защитным механизмам и внедрение новых технологий для их обхода. На практике это может привести к тому, что уже на момент вступления предложенных законодательных норм в силу преступники адаптируются к новым реалиям и изобретут способы обхода новых, кажущихся в настоящий момент непреодолимыми систем защиты.

Следует также отметить, что предложенный комплекс мер сосредоточен преимущественно на противодействии использу-

¹ Правительство изменит десятки законов для борьбы с кибермошенниками. РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/02/2025/67a752bb9a7947c806896597 (дата обращения: 14.03.2025).

² Минцифры рассчитывает в этом году «закрыть» проблему кибермошенничества. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7551641> (дата обращения: 14.03.2025).

емым мошенниками техническим средствам и мало учитывает широко применяемые киберпреступниками методы социальной инженерии, с помощью которых совершается значительное количество преступлений. На наш взгляд, предложенный комплекс законодательных мер необходимо дополнить нормами о противодействии именно методам психологических манипуляций, осуществляемых преступниками в отношении жертвы и усилением ответственности за подобные действия. Одновременно видится целесообразным и ужесточение ответственности за использование мошенниками отдельных видов технологий, например, так называемых дипфейков. В 2024 году частота использования киберпреступниками дипфейков выросла на 13 % и достигла 5 тысяч случаев. Тенденция тревожная, и на ее фоне предложение рассматривать дипфейки как отягчающее обстоятельство при совершении киберпреступлений уже звучивалось со стороны Минцифры России¹.

Что касается технической стороны вопроса, то актуальным видится введение на законодательном уровне полного контроля со стороны государства за чатами онлайн-игр, в том числе оперативная блокировка таких ресурсов, поскольку именно с помощью данного сегмента цифровых коммуникаций, а не традиционных мессенджеров, киберпреступники, как правило, осуществляют вербовку молодежи, толкают ее на противоправные действия. Выше мы упоминали осуществленную на территории России осенью 2024 года блокировку Discord – одного из наиболее популярных инструментов в геймерском сообществе. Однако это точечное решение, не решающее проблему во всей ее полноте – геймеры, а следом за ними и кибермошенники уже адаптировались к ситуации блокировки Discord и нашли альтернативы данному ресурсу. Соответствен-

но, вопрос необходимо решать комплексно в отношении всех подобных платформ. Возможность их анонимного использования и применения для склонения детей и молодежи к противоправным действиям должна быть полностью исключена.

Необходимо также принять во внимание тот факт, что раскрытие значительной части кибермошенничества усложняется организованностью данного вида преступности. Кибермошенничеством сегодня занимаются не единичные преступники, а крупные колл-центры, в которых задействованы тысячи людей. Большинство таких центров расположены, как правило, за пределами страны, на территории недружественных государств. Соответственно, возможности борьбы с подобного рода трансграничной организованной преступностью, особенно в современных геополитических реалиях, у правоохранительных органов ограничены.

Выработка решений обозначенной проблемы ведется руководством страны на самом высоком уровне. Вопрос попал в том числе в поле зрения Президента России В. В. Путина. В опубликованном в феврале 2025 года Перечне поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека поставлена задача Правительству Российской Федерации совместно с ФСБ России и МВД России о выработке дополнительных мер по блокировке телефонных вызовов, осуществляемых с территорий Украины и других недружественных иностранных государств в преступных целях. Срок исполнения поручения обозначен 1 июля 2025 года².

Ранее, в декабре 2024 года Президент В. В. Путин также обращал внимание на тот факт, что интернет-мошенничество по выманиванию денег у россиян на территории Украины возведено в ранг государственной

¹ Гонка голосовых вооружений // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7516456> (дата обращения: 14.03.2025).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76233> (дата обращения: 14.03.2025).

политики и осуществляется при полномасштабной поддержке украинских спецслужб созданными специально для этих целей крупными центрами¹.

В такой ситуации, когда действия преступников, осуществляемые профессиональными хакерскими группировками и колл-центрами, инициируются и контролируются неонацистским киевским режимом при финансовой и технологической поддержке других недружественных государств, уместно говорить уже не столько даже о киберпреступности, сколько о полномасштабной кибервойне, ведущейся против Российской Федерации и ее граждан. А это означает, что и меры правового реагирования на ситуацию должны быть соответствующими. При этом следует принимать во внимание, что само понятие «кибермошенничество» в целом как явление, если не под этим, то под иными терминами, относительно четко описано в российском и международном праве, на законодательном уровне регламентированы меры противодействия данному явлению, а также нормы ответственности за соответствующие деяния преступников (например, в статьях 159.6, 187, 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряде других)². В то же время понятие «кибервойна» в правовом отношении до сих пор остается достаточно зыбким. Более того, четкого определения как в научной литературе, так и в законодательстве не нашел даже термин «информационная война», одной из частных разновидностей которой, несомненно, является кибервойна [1]. В результате возникает правовая коллизия, более того, парадокс, когда такое явление, как кибервойна, существует, на уровне органов государственной власти и в обществе в целом имеется адекватное понимание того, что собой представляет данное явление, кибервойны активно ведутся в современном мире как государ-

ствами, так и частными структурами, в том числе против нашей страны, компетентными ведомствами принимаются меры по противодействию данному явлению, однако в законодательстве отсутствуют четкое определение данного явления и нормы ответственности за ведение кибервойны против Российской Федерации и ее граждан.

Целесообразным видится первоначально устранить этот пробел в правовом поле, дать в законодательстве прозрачное определение кибервойне, разграничив понятия «кибервойна» и «киберпреступность», охарактеризовав признаки тех противоправных действий, которые позволяют отнести их к кибервойне, и определив меры реагирования государства на такие действия. Очевидно, что ответственность за ведение кибервойны должна при этом быть выше, чем за обычное кибермошенничество. Если меры ответственности за киберпреступления, прописанные преимущественно в главе 28, а также в статьях 159.6 и 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривают наказание в виде штрафов и относительно незначительных сроков лишения свободы, то деяния лиц, ведущих кибервойну, в случае закрепления такого понятия в законодательстве, станут возможным уже расценивать как действия военных преступников со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, места расположения на территориях, контролируемых неонацистским киевским режимом, баз хакерских группировок и колл-центров, осуществляющих против Российской Федерации и ее граждан действия с признаками кибервойны, станут в таком случае законными целями Вооруженных Сил Российской Федерации с вытекающим из этого нанесением по ним ударов доступными средствами поражения, как по любым другим украинским воинским формированиям. Де-факто кибервойска в современных реа-

¹ Мошенничество против россиян контролируют спецслужбы Украины, заявил Путин // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241219/putin-1990154728.html> (дата обращения: 14.03.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лиях – такой же род войск, как и любой другой, угроза национальной безопасности от кибервойск противника, как и наносимый ими урон колоссальны, соответственно, и подавление таких подразделений Вооруженными Силами Российской Федерации должно осуществляться аналогично тому, как это происходит в отношении военной техники, личного состава противника, эшелонов с вооружениями, пунктов дислокации наемников.

Заключение

С учетом возрастающей с каждым днем актуальности совершенствования законодательства в области противодействия киберугрозам разного характера, а также с учетом проникновения цифровых технологий практически во все сферы современного общественного устройства и необходимости в связи с этим постоянно расширять правовые нормы, регулирующие использование интернет-коммуникаций, нейросетей и IT-ресурсов в целом, в перспективе видится уместной более полная систематизация и кодификация соответствующего раздела права. Речь может идти о создании в обозримом будущем условного Цифрового (либо Информационного) кодекса Российской Федерации. Нормы, прописывающие меры противодействия киберугрозам в таком случае войдут в него одной из составных частей. Дальнейшее развитие системы права в Российской Федерации в любом случае рано или поздно неизбежно приведет к появлению такого кодекса. В России законодательство, регулирующее правоотношения в сфере цифровых технологий, существует с начала 1990-х годов. За более чем три десятилетия накопилась масса нормативных ак-

тов в данной сфере, большинство из которых менялись многократно. Только в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ изменения вносились более 70 раз¹. Экспертами в сфере IT и законодателями вопрос о создании цифрового кодекса поднимался уже неоднократно. Еще в 2014 году Институтом государства и права РАН была разработана и опубликована концепция Информационного кодекса Российской Федерации, большинство положений которой являются актуальными и сегодня [2].

В пользу необходимости кодификации цифрового законодательства свидетельствуют и общемировые тенденции развития права. Перспективы создания своих цифровых кодексов рассматриваются не только в России, но и в Индии, Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, Азербайджане, Молдове и ряде других государств. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ еще в 2008 году приняла модельный Информационный кодекс для государств – участников СНГ². Впоследствии его редакция обновлялась в 2012 и 2022 годах³. К созданию цифровых кодексов сегодня стремятся даже те государства, для которых традиции кодификации законодательства в целом не характерны.

В сложившихся условиях появление цифрового кодекса в России, на наш взгляд, представляется лишь вопросом времени. В 2021 году на необходимость создания такого кодекса указывал Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека⁴. А в 2023 году о необходимости разработки

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Модельный Информационный кодекс для государств – участников СНГ (ред. 2008 г.). // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902124603> (дата обращения: 14.03.2025).

³ Модельный Информационный кодекс для государств – участников СНГ (ред. 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Свести законы воедино: что такое Цифровой кодекс и для чего он нужен в России // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/499753-svesti-zakony-voedino-cto-takoe-cifrovoj-kodeks-i-dla-cego-on-nuzhen-v-rossii> (дата обращения: 14.03.2025).

Инфокодекса в очередной раз заявило Минцифры России¹.

Цифровой кодекс Российской Федерации, если (а точнее, когда) он будет принят, вместит в себя всю систему гарантий по защите прав граждан в современном цифровом мире, права и обязанности органов государственной власти, организаций по

использованию цифровых технологий, весь комплекс мер по обеспечению сетевой безопасности, противодействию киберугрозам любого характера. Это позволит полноценно, комплексно решить все связанные с цифровой сферой вопросы социально-экономического развития общества и национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Третьякова Е. С., Михайлова Е. М., Ширинкина А. А. Понятие и правовой статус информационной войны // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 4. С. 40–44.

2. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. М.: ИПП РАН – Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 192 с.

REFERENCES

1. Tretyakova E. S., Mikhailova E. M., Shirinkina A. A. The concept and legal status of information warfare // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2023. No. 4. P. 40–44. (In Russ.).

2. The concept of the Information Code of the Russian Federation / edited by I. L. Bachilo. M.: IGP RAS – Publishing house «Canon+» ROOI «Rehabilitation», 2014. 192 p. (In Russ.).

Сведения об авторе:

К. Б. Толкачев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author:

K. B. Tolkachev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 29.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

¹ Минцифры предлагает вернуться к разработке кодекса для телекома // Forbes.. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/490165-mincifry-predlagaet-vernut-sa-k-razrabotke-kodeksa-dla-telekoma> (дата обращения: 14.03.2025).

**КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО НЕЙРОСЕТЕВОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
КЛАСТЕРА ДАННЫХ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ****Зарина Ирековна Харисова**Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
zarinaid@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3902-3459

Аннотация. Процесс накопления, обработки, поиска и хранения криминалистически значимой информации, объединенной общими видовыми характеристиками, позволяет формировать информационно-поисковые системы, способствующие решению диагностических, классификационных и идентификационных задач в криминалистике. В статье описывается концепция нового криминалистического учета, который может выступить кластером обучающих данных для информационной системы, используемой в целях систематизации (классификации) криминалистически значимой компьютерной информации. Сделан вывод, что в основу криминалистического кластера электронных доказательств необходимо заложить гибридную модель анализа разнородных данных с интеграцией методов цифровой криминалистики, машинного обучения и объяснимого искусственного интеллекта. Указанный подход позволит сформировать базу данных для построения принципиально нового интеллектуального технико-криминалистического средства. В совокупности с применением облачных технологий, средств визуализации и анализа больших данных предлагаемая концепция может представлять собой современный инструмент противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: цифровые доказательства, криминалистический кластер данных, криминалистический учет, нейросетевой кластер данных, цифровая криминалистика, компьютерная криминалистика, расследование преступлений, преступления в сфере компьютерной информации, технико-криминалистическое средство.

Для цитирования: Харисова З. И. Концепция глобального нейросетевого криминалистического кластера данных в области противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 116–125.

Original article

**THE CONCEPT OF A GLOBAL NEURAL NETWORK
FORENSIC DATA CLUSTER IN THE FIELD
OF COUNTERING COMPUTER INFORMATION CRIMES****Zarina I. Kharisova**Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
zarinaid@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3902-3459

Abstract. The process of accumulation, processing, search and storage of forensically significant information, combined by common specific characteristics, makes it possible to form information and search systems that contribute to the solution of diagnostic, classification and identification tasks in forensics. The article describes the concept of a new forensic accounting, which can act as a cluster of training data for an information system used to systematize (classify) forensically significant computer information. It is concluded that the basis of the forensic cluster of electronic evidence should be a hybrid model for analyzing

heterogeneous data with the integration of digital forensics methods, machine learning and explainable artificial intelligence. This approach will make it possible to form a database for building a fundamentally new intellectual technical and forensic tool. Together with the use of cloud technologies, visualization tools and analysis of big data, the proposed concept can represent a modern tool for countering computer information crimes.

Keywords: digital evidence, forensic data cluster, forensic accounting system, neural network data cluster, digital forensics, computer forensics, crime investigation, computer crimes, forensic technology tool.

For citation: Kharisova Z. I. The concept of a global neural network forensic data cluster in the field of countering computer information crimes // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 116–125. (In Russ.)

Введение

В настоящее время насчитываются десятки различных учетов, которые в зависимости от особенностей учитываемых объектов и характеризующих их признаков подразделяются на оперативно-справочные, криминалистические и справочно-вспомогательные учеты. Криминалистическая регистрация является систематизированным научно обоснованным учетом и основой информационного обеспечения органов внутренних дел сведениями об объектах и лицах в сфере уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности. В виду того, что криминалистическая регистрация определяется перечнем учетных объектов, набор которых диктуется существующим уровнем технического развития, одним из вариантов решения проблем, связанных с поиском, анализом и исследованием цифровых следов, является введение новой системы регистрации цифровых доказательств в виде нейросетевого кластера криминалистически значимой цифровой информации. Формами криминалистических учетов, входящих в указанную систему регистрации цифровых доказательств, могут являться документированная информация, структурированные базы данных со сведениями о технических средствах и их сетевой активности, программное обеспечение, в том числе вредоносное, веб-ресурсы, аудио- и видеозаписи, а также их смешанные варианты, что позволит сформировать глобальную платформу анализа разнородных данных.

Предложенная система криминалистического учета цифровых доказательств сможет послужить в дальнейшем основой для

реализации программного технико-криминалистического средства с возможностью формирования типовых следственных версий и планов расследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Методы

В процессе исследования использовалась совокупность общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), общенаучных (анализ, синтез, системный), частнонаучных и специальных методов (кибернетический, формально-юридический, сравнительно-правовой). Использование указанных приемов позволило выявить возможность систематизации криминалистически значимой компьютерной информации и реализации интеллектуального программного обеспечения в области противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации.

Результаты

Быстрый темп технологического прогресса, переход к цифровой экономике и, как следствие, обработка значительных массивов данных в электронном виде объясняют недостаточность применения традиционных методов собирания и исследования доказательств при расследовании ряда наиболее распространенных в настоящее время преступных деяний. В этой связи в криминалистической теории наблюдается тенденция изучения так называемых цифровых следов преступной деятельности [1, с. 3], что в большей степени обусловлено ежегодным приростом преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в совокупности составивших за 2024 год более 40 % от

числа всех зарегистрированных преступных деяний¹.

Несмотря на широкое применение термина «цифровое доказательство» в зарубежной и отечественной научной литературе, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в настоящее время отсутствует его законодательное определение. Но на международном уровне под цифровым (электронным) доказательством, как правило, понимают любую информацию, обладающую доказательной силой и хранимую (передаваемую) в цифровой форме².

Анализ способов совершения преступных деяний позволяет сделать заключение о наиболее вероятном расположении следов, оставляемых при том или ином используемом преступником методе [2, с. 117]. Криминалистическое изучение особенностей совершения преступлений и, в частности, их способов дает исходные положения для разработки технико-криминалистических средств, при помощи которых следы преступления окажутся зафиксированными наиболее полно и будут пригодными для дальнейшего исследования.

Доказывание в понимании познавательной деятельности – это оперирование доказательствами [3, с. 76], поэтому процесс доказывания складывается из четырех элементов – поиска (обнаружения, собирания, фиксации), исследования, оценки и использования доказательств, грамотность проведения и правильность процессуального оформления которых способствуют оперативному изобличению участников преступного события и обеспечению надежной доказательственной базы для органов следствия [4, с. 44]. Обнаружение цифровых следов преступлений является поисковой деятельностью следователя, которая направлена на собирание доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, что возможно с исполь-

зованием различных технических устройств (компьютерных, мобильных и пр.), а также программных технико-криминалистических средств. Несмотря на динамичное развитие общей теории криминалистики, например, путем ее дополнения частными криминалистическими теориями (исследования компьютерной информации [5, с. 11], информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [6, с. 13] и пр.), релевантные на сегодняшний день обзоры, посвященные выявлению проблем в области расследования преступлений [7, с. 176; 8, с. 3; 9, с. 25483; 10, с. 81; 11, с. 2], позволяют сделать вывод о значимости собирания цифровых доказательств и необходимости автоматизации процесса их исследования, что обусловлено сложностями анализа больших массивов данных в электронном виде.

Одним из вариантов обеспечения быстрой и эффективной обработки собранной криминалистически значимой компьютерной информации является внедрение в алгоритмы функционирования программных технико-криминалистических средств технологий искусственного интеллекта, основанных на математических моделях и реализованных по принципу организации сетей нервных клеток человека. Таким образом, автоматизировать процессы собирания и исследования цифровых доказательств с минимальными трудозатратами позволит специализированное программное обеспечение, разработанное на базе машинного обучения, при этом точность и прозрачность анализа данных смогут обеспечить, например, ХАИ-системы (от англ. «explainable artificial intelligence» (ХАИ) – объяснимый искусственный интеллект) [12, с. 7] и модели, способные объяснять принимаемые нейросетью решения адаптированным для человека языком, что особенно важно для исключения проблем предвзятости алгоритмов.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 25.06.2025).

² Практическое руководство по истребованию электронных доказательств // УНП ООН. URL: <https://sherloc.unodc.org/cld/ru/st/evidence/practical-guide.html> (дата обращения: 25.06.2025).

Наиболее перспективными направлениями применения методов обработки данных на основе технологий искусственного интеллекта в области расследования преступлений являются проведение криминалистических исследований и выдача заключений по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области цифровой криминалистики. При этом необходимо соблюдать этическое использование указанных технологий, а также обеспечивать строгую регламентацию обучения и переобучения разрабатываемых на его основе систем, что возможно только при соблюдении единых стандартов управления процессами для анализа данных. Таким образом, на сегодняшний день важно принять факт неотвратимости задействования нейросетевых технологий в процесс расследования преступлений. Однако на стадии зарождения и реализации основного функционала рассмотренных систем необходимо заблаговременно определить базовые требования к разработкам и возможности их использования в области противодействия преступлениям с учетом применимости принципов справедливости, подотчетности, прозрачности и объяснимости всех осуществляемых искусственным интеллектом действий и принимаемых решений.

Активное внедрение современных информационных технологий в деятельность правоохранительных органов способствует расширению использования аналитических методов, что значительно влияет на организацию расследования преступлений. Автоматизация процессов сбора, хранения, систематизации и анализа криминалистически значимой информации повышает эффективность следственной, оперативно-розыскной, экспертной и судебной деятельности, способствует научной организации труда и оптимизации процессов расследования [13, с. 704]. Эффективность раскрытия и расследования преступлений в большинстве случаев зависит от качества и количества криминалистически значимой информации, источниками которой могут быть как материальные и идеальные следы, так и следо-

образующие объекты [14, с. 382]. К такого рода информации относят находящиеся в причинно-следственной связи с преступлением данные или сведения, которые, например, могут характеризовать способ и средства его совершения, объект, субъект или предмет преступного посягательства и пр. Системы объектов в виде баз данных или хранилищ информации представляют собой криминалистическую регистрацию, которая складывается из подсистем (криминалистических учетов), отличающихся друг от друга учитываемыми данными, способами или формами их систематизации. В связи с этим предлагается ввести новый криминалистический учет, который выступит кластером обучающих данных для информационной системы, используемой в целях систематизации криминалистически значимой компьютерной информации.

Основными источниками информационного обеспечения следственной деятельности в настоящее время являются криминалистические регистрационные системы правоохранительных ведомств, ведомственные учеты правоохранительных органов, не затрагивающие преступную деятельность, различные информационные системы государственных органов власти и управления, учреждений, организаций и предприятий различных форм собственности, информационные ресурсы научно-методического и справочного содержания, а также сведения, размещенные в киберсреде.

Перечисленные ресурсы довольно широко используются следователями, но зачастую бессистемно, эпизодически либо не в полном объеме. Для повышения эффективности их использования необходима систематизация имеющихся данных, обеспечивающая организацию информационных потоков и удобный к ним доступ. Увеличение объема регистрируемых данных и доступных информационных ресурсов, а также создание новых и совершенствование уже существующих криминалистических учетов является перспективным направлением развития информационного обеспечения следственной деятельности.

Таким образом, для более эффективного использования экспертно-криминалистических учетов в раскрытии и расследовании преступлений целесообразно интегрировать различные виды учетов в единую систему, что позволит установить корреляционные связи между объектами разных видов учетов [15, с. 155]. В такого рода системе должен быть предусмотрен функционал для определения связей между следами, оставленными преступником в информационных системах и технических средствах, изъятыми в рамках одного преступного деяния, с другим комплексом следов, изъятым с иного объекта.

Повысить эффективность расследования преступлений в сфере компьютерной информации за счет систематизации, классификации и автоматизированного анализа цифровых следов позволит интегрированная система учета цифровых доказательств, структурными элементами при реализации которой могут выступить подсистемы сбора и агрегации данных, их классификации и структурирования, анализа и оценки, хранения и обмена данными, а также генерации отчетов и визуализации (рисунок 1).

Так, подсистема сбора и агрегации данных обеспечит оперативный сбор разнородных цифровых доказательств из множества источников, например, с локальных носителей данных, серверов, облачных хранилищ, технических средств, а также элементов (датчиков) интернета вещей, сетевых маршрутизаторов, журналов криптовалютных транзакций, адресов электронных кошельков, межсетевых экранов, прокси-серверов, систем обнаружения вторжений и пр.

Подсистема классификации и структурирования доказательств в зависимости от заданных критериев и способов стандартизации данных обеспечит их систематизацию и разделение по типу, например, на текстовые файлы, бинарные данные, лог-файлы, метаданные, графические данные, аудиоили видеозаписи, а также классификацию по временным меткам и корреляцию событий (создание временных шкал, выявление закономерностей взаимодействия между событиями (например, совпадение времени доступа к информационным системам и осуществление несанкционированного доступа к компьютерной информации)).

Подсистема анализа и оценки доказательств позволит осуществить аналитическую обработку собранных данных, выявить скрытые взаимосвязи между событиями на основе методов машинного обучения, кластеризации, предсказания сценария развития преступления, оценки достоверности цифровых доказательств и их весомости.

Подсистема хранения и обмена данными обеспечит их централизованную сохранность в виде баз данных, обеспеченных функциями индексирования, шифрования и контроля доступа, интеграцию с национальными и международными реестрами криминалистически значимых данных с возможностью обмена информацией для оперативного реагирования, а также аудит и протоколирование для фиксации изменений и доступа к данным.

Подсистема генерации отчетов и визуализации послужит гибким инструментом для построения отчетов в наглядной форме (дашбордов (от англ. «dashboard» – панель

Рисунок 1. Структура системы криминалистической регистрации цифровых доказательств по преступлениям в сфере компьютерной информации

управления), диаграмм, временных линий, графов связей между событиями, а также статистических сводок с возможностью формирования выводов на основе пользовательских запросов и анализа шаблонов на базе обученных ранее данных).

В систему криминалистического учета по преступлениям в сфере компьютерной информации целесообразно включить:

1) подсистему учета зарегистрированных преступлений для сбора и систематизации информации о каждом зарегистрированном преступном деянии, включая дату, время, место, способ совершения преступления, используемые средства, предмет преступного посягательства, размер ущерба;

2) подсистему учета лиц, совершивших преступления, для систематизации информации о подозреваемых или обвиняемых лицах, включая анкетные данные, сведения о судимостях, используемые учетные данные, IP-адреса и MAC-идентификаторы принадлежащих им устройств, адреса электронной почты, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, профессиональные навыки и умения;

3) подсистему учета средств совершения преступлений для сбора информации о задействованных технических средствах и программном обеспечении, включая их характеристики, происхождение, способы задействования;

4) подсистему учета цифровых следов преступлений и мест их расположения для систематизации информации о цифровых следах, оставляемых различными средствами совершения преступлений (например, лог-файлы, дампы памяти, особенности прохождения сетевого трафика), а также о местах их наиболее вероятного расположения (например, журналы серверов, файлы операционной системы, базы данных и пр.);

5) подсистему учета криминалистически значимой информации об обстановке совершения преступлений для выявления и систематизации факторов, способствовавших совершению преступления.

Криминалистический учет по преступлениям в сфере компьютерной информа-

ции может осуществляться по следующим основаниям:

– по способу совершения преступления и использованным при этом техническим средствам и программному обеспечению (MAC-идентификаторы, IP-адреса, серийные номера, IMEI-коды, лицензии и пр.);

– по способу сокрытия следов преступления и используемым при этом техническим средствам и программному обеспечению;

– по месту и времени задействования технических средств при совершении преступления;

– по лог-файлам и журналам событий в информационных системах и программном обеспечении;

– по сетевому трафику, сетевым артефактам;

– по сигнатурам распространяемого вредоносного кода и паттернам аномального поведения (коллекции вредоносного программного обеспечения);

– по учетным записям и идентификаторам в сети Интернет;

– по цифровым аватарам в метасреде;

– по идентификаторам в сетях Tor и I2P;

– по хэш-суммам используемых при совершении преступления файлов и программного обеспечения;

– по поддельным электронным документам, цифровым подписям и сертификатам;

– по используемым при совершении преступления веб-ресурсам;

– по биометрическим данным;

– по метаданным мультимедиаконтента;

– по скомпрометированным данным;

– по синтетически сгенерированному контенту (дипфейк-контент);

– по идентификаторам криптовалютных транзакций и прочим финансовым операциям.

Таким образом, формирование нового криминалистического учета в виде нейро-сетевого кластера данных, в частности по преступлениям в сфере компьютерной информации, является важным шагом на пути к повышению эффективности противодействия им. Система учета должна учитывать

специфику цифровой среды, обеспечивать сбор, систематизацию и анализ информации о различных аспектах преступных деяний, а также соответствовать требованиям законодательства о персональных данных и информационной безопасности.

Предложенная интегрированная система учета цифровых доказательств сможет послужить в дальнейшем основой для формирования модульной и масштабируемой платформы поддержки принятия решений (подбор методики расследования), позволяющей собирать, классифицировать и анализировать цифровые доказательства в режиме реального времени, использовать современные методы анализа на основе искусственного интеллекта для выявления закономерностей и оценки вероятности развития событий, обеспечить безопасное хранение и обмен данными с возможностью интеграции с существующими национальными и международными системами, а также реализовать комплексное программно-технико-криминалистическое средство с возможностью формирования типовых следственных версий и планов расследования преступлений в сфере компьютерной информации (рисунок 2) с учетом сведений,

составляющих базовые элементы криминалистической характеристики преступного деяния (способ совершения преступления, обстановка, личность преступника и потерпевшего и пр.).

Предлагаемый подход к анализу данных, нахождению закономерностей, идентификации связей и корреляций между переменными и построению моделей с использованием инструментов визуализации по своей сути представляет собой технику EDA-анализа [16, с. 18] (от англ. «exploratory data analysis» – разведочный анализ данных) в виде комплекса методик, позволяющих исследовать, нормализовать и стандартизовать данные, определять их качество, структуру и характеристики, а также выявлять аномалии среди них. Таким образом, в эпоху цифровизации и растущего объема данных необходимо применение EDA-техник в криминалистике, которые обладают существенным потенциалом, являясь перспективой в области совершенствования всех имеющихся экспертных систем и криминалистических учетов.

Оптимизация процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств возможна с применением алгоритмов искусственного интеллекта не только в отношении

Рисунок 2. Упрощенная модель оптимизации процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств с использованием алгоритмов искусственного интеллекта (на рисунке буквами обозначены технологии: AI – искусственный интеллект, ML – машинное обучение, CV – компьютерное зрение)

реализации программного технико-криминалистического средства, но и в совокупности с формируемыми цифровой моделью преступления, кластером цифровых доказательств в виде криминалистических учетов и системой поддержки принятия решений.

Подводя итог вышеуказанному, отметим, что криминалистика как наука, изучающая закономерности механизма преступления и возникновения информации о нем, в условиях всеобщей цифровизации и интеллектуализации приобретает новые исследовательские и практико-ориентированные возможности. Технологии искусственного интеллекта при этом представляют собой дополнительный инструмент, интегрируемый в систему криминалистических средств.

Заключение

Проведенный анализ наиболее значимых исследований в области цифровой криминалистики за последние несколько лет определил возможность реализации гибридной модели анализа электронных доказательств, в основе которой лежит интеграция традиционных методов цифровой криминалисти-

ки, машинного обучения и объяснимого искусственного интеллекта, что значительно повысит эффективность расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Так, существующие методы цифровой криминалистики можно усовершенствовать использованием комбинации современных технологических подходов, основанных на технологиях искусственного интеллекта (машинном обучении) и распределенных вычислений, облачных технологиях и технологиях анализа данных, что позволит сформировать полноценный инструмент в целях противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации.

Таким образом, развитие распространенных в настоящее время методов анализа электронных доказательств по принципу глобального нейросетевого кластера цифровых доказательств представляет собой одно из перспективных направлений эволюции цифровой криминалистики и позволяет объединить преимущества отдельно взятых подходов, компенсируя недостатки при их использовании в отдельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровые следы преступлений: монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин. Москва: Проспект, 2023. 168 с.
2. Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. Общие положения / Гришанин П. Ф., Зуйков Г. Г., Кривошеев А. С., Ратинов А. Р. и др. Москва: НИиРИО МВШ МООП СССР, 1967. 179 с.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. Москва: Юридическая литература, 1987. 270 с.
4. Скобелин С. Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42–44.
5. Цифровая криминалистика / под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. Москва: Юрайт, 2025. 490 с.
6. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е. Р. Россинской Москва: Проспект, 2022. 254 с.
7. Horsman G., Sunde N. Unboxing the digital forensic investigation process // Science and Justice. 2022. No. 62. P. 171–180.
8. Dunsin D., Ghanem M., Ouazzane K. A comprehensive analysis of the role of artificial intelligence and machine learning in modern digital forensics and incident response // Digital Investigation. 2024. No. 48. P. 1–22.
9. Casino F., Dasaklis T., Research trends, challenges, and emerging topics in digital forensics: A review of reviews // IEEE Access. 2022. No. 10. V. P. 25464–25493.
10. Машков С. А. Большие данные и криминалистика: возможности и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2. С. 78–86.
11. Jian X., Siegel M. Towards a joint semantic analysis in mobile forensics environments // Digital Investigation. 2025. No. 52. P. 1–26.

12. Lundberg E., Mozelius P. The potential effects of deepfakes on news media and entertainment // *AI & Society*. No. 11. 2024. P. 1–12.
13. Зеленский В. Д., Меретуков Г. М. Криминалистика. Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2015. 755 с.
14. Курс криминалистики / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 928 с.
15. Аминев Ф. Г. Актуальные проблемы формирования и использования экспертно-криминалистических учетов в расследовании и раскрытии преступлений: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 182 с.
16. Тьюки Дж. Анализ результатов наблюдений. Разведочный анализ. М.: Мир, 1981. 696 с.
17. Бахтеев Д. В. Частные криминалистические теории как источник для разработки прикладных систем искусственного интеллекта в следственной деятельности // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2020. № 2 (28). С. 32–43.

REFERENCES

1. Digital traces of crimes: monograph / A. M. Bagmet, V. V. Bychkov, S. Yu. Skobelin, N. N. Ilyin. Moscow: Prospect, 2023. 168 p. (In Russ.)
2. Identification of the causes of crime and crime prevention. General provisions / Grishanin P. F., Zuikov G. G., Krivosheev A. S., Ratinov A. R., et al. Moscow: Research Institute of Criminal Procedure of the Moscow Higher School of the Ministry of Public Protection of the USSR, 1967. 179 p. (In Russ.)
3. Belkin R. S. Forensic science: problems, trends, prospects. General and specific theories. Moscow: Legal Literature, 1987. 270 p. (In Russ.)
4. Skobelin S. Yu. Digital forensics: object and directions of development // *Russian investigator*. 2020. No. 4. P. 42–44. (In Russ.)
5. Digital forensics / edited by V. B. Vekhov, S. V. Zuev. Moscow: Yurait, 2025. 490 p. (In Russ.)
6. Theory of information and computer support for forensic activities: monograph / edited by E. R. Rossinskaya. Moscow: Prospect, 2022. 254 p. (In Russ.)
7. Horsman G., Sunde N. Unboxing the digital forensic investigation process // *Science and Justice*. 2022. No. 62. P. 171–180. (In Eng.)
8. Dunsin D., Ghanem M., Ouazzane K. A comprehensive analysis of the role of artificial intelligence and machine learning in modern digital forensics and incident response // *Digital Investigation*. 2024. No. 48. P. 1–22. (In Eng.)
9. Casino F., Dasaklis T. Research trends, challenges, and emerging topics in digital forensics: A review of reviews // *IEEE Access*. 2022. No. 10. V. P. 25464–25493. (In Eng.)
10. Mashkov S. A. Big data and forensics: opportunities and prospects // *Siberian criminal procedure and forensic readings*. 2024. No. 2. P. 78–86. (In Russ.)
11. Jian X., Siegel M., Towards a joint semantic analysis in mobile forensics environments // *Digital Investigation*. 2025. No. 52. P. 1–26. (In Eng.)
12. Lundberg E., Mozelius P. The potential effects of deepfakes on news media and entertainment // *AI & Society*. No. 11. 2024. P. 1–12. (In Eng.)
13. Zelensky V. D., Meretukov G. M. Forensic Science / V. D. Zelensky, . St. Petersburg: Legal Center-Press, 2015. 755 p. (In Russ.)
14. Course in Forensic Science / T. V. Averianova, R. S. Belkin, Yu. G. Korukhov, E. R. Rossinskaya. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 928 p. (In Russ.)
15. Aminev F. G. Actual Problems of Formation and Use of Forensic Accounts in Investigation and Solving Crimes: Monograph. Ufa: RIO BashSU, 2004. 182 p. (In Russ.)
16. Tukey J. Analysis of Observation Results. Intelligence Analysis. Moscow: Mir, 1981. 696 p. (In Russ.)
17. Bakhteyev D. V. Private forensic theories as a source for the development of applied artificial intelligence systems in investigative activities // *Siberian criminal procedural and forensic readings*. 2020. No. 2 (28). P. 32–43. (In Russ.)

Информация об авторе:

З. И. Харисова, кандидат технических наук, доцент.

Information about the author:

Z. I. Kharisova, Candidate of Technology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

**МЕТОД МОЗГОВОГО ШТУРМА
В ОБУЧЕНИИ РЕЧЕВЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Зиля Вагизовна Баишева

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, zbaisheva@yandex.ru, ORCID:
0009-0005-8053-7733

Аннотация. В статье рассматривается метод мозгового штурма как эффективная форма интерактивного обучения будущих юристов. Автор делится своим опытом применения brainstorming в процессе обучения студентов судебному красноречию и профессиональным юридическим коммуникациям. Подчеркивается, что метод мозгового штурма способствует развитию профессионально важных коммуникативных навыков студентов. Делается вывод о необходимости активного внедрения данного метода в процесс обучения в юридическом вузе, а также целесообразности применения этого метода в сочетании с другими формами интерактива и традиционных методов обучения. Цель статьи – привлечь внимание исследователей к проблемам внедрения в образовательный процесс наиболее эффективных интерактивных форм обучения, разработки методики применения мозгового штурма на основе изучения соответствующего опыта преподавателей юридических вузов.

Ключевые слова: метод мозгового штурма, brainstorming, интерактивные формы обучения, судебное красноречие, профессиональные коммуникации юриста, интервьюирование.

Для цитирования: Баишева З. В. Метод мозгового штурма в обучении речевым дисциплинам в юридическом вузе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 126–132.

Original article

**BRAINSTORMING METHOD
IN TEACHING SPEECH DISCIPLINES IN LAW SCHOOL**

Zilya V. Baisheva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
zbaisheva@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-8053-7733

Abstract. The article discusses the brainstorming method as an effective form of interactive training for future lawyers. The author shares his experience of using brainstorming in the process of teaching students judicial eloquence and professional legal communications. It is emphasized that the brainstorming method contributes to the development of professionally important communication skills of students. It is concluded that it is necessary to actively introduce this method into the learning process at a law school, as well as the expediency of using this method in combination with other forms of interactive and traditional teaching methods. The purpose of the article is to draw the attention of researchers to the problems of introducing the most effective interactive forms of learning into the educational process, developing a methodology for using brainstorming based on the study of the relevant experience of law school teachers.

Keywords: brainstorming method, brainstorming, interactive forms of learning, judicial eloquence, professional communications of a lawyer, interviewing.

For citation: Baisheva Z. V. Brainstorming method in teaching speech disciplines in law school // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 126–132. (In Russ.)

Введение

Метод мозгового штурма (мозговой атаки, коллективной генерации идей, brainstorming) представляет собой «метод совместного поиска решений, в котором участники свободно предлагают любые идеи по заданной теме»¹. Разработанный в середине XX века метод мозгового штурма широко применяется в различных сферах человеческой деятельности. Особенно использование этого метода характерно для представителей творческих профессий в сфере рекламы и маркетинга.

В образовательной среде мозговой штурм определяется как «интерактивная образовательная технология, которая предполагает стимулирование творческой активности обучающихся, направленной на решение проблемы/задачи посредством поиска и развития разнообразных вариантов/идей в условиях свободного обмена ими по мере возникновения у обучающихся»².

В последние десятилетия brainstorming активно внедряется в образовательный процесс, и это естественно, так как метод дает возможность активизировать мыслительную деятельность обучаемых, обеспечивает включение максимального количества обучающихся в учебный процесс, позволяет активизировать даже тех учащихся, которые при применении традиционных методов обучения предпочитают отмалчиваться на занятиях, выбрав роль пассивного слушателя.

В процессе обучения студентов в юридических вузах активно используются различные интерактивные формы обучения, однако метод мозгового штурма сегодня применяется сравнительно не часто. Между

тем, как справедливо отмечает В. Н. Жадан, перед преподавателями юридических вузов стоит важнейшая задача, заключающаяся в том, чтобы «научить студента-юриста постоянно учиться, приобретать новые знания, формировать навыки самостоятельного исследовательского поиска, проявлять творчество в решении сложных профессиональных проблем и ситуаций» [1, с. 201]. Особое значение в настоящее время придается приобретению студентами-юристами коммуникативных навыков. Бесспорно, «качество коммуникативной подготовки юристов в значительной степени определяет эффективность их будущей профессиональной деятельности» [2, с. 36].

Именно метод мозгового штурма предоставляет в процессе обучения огромные возможности для развития важнейших коммуникативных навыков. Он способствует развитию и совершенствованию навыков правильно и понятно изъясняться; контролировать свои эмоции; устанавливать психологический контакт с участниками общения; взаимодействовать с людьми; слушать других; уважать позицию другого и пр.

В настоящее время возможности применения метода мозгового штурма в процессе подготовки будущих юристов анализируются рядом исследователей. В основном это научные статьи, в которых рассматриваются различные интерактивные формы обучения, в том числе и метод мозгового штурма, их использование в преподавании юридических дисциплин, анализируются правила подготовки и проведения мозговых штурмов [3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.]. Авторы делятся своей методикой применения на занятиях техно-

¹ Метод мозгового штурма: что это такое и как его провести // Аспро.Cloud. URL: <https://aspro.cloud/pm/docs/brainstorm/> (дата обращения: 31.05.2025); Белоусов В. Метод мозгового штурма – правила, этапы, разновидности. URL: <https://singularity-app.ru/blog/mozgovoy-shturm/> (дата обращения: 31.05.2025); и др.

² Описание образовательной технологии «Мозговой штурм» // Edu.itmo.ru. URL: edu.itmo.ru/files/104 (дата обращения: 31.05.2025); Фурман Е. Н. Мозговой штурм – как один из методов интерактивного обучения на уроках английского языка // Videouroki.net. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/mozghovoi-shturm-kak-odin-iz-mietodov-intieraktivnogo-obuchieniia-na-urokakh-an.html> (дата обращения: 31.05.2025); Мурзина В. И. Мастер-класс «Мозговой штурм как метод интерактивного обучения» // Современный урок. URL: <https://www.lurok.ru/categories/21/articles/3464> (дата обращения: 31.05.2025); и др.

логии мозгового штурма, тем самым внося свой вклад в разработку методики мозгового штурма [1; 9; 10 и др.].

Ряд исследователей обращают внимание на возможности интерактивных форм обучения в развитии коммуникативных компетенций обучаемых [11; 12 и др.]. Однако единичны работы, в которых исследовались бы вопросы коммуникативной подготовки будущих юристов в контексте использования интерактивных форм обучения [2]. Нам не удалось обнаружить исследования, в которых описывались бы возможности применения мозгового штурма для развития коммуникативных навыков студентов юридических вузов. Хотя среди исследователей есть понимание того, что «интерактивное обучение позволяет решать одновременно несколько задач, главной из которых является развитие коммуникативных умений и навыков, помогает установлению эмоциональных контактов между обучающимися, <...> приучает работать в команде, прислушиваться к мнению своих товарищей»¹.

Актуальность нашего исследования определяется малоизученностью данного вопроса в науке и недостаточной теоретической и практической разработанностью методики применения мозгового штурма как эффективной формы интерактива в преподавании речевых дисциплин будущим юристам в контексте развития коммуникативных умений и навыков обучаемых.

Методы

Были использованы следующие методы исследования: анализ методической литературы; обобщение собственного педагогического опыта; устный и письменный опрос, тестирование и контроль для выявления степени результативности проведенных мозговых штурмов в развитии соответствующих коммуникативных умений и навыков.

Обсуждение и результаты

Применительно к образовательному процессу в вузе, на наш взгляд, наиболее правильным будет определение метода мозгового штурма как «оперативного метода решения проблемного вопроса через оптимизацию творческой активности студентов, где обучающимся необходимо высказать наибольшее количество вариантов решения проблемы, пусть и противоречивых» [9, с. 54]. Мы согласны также с мнением А. П. Панфиловой, которая называет мозговой штурм «наиболее свободной формой дискуссии»².

Рассмотрим возможности применения мозгового штурма в процессе обучения студентов-юристов речевым дисциплинам.

Наш опыт показывает, что в рамках изучения дисциплины «Юридическая риторика (Судебное красноречие)» определенные трудности у студентов вызывает освоение темы «Из истории становления и развития судебного красноречия». Процесс освоения темы значительно облегчается при применении мозгового штурма. Живой интерес студентов вызывает проведение мозгового штурма при изучении античной риторики. Студентов трогает судьба Сократа, который не сумел защитить себя, доказать свою правоту в суде. Обучающимся предлагается сформулировать доказательства невиновности Сократа, т. е. выступить в качестве его защитника.

Эффективность этого мозгового штурма определяется степенью предварительной подготовки к его проведению. Так, до занятия студенты знакомятся с «Апологией Сократа» Платона, «Апологией Сократа на суде» Ксенофонта, другими мнениями современников Сократа, представленными в сборнике «Суд над Сократом» [13] и другими доступными в Интернете источниками. Мозговой штурм способствует развитию у

¹ Информационно-аналитический обзор: интерактивные методы обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования // RefDB. URL: <https://refdb.ru/look/2623224.html> (дата обращения: 31.05.2025).

² Панфилова А. П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2024. С. 221.

студентов желания и интереса к изучению прошлого, повторению и закреплению полученных знаний, а также развивает умение обосновывать свою позицию, креативно мыслить.

В результате проведения мозгового штурма значительно увеличивается интерес студентов к изучению наследия великих русских ораторов-юристов второй половины XIX века. Так, можно провести мозговой штурм на основе известного дела Кронеберга. Здесь обучающимся предлагается сформулировать доказательства виновности господина Кронеберга. Предварительно студентам необходимо изучить речь В. Д. Спасовича в защиту Кронеберга¹, мнение Ф. М. Достоевского по поводу этого дела [14], а также других современников В. Д. Спасовича (см., например, [15]).

Метод мозгового штурма успешно применяется нами также в ходе изучения темы «Логический аспект судебной речи». Если студенческая группа пассивна и не проявляет особого интереса к изучению судебного красноречия, можно для первого мозгового штурма предложить несколько шутовское задание на основе сюжетов русских народных сказок. Например, можно попросить студентов привести аргументы, чтобы убедить Лису не есть Колобка, или привести аргументы, чтобы убедить Лису не выгонять Зайчишку из лубяной избушки и не занимать чужое жилье и пр. Такое задание, как правило, вызывает всеобщее оживление в студенческой группе и вначале воспринимается довольно легкомысленно. Соответственно, и первые аргументы, идеи оказываются смешными и даже нелепыми. Однако постепенно студенты втягиваются в процесс поиска ар-

гументов, вскоре «юрист» начинает проявлять себя и студенты формулируют доводы на основе соответствующих норм уголовного и гражданского права. Главным результатом данного мозгового штурма является то, что абсолютное большинство обучающихся оказалось вовлеченным в образовательный процесс, свои идеи формулировали даже те, кто обычно не решается высказываться на занятиях. Опыт показывает, что на последующих занятиях обучающиеся уже с энтузиазмом воспринимают проведение не только мозговых штурмов, но и других интерактивов.

В аудитории, настроенной на получение знаний по юридической риторике, может быть сразу дано более сложное задание. Например, после изучения логических операций доказательства и опровержения студентам предварительно предлагается фрагмент из материалов уголовного дела², который они должны изучить. Задание для мозгового штурма: найти опровержение или интерпретацию тем доводам в деле, которые противоречат позиции защиты.

После изучения логического и психологического аспекта судебной речи довольно успешно проходит мозговой штурм с заданием, выявить все возможные средства воздействия на слушателей в судебной речи³.

Достаточно эффективным является применение данного метода и в процессе освоения студентами различных форм профессиональной юридической коммуникации в рамках изучения дисциплины «Профессиональные коммуникации юриста». Так, в процессе изучения интервьюирования как формы юридической коммуникации студентам предлагается сформулировать вопросы, при

¹ Речь присяжного поверенного В. Д. Спасовича в защиту Кронеберга // ВКонтакте. Страницы прошлого. URL: https://vk.com/@retro_pages-istyazanie-rebenka-rech-prisyazhnogo-poverennogo-vladimira-s (дата обращения: 31.05.2025).

² Для этих целей могут быть использованы материалы из пособий: Воскобитова Л. А., Захаров В. В., Ливи М. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения. М.: Дело, 2001. С. 220–222; Криминалистика: планы семинарских и практических занятий, вопросы для самопроверки, темы рефератов и НИРС для студентов 4-го курса дневного отделения специальности 030501 «Юриспруденция» / сост. Ю. Г. Плесовских, А. С. Шукин. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2008.

³ Проведение данного мозгового штурма подробно описано в учебном пособии: Баишева З. В. Риторика для юристов: Практикум: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 52–56.

помощи которых юрист сможет максимально быстро получить от клиента достаточно полную и достоверную информацию о его проблеме, при том, что клиент стремится скрыть от юриста часть информации, которая, по мнению клиента, может навредить ему. Предварительно студенты получают знания о вопросно-ответной форме речевой коммуникации; знакомятся с различными классификациями вопросов и видами ответов; с особенностями применения вопросов в различных формах юридической коммуникации; с этапами интервьюирования. Непосредственно перед проведением мозгового штурма студенты получают конкретный сюжет¹.

Другой вариант проведения мозгового штурма: студенты должны помочь юристу узнать у клиента, который рассказывает ему о конкретном событии, был ли на улице в момент этих событий ветер. Необходимо задать клиенту соответствующие вопросы, чтобы он вспомнил эту деталь. Для проведения штурма в таком варианте один из студентов должен выступить в роли клиента. При этом только студент в роли клиента знает, что должен вспомнить клиент: если вопросы будут заданы правильно, клиент вспомнит, что «когда он шел из пункта «а» в пункт «б», то по пути видел грузовой автомобиль, водитель которого прогревал двигатель. Это запомнилось клиенту потому, что из выхлопной трубы грузовика шел густой дым, создавая большое зловонное облако, которое разрасталось все больше и больше и которое клиенту предстояло пересечь. Когда клиент прошел уже около 100 метров, он обернулся и увидел, что облако поглощает все большее пространство. В связи с этим клиент вспомнил, что ветра не было, иначе он бы сдувал облако дыма»².

Наш опыт показывает, что большинство студентов с удовольствием принимают уча-

стие в мозговых штурмах, их привлекает свобода выражения мысли, непринужденная атмосфера, сам процесс поиска решения проблемы, неожиданные открытия. Для преподавателя данная форма интерактива интересна тем, что она позволяет включить в работу большинство студентов группы, вызвать интерес к изучаемой теме, а также способствует быстрому усвоению нового обучаемыми. Привлекает также возможность проведения этой работы за относительно небольшой промежуток времени – 10–15 минут. При этом следует помнить, что эффективность проведения мозгового штурма зависит от правильной организации всего процесса с учетом обязательных правил (они подробно описаны в литературе [9; 10 и др.]), особенностей изучаемого материала, аудитории и пр.

Заключение

Таким образом, в рамках изучения речевых дисциплин в юридическом вузе практически при освоении каждой темы возможно применение мозгового штурма. На наш взгляд, стоит активно внедрять в образовательный процесс в юридическом вузе мозговой штурм как эффективный метод активизации мыслительной деятельности обучаемых, усиления интереса к изучаемой теме, лучшего ее освоения и запоминания материала за счет внимательного и детального исследования вопросов темы, создания комфортной атмосферы для каждого обучаемого, способствующей развитию, с одной стороны, стремления узнать больше по конкретной теме, с другой – уверенности в своих знаниях. Данный метод эффективен также в плане развития и совершенствования профессионально важных для юристов коммуникативных навыков: умения формулировать свои мысли, уверенно высказывать их, слушать, общаться в коллективе, креативно мыслить, видеть проблему с разных сторон,

¹ Например, могут быть использованы материалы из пособия: Воскобитова Л. А., Захаров В. В., Ливи М. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения. М.: Дело, 2001. С. 178–179.

² Сюжет взят из книги: Шевченко И. А. Интервьюирование и консультирование клиента. Техники эффективной коммуникации: пособие для начинающих юристов. Красноярск: ООО «Центр информации», 2013. С. 65.

находить, на первый взгляд, неожиданные решения и т. п. Бесспорно, метод мозгового штурма должен применяться в сочетании с другими формами интерактивного обучения. Нельзя также пренебрегать традиционными формами обучения, эффективность которых доказана десятилетиями их приме-

нения. Думается, лучшего результата в обучении можно достичь при продуманном сочетании различных форм обучения с учетом изучаемой темы, особенностей аудитории, времени, которое отводится на изучение той или иной темы, мастерства преподавателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жадан В. Н. Опыт применения интерактивных и инновационных форм и методов обучения в преподавании юридических дисциплин // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 200–209.
2. Косянова О. М. Методы интерактивной коммуникативной подготовки студентов правовых специальностей // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 4. С. 36–44.
3. Джумабекова Б. Н., Атанаева З. Е. Применение интерактивных методов обучения в преподавании юридических дисциплин // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2011. Т. 11. № 10. С. 163–168.
4. Бурляева Л. А. Современные подходы к интерактивному обучению студентов ВУЗов по юридическим дисциплинам // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2013. № 1. С. 113–116.
5. Шкарлупина Г. Д. Интерактивные и инновационные методы преподавания правовых дисциплин в ВУЗе // Методический поиск: проблемы и решения. 2014. № 1 (16). С. 19–24.
6. Хохлова Е. М. Преподавание дисциплин «право» и «правоведение» с применением традиционных и инновационных методов обучения // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 88–90.
7. Андропова Т. А., Тарасенко О. А. Активные и интерактивные формы проведения занятий для бакалавров и магистров // Юридическое образование и наука. 2013 № 2. С. 33–37.
8. Гунибский М. Ш. Инновационные и интерактивные методы в процессе правового воспитания // Юридический мир. 2014. № 4. С. 40–44.
9. Быстрова Н. В., Зиновьева С. А., Воронина И. Р. Использование метода «мозговой штурм» в преподавании правовых дисциплин // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-3. С. 54–56.
10. Кузнецов Д. А. Применение метода мозгового штурма при преподавании гражданского процесса // Педагогика, образование и воспитание: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 131–133.
11. Стурикова М. В. Использование интерактивных методов обучения в развитии коммуникативной компетенции учащихся // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2015. № 2. С. 38–41.
12. Зорина О. С. Формирование коммуникативных компетенций у будущих инженеров на основе интерактивных методов обучения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 196–199.
13. Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств / сост. А. В. Кургатников. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
14. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Февраль. Глава вторая. I. По поводу дела Кронеберга // Собрание сочинений: в 15 томах. Т. 13. СПб.: Наука, 1994. С. 56–59.
15. Немкевич И. В. Дело Кронеберга: «ступенька лестницы» к правам ребенка // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 94–98.

REFERENCES

1. Zhadan V. N. The experience of using interactive and innovative forms and methods of teaching in teaching legal disciplines // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7. No. 3 (24). P. 200–209. (In Russ.)

2. Kosyanova O. M. Methods of interactive communicative training of law students // Bulletin of the RUDN University. The series Russian and foreign languages and methods of their teaching. 2007. No. 4. P. 36–44. (In Russ.)
3. Dzhumabekova B. N., Atanayeva Z. E. Application of interactive teaching methods in teaching legal disciplines // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2011. Vol. 11. No. 10. P. 163–168. (In Russ.)
4. Burluyaeva L. A. Modern approaches to interactive education of university students in legal disciplines // Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the modern world. 2013. No. 1. P. 113–116. (In Russ.)
5. Shkarlupina G. D. Interactive and innovative methods of teaching legal disciplines in higher education institutions // Methodological search: problems and solutions. 2014. No. 1 (16). P. 19–24. (In Russ.)
6. Khokhlova E. M. Teaching the disciplines of “law” and “jurisprudence” using traditional and innovative teaching methods // Socio-political sciences. 2017. No. 1. P. 88–90. (In Russ.)
7. Andronova T. A., Tarasenko O. A. Active and interactive forms of classes for bachelors and masters // Legal education and Science. 2013 No. 2. P. 33–37. (In Russ.)
8. Gunibsky M. S. Innovative and interactive methods in the process of legal education // Legal world. 2014. No. 4. P. 40–44. (In Russ.)
9. Bystrova N. V., Zinovieva S. A., Voronina I. R. The use of the “brainstorming” method in teaching legal disciplines // Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 72-3. P. 54–56. (In Russ.)
10. Kuznetsov D. A. The use of the brainstorming method in teaching civil procedure // Pedagogy, education and upbringing: current issues of theory and practice: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education, 2023. P. 131–133. (In Russ.)
11. Sturikova M. V. The use of interactive teaching methods in the development of students’ communicative competence // Municipal education: innovations and experiment. 2015. No. 2. P. 38–41. (In Russ.)
12. Zorina O. S. Formation of communicative competencies among future engineers based on interactive teaching methods // Theory and practice of social development. 2013. No. 11. P. 196–199. (In Russ.)
13. The trial of Socrates. Collection of historical evidence / compiled by A. V. Kurgatnikov. St. Petersburg: Aleteya, 2000. 272 p. (In Russ.)
14. Dostoevsky F. M. Diary of a writer. 1876. February. Chapter Two. I. Concerning the Kroneberg case // Collected works in 15 volumes. Vol. 13. St. Petersburg: Nauka, 1994. P. 56–59. (In Russ.)
15. Nemkevich I. V. The Kroneberg case: a “step up the ladder” to the rights of the child // Proceedings of Gomel State University named after F. Skoriny. 2016. No. 2 (95). P. 94–98. (In Russ.)

Информация об авторе:

З. В. Баишева, доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

Z. V. Baisheva, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 372.881.161.1

ВИРТУАЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ У ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ НАВЫКОВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЛОКАТИВНОСТИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Татьяна Викторовна Гусейнова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, yatv0202@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной статьи обосновывается растущей потребностью в инновационных и эффективных методах обучения русскому языку как иностранному, а также расширяющимися возможностями информационных технологий. В статье рассматривается перспективное применение технологии виртуальной реальности в обучении русскому языку как иностранному, в частности для формирования и закрепления навыков выражения локативности. Автором подчеркивается, что виртуальная реальность предоставляет большие возможности для имитации реальных ситуаций, в которых иностранные слушатели в интерактивной форме могут практиковать применение изученных лексико-грамматических средств. На примере виртуального посещения музея приводятся конкретные варианты речевых заданий, направленных на отработку различных аспектов выражения категории локативности на русском языке. Содержащиеся в статье методические рекомендации по применению виртуальных экскурсий как средства развития у иностранных обучающихся коммуникативной компетенции будут полезны начинающим преподавателям русского языка как иностранного, заинтересованным во включении информационных технологий в практическую деятельность с целью повышения эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, информационные технологии, виртуальная реальность, виртуальная экскурсия, коммуникативная компетенция, речевые задания.

Для цитирования: Гусейнова Т. В. Виртуальные экскурсии как эффективное средство развития у иностранных обучающихся навыков выражения категории локативности на русском языке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 133–140.

Original article

VIRTUAL TOURS AS AN EFFECTIVE MEANS OF DEVELOPING FOREIGN LEARNERS' SKILLS IN EXPRESSING THE CATEGORY OF LOCATIVITY IN RUSSIAN

Tatyana V. Guseynova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, yatv0202@mail.ru

Abstract. The relevance of this article is justified by the growing need for innovative and effective methods of teaching Russian as a foreign language, as well as the expanding possibilities of information technology. The article examines the promising application of virtual reality technology in teaching Russian as a foreign language, in particular for the formation and consolidation of skills of expressing locativity. The author emphasizes that virtual reality provides great opportunities to simulate real situations in which foreign students can practice the use of learned lexical and grammatical tools in an interactive form. Using the example of a virtual museum visit, specific variants of speech tasks are given, aimed at working out various aspects of expressing the category of locativity in Russian. The methodological recommendations contained in the article on the use of virtual excursions as a means of developing communicative competence among foreign students will be useful for novice teachers of Russian as a foreign language who are interested in integrating information technology into practical activities in order to increase the effectiveness of the educational process.

© Гусейнова Т. В., 2025

Keywords: Russian as a foreign language, information technology, virtual reality, virtual excursion, communicative competence, speech tasks.

For citation: Guseynova T. V. Virtual tours as an effective means of developing foreign learners' skills in expressing the category of locativity in Russian // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 133–140. (In Russ.)

Введение

Умение выражать пространственные отношения играет одну из ключевых ролей в развитии коммуникативной компетенции изучающих русский язык как иностранный (далее – РКИ). Способность описывать местоположение объектов, направление движения, маршруты и пространственные связи между предметами и явлениями – необходимое условие для полноценной и эффективной коммуникации в реальных жизненных ситуациях [1; 2]. Недостаточное же владение иностранными обучающимися языковыми средствами выражения категории локативности приводит к затруднениям в понимании речи носителей языка, а также к неточностям в выражении собственных мыслей. Также мы уверены в том, что овладение навыками выражения пространственных отношений позволяет иностранцам лучше понимать русскую культуру и менталитет, что в конечном итоге способствует более успешной интеграции в русскоязычное общество.

Желание обеспечить лучшее усвоение материала подводит каждого преподавателя не только к выбору оптимальных методов обучения, соответствующих поставленным целям, задачам и уровню подготовки обучающихся, но и к поиску методических средств – инструментов и ресурсов, позволяющих воплотить намеченную стратегию. По нашему мнению, самый передовой и инновационный метод обучения останется неэффективным, если он не будет подкреплён адекватными средствами.

В эпоху активного развития информационных технологий преподавателю предоставлен достаточно широкий выбор актуальных средств преподавания, способных поддерживать устойчивый интерес современного обучающегося к овладению языком [3; 4; 5; 6]. Одним из перспективных направ-

лений видится использование виртуальных экскурсий.

Целью нашего исследования явилось определение эффективности использования виртуальных экскурсий как средства развития навыков выражения категории локативности у иностранных обучающихся в процессе изучения РКИ.

Достижение данной цели обеспечивалось решением следующих задач: выявление дидактического потенциала виртуальных экскурсий как средства развития различных аспектов коммуникативной компетенции; составление методических рекомендаций для преподавателей РКИ по использованию виртуальных экскурсий в учебном процессе; разработка заданий для сопровождения виртуальных экскурсий.

Новизна исследования и его практическая значимость заключались в составлении речевых заданий, способствующих развитию и совершенствованию у иностранных обучающихся навыков свободного понимания и употребления в письменной и устной речи лексико-грамматических средств выражения категории локативности посредством применения виртуальных экскурсий.

Теоретической и методической базой исследования явились труды А. Н. Щукина [7], Е. И. Пассова [8], Н. Л. Федотовой [9], Е. В. Падучевой [10], Г. А. Золотовой [11], работы Н. Н. Балабас [12], А. С. Карпеченко [13], А. Ю. Карасевой, И. В. Нефедова [4], М. А. Хусаиновой [14], Е. А. Павловской [5], Н. Г. Пироговой [6] и других.

Методы

Методологической базой исследования явились общенаучные и частнонаучные методы филологических наук, разработанные отечественными и зарубежными учеными. Использовались такие методы исследования, как теоретический анализ и обобщение данных, описательный, функционально-ком-

муникативный, структурно-семантический, контекстуальный методы, метод анализа языкового материала, метод наблюдения за рецептивной и продуктивной речевой деятельностью, метод систематизации учебного материала.

Результаты

Под виртуальной экскурсией специалистами сферы информационных технологий Е. А. Кшуманевой, П. М. Кикиным понимается «метод отображения трехмерного пространства на экране, которое сопровождается привязкой дополнительных мультимедийных информационных компонентов: 3D-объекты, видео и фотогалерея, поясняющие надписи, всплывающие окна с дополнительной информацией, графически оформленные клавиши управления» [15]. Филолог Л. Ю. Щипицина различает широкое и узкое значения термина: «в широком значении, как зонтичный термин, обозначающий все виды цифрового показа и устного или письменного описания экскурсионных объектов, сопровождающиеся мультимедийным или текстовым перемещением от одного объекта к другому, так что в результате возникает некое тематически цельное и хронологически ограниченное знакомство с совокупностью этих объектов. Тогда виртуальная экскурсия в узком понимании наиболее близка к традиционной контактной экскурсии и будет трактоваться как знакомство аудитории с совокупностью экскурсионных объектов, сопровождающееся виртуальным передвижением от одного объекта к другому и устным объяснением экскурсоводом их особенностей» [16]. Таким образом, виртуальную экскурсию мы будем рассматривать как интерактивный цифровой опыт, посредством которого пользователь исследует место или объект, не находясь там физически. Используя различные мультимедийные элементы (360-градусные панорамы, видео, аудиокomentarии, текст и интерактивные элементы), виртуальные экскурсии воссоздают ощущение присутствия и позволяют зрителям получать информацию об истории, культуре, архитектуре или других особенностях исследуемого места.

Результаты анализа научно-методической литературы по теме исследования убеждают нас в том, что виртуальные экскурсии, или виртуальные туры, – это современные информационно-образовательные ресурсы, которые, обладая высоким уровнем интерактивности и аутентичности, предоставляют уникальную возможность для погружения в языковую среду и развития коммуникативных навыков [12; 13; 14]. К неоспоримым достоинствам виртуальной экскурсии относятся не только возможность использовать различные источники информации из Интернета, поддержка устойчивой мотивации к овладению языком, знакомство со страной изучаемого языка, ее социально-культурными реалиями, но и то, что эти экскурсии позволяют создавать ситуацию общения – то, без чего, согласно Е. И. Пассову, не может быть истинно коммуникативного обучения.

Наше обращение к виртуальной экскурсии как к инструменту активизации учебного материала было обусловлено тем, что традиционные средства обучения казались недостаточно эффективными для развития прочных навыков употребления лексико-грамматических средств выражения категории локативности у обучающихся. Как показывает опыт, рассматриваемый интернет-ресурс целесообразно включать в образовательный процесс на этапе применения сформированных лексико-грамматических навыков в различных видах речевой деятельности и на этапе контроля уровня их (навыков) сформированности. На последнем, как известно, проверяются: «1) умение различать значения лексических единиц и использовать их в заданном контексте; 2) умение правильно употреблять предложно-падежные формы имен в контексте высказывания; 3) умение правильно использовать глагольные формы с учетом контекста и ситуации, в том числе инфинитивные конструкции, видовременные формы, глаголы движения, приставочные и бесприставочные глаголы; умение использовать структуры простого и сложного предложения в предлагаемых контекстах» [7, с. 127].

Так, посещение виртуальной экскурсии в Екатерининский дворец¹ позволило на общем языковом материале проверить степень владения единицами языка разных уровней (фонетического, лексического, морфологического, синтаксического), умение выражать речевую интенцию (сообщить, попросить, рассказать и прочее) определенным набором слов и способами их грамматического оформления в соответствии с замыслом речевого высказывания, с учетом существующей языковой нормы. Посредством виртуального тура создавались условия реального общения, предполагавшие тесное взаимодействие всех основных видов речевой деятельности (говорение, письмо, чтение и аудирование).

Отметим, что в виртуальном туре по Екатерининскому дворцу представлена 21 панорама (локация), что предоставляет большие возможности для развития коммуникативных навыков в интерактивной форме. Тур содержит аудиовизуальный контент, умелое применение которого позволит преподавателю результативно развивать навыки восприятия, понимания и переработки информации. Проговариваемые гидом тексты – аутентичные, изложение материала дается преимущественно в виде монолога-описания с элементами повествования. Тексты содержат как простые, так и сложные предложения, в том числе осложненные причастными и деепричастными оборотами. Они проговариваются в среднем темпе носителей языка с небольшими паузами между смысловыми частями, что позволяет иностранцам осмысливать информацию.

Практика применения виртуальной экскурсии в обучении РКИ позволяет составить следующие методические рекомендации. При освоении языка на уровне В1 на предтекстовом этапе преподавателю следует давать инофонам установку (объяснять цель занятия, характер работы обучающихся с аудиотекстом), что направит их внимание на поиск и запоминание информации. Обучающиеся

должны быть готовыми прослушать текст и ответить на вопросы к нему. Перед посещением музея преподавателю следует дать небольшой культурологический комментарий с целью познакомить с Екатерининским дворцом, например, сообщить, что это Бывший императорский дворец, официальная летняя резиденция трех российских монархов – Екатерины I, Елизаветы Петровны и Екатерины II; дворец расположен в 26 км южнее от Санкт-Петербурга, в бывшем Царском Селе; он входит в список Объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Снятию языковых трудностей способствует лексико-грамматический комментарий. На более продвинутом уровне иностранные обучающиеся самостоятельно не только выявляют незнакомые слова, но и стараются распознать культурозначимые языковые единицы, которые требуют дополнительного объяснения.

На следующем этапе инофоны работают с текстом. Ресурсы виртуальной экскурсии позволяют погрузиться в виртуальную реальность: проходить по залам, приближаться к экспонатам, к росписи на потолках, лепному декору и др. и внимательно рассматривать их в деталях, слушать фонограмму, читать идентичный текст (набранный в текстовом редакторе) с привязкой к конкретным объектам в виртуальном пространстве. В связи с тем, что экскурсанты самостоятельно знакомятся с экспозицией музея, мы не придерживаемся традиционной методики проведения аудирования, представленной, например, в работах А. Н. Щукина и Н. Л. Федотовой [7, с. 368; 9, с. 85], в частности позволяем иностранцам прослушать аудиогид необходимое им количество раз для изучения заинтересовавших инофонов культурных артефактов (к тому же этим, по нашему мнению, обеспечивается методический принцип индивидуализации обучения). Отметим, что одним из показателей уровня развития аудитивных навыков становятся степень следования экскурсантов рекомендациям аудиогuida в виртуальном музее, на-

¹ Компания «3д Панорама». URL: <https://3dpanorama.spb.ru/portfolio/ekaterininskij-dvorecz-czarskoe/> (дата обращения: 05.05.2025).

личие / отсутствие реакции на услышанное. На этом этапе полезно выполнять задание «Слушая текст, покажите предметы, о которых идет речь» (обучающийся показывает предмет либо преподавателю, либо одногруппнику (-ам)).

Послетекстовый этап предполагает выполнение заданий, направленных прежде всего на воспроизведение послушанного посредством ответа на вопросы, пересказ некоторых элементов содержания, обсуждение текста на уровне понимания значения и смысла, выражение своего отношения к полученной информации с активным включением в речь изученного лексико-грамматического материала (см. подробнее [7]). Для реализации этих целей преподаватель преимущественно предлагает обучающимся речевые задания. Следуя Е. И. Пассову, мы рассматриваем речевые задания как форму общения, специально организованную «таким образом, что обеспечивает управляемый выбор стратегии говорящего, актуализирует взаимоотношения участников общения, вызывает их активность и естественную мотивированность речевой деятельности, воспитывает самостоятельность и продуктивность речевого умения» [8, с. 92].

Далее приведем примеры разработанных нами заданий для работы на послетекстовом этапе.

1. Вопросы к общей характеристике Екатерининского дворца.

Когда был торжественно открыт Екатерининский дворец и кто был его архитектором?

Какова основная архитектурная стилистика Екатерининского дворца и какие элементы ее представляют?

Какие ключевые личности, помимо Екатерины I, были связаны с историей дворца?

Почему Екатерининский дворец стал одним из символов императорской России?

Как Екатерининский дворец пострадал во время Второй мировой войны?

Какие работы по восстановлению дворца были проведены после его разрушения?

Каковы нынешние функции Екатерининского дворца?

2. Вопросы к описанию Большого зала Екатерининского дворца.

Кто является автором проекта Большого зала и когда он был построен?

Какой архитектурный стиль отражен в интерьере Большого зала?

Каким было основное назначение Большого зала Екатерининского дворца?

Внимательно осмотрите этот зал. Каковы основные особенности декорации и отделки стен и потолка Большого зала?

Как называли Большой зал в XVIII веке?

Как влияет освещение на восприятие пространства Большого зала?

Сколько килограммов золота потребовалось на внешнее и внутреннее убранство дворца?

Какие известные художники / мастера работали над созданием интерьера Большого зала?

Выясните значение слова «резьба». Рассмотрите скульптурную и орнаментальную золоченую резьбу, которая покрывает стены зала. Какова технология ее изготовления?

Посмотрите на потолок. Как называется плафон, который украшает потолок Большого зала? Кто автор эскиза?

Из скольких композиций состоит плафон? Как они называются? Как они расположены относительно друг друга?

Как восстанавливался Большой зал после его разрушения во время Второй мировой войны?

3. Вопросы к обзору Китайской гостиной Александра I.

Изучите план-схему дворца и скажите, в какой его части находится Китайская гостиная Александра I?

Чем выделялся интерьер Китайской гостиной Александра I?

Посмотрите на стены. На что похожа эта гостиная?

Посмотрите вокруг и назовите предметы интерьера.

Где расположены зеркала?

Где стоит печь из «гамбургских» изразцов?

Где комод? Что стоит на нем?

Какая картина помещена на место плафона? Опишите ее.

Чьи портреты представлены в этой гостиной? Скажите, где находится каждый из портретов.

4. Вопросы к рассказу-описанию Кавалерской столовой.

Где располагается Кавалерская столовая?

Назовите фамилию автора ее проекта.

Перескажите историю происхождения названия этой столовой.

Рассмотрите столовую. Каков стиль ее интерьера?

Что размещено на ее стенах?

Что означает слово «десюдепорты»?

Знаете ли вы, что такое «картуш»?

Из каких фигур состоит композиция над северной дверью?

Посмотрите на потолок. Опишите, что вы видите.

Где расположен большой банкетный стол?

На какую букву он похож?

Подойдите к столу. Расскажите, что вы видите на нем.

5. Вопросы к описанию Янтарной комнаты.

Изучите план-схему Екатерининского дворца. Каково расположение Янтарной комнаты относительно других залов и помещений дворца?

Какие мифы и легенды, связанные с Янтарной комнатой, вам известны?

Кто автор проекта Янтарной комнаты?

Какие материалы использовались для отделки Янтарной комнаты? Откуда они привезены?

Каковы общее оформление и стиль интерьера Янтарной комнаты?

Какие элементы декора являются наиболее выдающимися?

Рассмотрите комнату. Какие предметы мебели и декоративные элементы вы видите?

Как освещение и цветовая палитра Янтарной комнаты влияют на восприятие ее интерьера?

Перескажите информацию о том, как создается панно из янтаря.

Каким аллегориям посвящены пять мозаичных панно? Назовите их и расскажите, где располагается каждая из них.

Из каких камней набраны флорентийские мозаики?

Какие работы проводились по реставрации Янтарной комнаты?

Какую функцию выполняла Янтарная комната?

Найдите часы? Где они стоят? Опишите их.

Какая оценка дается гидом Янтарной комнате? Согласны ли вы с ней?

Для развития коммуникативных навыков с применением виртуальных экскурсий считаем также результативными такие виды заданий, как: прослушайте текст и скажите, о чем он; оцените прослушанный текст с точки зрения того, что в нем было для вас интересно / не интересно, ново / не ново; подтвердите или опровергните следующие утверждения, основанные на прослушанном тексте; прослушайте текст и составьте тезисы на основе материала текста; прослушайте текст и составьте вопросы к нему, задайте вопросы одноклассникам; составьте дружеское письмо о посещении виртуального музея (укажите дату посещения, реальное и виртуальное месторасположение музея, численность экскурсантов; перечислите, что вы увидели в музее; какие экспонаты (три и более) запомнились больше всего, поясните ответ; укажите точное местонахождение этих экспонатов; напишите, понравился ли вам экскурсионный тур, узнали ли вы что-то новое и интересное; порассуждайте, стоит ли посещать этот музей, кому он может быть интересен).

Заключение

Виртуальные экскурсии представляют собой ценный и эффективный инструмент для развития коммуникативных навыков. Позволяя погрузиться в аутентичную, визуально насыщенную и интерактивную среду, они способствуют не только лучшей отработке усвоенного языкового материала, но и пониманию культурного контекста. В связи с этим использование виртуальных экскурсий в образовательном процессе повышает мотивацию обучающихся, делает процесс обучения более увлекательным и доступным. Мы убеждены в том, что методически грамотное включение виртуальных экскурсий позволяет выстраивать образователь-

ный процесс с учетом важнейших принципов коммуникативного обучения, сущность которых раскрыта в трудах Е. И. Пассова [8, с. 120–123]: речемыслительной активности, индивидуализации, функциональности, ситуативности, новизны.

В данной статье мы с опорой на научно-методическую литературу раскрыли дидактический потенциал виртуальных экскурсий как средства развития различных аспектов коммуникативной компетенции (на примере развития у иностранных обу-

чающихся навыков выражения категории локативности на русском языке); составили методические рекомендации для преподавателей РКИ по использованию виртуальных экскурсий в учебном процессе; привели примеры заданий для сопровождения виртуальных экскурсий. Надеемся, что приведенный материал будет полезен всем, кто интересуется современными методами преподавания РКИ и возможностями использования цифровых технологий для повышения эффективности обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусейнова Т. В. Обучение иностранных слушателей выражению категории локативности на элементарном уровне освоения русского языка // *Казанская наука*. 2025. № 1. С. 203–205.
2. Гусейнова Т. В. Развитие навыков выражения категории локативности у иностранных слушателей, осваивающих элементарный и базовый уровни владения русским языком // *Актуальные вопросы филологии и методики преподавания русского и иностранных языков: сборник материалов Международной научно-практической конференции* / под ред. Т. Г. Букиной. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2025. С. 79–83.
3. Кошеварова Ю. А., Галиева Д. А. Использование платформы Wordwall в обучении грамматике английского языка // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2023. № 3 (101). С. 152–157.
4. Нефёдов И. В., Попова К. А. М-learning как инновационное средство в обучении РКИ // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2016. № 3. С. 170–178.
5. Павловская Е. А. Использование цифровых технологий в практике преподавания русского языка как иностранного на подготовительном факультете в российском вузе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Том 17. Выпуск 10. С. 3650–3659.
6. Пирогова Н. Г. Инновационные методы преподавания русского языка как иностранного в университете // *Grand Altai Research & Education* 2025. № S1 (23). С. 103–109.
7. Щукин А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 783 с.
8. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 277 с.
9. Федотова Н. Л. Методика преподавания русского языка как иностранного: практический курс. СПб: Златоуст, 2013. 192 с.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: (Референц. аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
11. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидоров М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, 2004. 541 с.
12. Балабас Н. Н. Виртуальная экскурсия как инновационный метод обучения иностранным языкам // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 5. Ч. 2. С. 162–164.
13. Карпеченко А. С., Карасева А. Ю. Виртуальные экскурсии как средство развития познавательного интереса // *Международный журнал экспериментального образования*. 2023. № 3. С. 22–26.
14. Хусаинова М. А., Гарифова О. А. Интеграция технологий виртуальной реальности в процесс обучения иностранным языкам: эффективность и методические подходы // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 11. С. 33.
15. Кшуманёва Е. А., Кикин П. М. Создание интерактивных кроссплатформенных панорамных туров // *Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Молодежь. Наука. Технологии»: сборник материалов*. Новосибирск: СГУГиТ, 2017. С. 35–39.

16. Щипицина Л. Ю. Жанровая характеристика виртуальной экскурсии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 3. С. 234–248.

REFERENCES

1. Guseynova T. V. Teaching foreign listeners to express the category of locativity at the elementary level of mastering the Russian language // *Kazan science*. 2025. No. 1. P. 203–205. (In Russ.)
2. Guseynova T. V. Developing skills in expressing the category of locativity in foreign listeners mastering the elementary and basic levels of proficiency in Russian // *Current issues in philology and methods of teaching Russian and foreign languages: collection of materials from the International scientific and practical conference / edited by T. G. Bukina*. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 79–83. (In Russ.)
3. Koshevarova Yu. A., Galieva D. A. Using the Wordwall platform in teaching English grammar // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 3 (101). P. 152–157. (In Russ.)
4. Nefedov I. V., Popova K. A. M-learning as an innovative tool in teaching Russian as a foreign language // *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2016. No. 3. P. 170–178. (In Russ.)
5. Pavlovskaya E. A. Use of digital technologies in the practice of teaching Russian as a foreign language at the preparatory faculty in a Russian university // *Philological sciences. Theory and practice issues*. 2024. Volume 17. Issue 10. P. 3650–3659. (In Russ.)
6. Pirogova N. G. Innovative methods of teaching Russian as a foreign language at the university // *Grand Altai Research & Education* 2025. No. S1 (23). P. 103–109. (In Russ.)
7. Shchukin A. N. Teaching speech communication in Russian as a foreign language: a teaching aid for teachers of Russian as a foreign language. Moscow: Russian language. Courses, 2012. 783 p. (In Russ.)
8. Passov E. I. Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication. Moscow: Russian language, 1989. 277 p. (In Russ.)
9. Fedotova N. L. Methods of teaching Russian as a foreign language: a practical course. St. Petersburg: Zlatoust, 2013. 192 p. (In Russ.)
10. Paducheva E. V. Statement and its correlation with reality: (Reference aspects of the semantics of pronouns). Moscow: Science, 1985. 271 p. (In Russ.)
11. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorov M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, 2004. 541 p. (In Russ.)
12. Balabas N. N. Virtual excursion as an innovative method of teaching foreign languages // *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2017. No. 5. Part 2. P. 162–164. (In Russ.)
13. Karpechenko A. S., Karaseva A. Yu. Virtual excursions as a means of developing cognitive interest // *International Journal of Experimental Education*. 2023. No. 3. P. 22–26. (In Russ.)
14. Khusainova M. A., Garifova O. A. Integration of virtual reality technologies into the process of teaching foreign languages: efficiency and methodological approaches // *International Research Journal*. 2024. No. 11. P. 33. (In Russ.)
15. Kshumaneva E. A., Kikin P. M. Creation of interactive cross-platform panoramic tours // *International scientific conference of students and young scientists “Youth. Science. Technologies”*: collection of materials. Novosibirsk: SGUGiT, 2017. P. 35–39. (In Russ.)
16. Shchipitsina L. Yu. Genre characteristics of a virtual excursion // *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2022. No. 3. P. 234–248. (In Russ.)

Информация об авторе:

Т. В. Гусейнова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

T. V. Guseynova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 81'42

ВЫРАЖЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Юлия Александровна Кошеварова¹, Олеся Алексеевна Безземельная²

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ olesik_2009@mail.ru, ² julia.rgfbgu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние газетных заголовков на формирование негативного имиджа Меган Маркл в медийном дискурсе. Авторы подчеркивают значимость газетного дискурса как инструмента распространения информации и формирования общественного мнения, акцентируя внимание на специфических функциях заголовков, в частности на их оценочно-экспрессивной функции. Исследование базируется на контент-анализе заголовков статей интернет-версии газеты “Daily Mail”, посвященных Меган Маркл, которая является одной из самых обсуждаемых фигур современности.

В ходе анализа выделены основные категории негативно окрашенных заголовков, такие как скандалы и конфликты, разрыв традиций, коммерциализация действий Меган и дискредитация. Заголовки подчеркивают сложные отношения Меган с королевской семьей, ее нарушение традиционных норм и амбиции в бизнесе, которые часто воспринимаются как жажда славы.

Ключевые слова: газетный дискурс, газетный заголовок, языковые средства, лингвистический анализ, оценочно-экспрессивная функция, негативное отношение.

Для цитирования: Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А. Выражение негативного отношения в газетных заголовках // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 141–147.

Original article

EXPRESSING NEGATIVE ATTITUDE IN NEWSPAPER HEADLINES

Yuliya A. Koshevarova¹, Olesya A. Bezzemelnaya²

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,

¹ olesik_2009@mail.ru, ² julia.rgfbgu@yandex.ru

Abstract. The article examines the influence of newspaper headlines on the formation of a negative image of Meghan Markle in media discourse. The authors emphasize the significance of newspaper discourse as a tool for disseminating information and shaping public opinion, focusing on the specific functions of headlines, particularly their evaluative and expressive functions. The study is based on a content analysis of the headlines of articles published in the online version of the newspaper “Daily Mail” that focus on Meghan Markle, who is one of the most talked-about figures of our time.

The analysis identifies the main categories of negatively colored headlines, such as scandals and conflicts, the breaking of traditions, the commercialization of Meghan’s actions, and discrediting. The headlines highlight Meghan’s complex relationship with the royal family, her violation of traditional norms, and her business ambitions, which are often perceived as a desire for fame.

Keywords: newspaper discourse, newspaper headline, linguistic means, linguistic analysis, evaluative-expressive function, negative attitude.

© Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А., 2025

For citation: Koshevarova Yu. A., Bezzemel'naya O. A. Expressing negative attitude in newspaper headlines // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 141–147. (In Russ.)

Введение

Газетный дискурс играет значимую роль в распространении информации, установлении культурных норм, а также в формировании общественного мнения. Его ключевыми элементами выступают газетные заголовки, чей уникальный статус определяется не только разнообразием функций, но и специфическими содержательными характеристиками. Заголовки газет – первое, что читает аудитория, они не только привлекают внимание к материалу, но и транслируют базовую информацию о статье.

Изучению газетных заголовков посвящено множество работ А. С. Попова [1], А. Сафонова [2], И. Г. Кошевой [3], А. Белла [4], В. Л. Музыканта [5], В. Г. Костомарова [6], Г. Я. Солганика [7] и др.

Однако научные труды по изучению воздействующего лингвистического потенциала газетных заголовков являются недостаточно разработанными, что определяет актуальность исследования.

Объектом исследования являются заголовки газет, посвященные Меган Маркл, являющейся одной из наиболее обсуждаемых фигур современности, так как ее публичный имидж подвергается резкой критике и неоднозначным интерпретациям. Многие заголовки окрашены в негативный свет, что отражает существующие предвзятости и стереотипы, связанные с ее высказываниями, образом жизни и поведением после выхода из королевской семьи. Предмет исследования – языковые средства, используемые для выражения негативных установок и предвзятости в заголовках о Меган Маркл.

Цель исследования: определить и проанализировать языковые средства выражения негативных установок в заголовках газет. Для достижения данной цели можно выделить следующие задачи:

1. Сбор и анализ выборки заголовков.
2. Идентификация языковых средств.
3. Выявление риторических приемов.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили заголовки статей интернет-версии газеты “DailyMail”¹ о Меган Маркл.

В ходе исследования были использованы следующие методы: контент-анализ, лингвистический и дискурсивный анализ.

Обсуждение

В. Н. Комиссаров определяет прагматический потенциал текста, включая заголовки, как способность производить эмоциональный коммуникативный эффект, формировать прагматические отношения к информации и оказывать воздействие на реципиента [8, с. 209]. Такой подход подчеркивает важность заголовка в контексте передачи смысла и создания определенного настроения у читателя. П. М. Зекиева акцентирует внимание на том, что мастерски составленный заголовок способен достигать эффекта воздействия и убеждения читателя [9, с. 95].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что умение создавать заголовок с высоким прагматическим потенциалом является ключевым аспектом эффективной коммуникации в газетных текстах.

Существует множество формулировок и определений понятия «заголовок», каждое из которых отражает уникальный аспект его сущности и назначения. В общем плане, в прототипичной модели новостного дискурса Т. ван Дейка заголовок несет на себе важнейшую коммуникативную нагрузку, настраивая читателя на тональность статьи и помогая ему предугадать содержание публикации [10].

Исследователь И. А. Рудницкая определяет заголовок как «коммуникативное сообщение, прагматической установкой кото-

¹ DailyMail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/home/index.html> (дата обращения: 30.06.2025).

рого является адекватная передача замысла автора статьи с целью побуждения читателей к прочтению его материала. В корпусе текста газеты заголовки выделяются как особая лингвистическая единица, призванная в броской и краткой форме предупредить читателя о содержании статьи, облегчая тем самым ее восприятие» [11, с. 159].

И. Н. Соколова называет заголовок «сгустком информации», который в сжатом виде передает содержание текста и помогает читателю предположить его общий смысл еще до начала чтения [12, с. 61]. По мнению В. В. Богуславской, заголовок является важной «узловой» точкой журналистского текста, «сигналом его семантической наполненности» [13].

Таким образом, заголовок может рассматриваться как ключ к тексту, привлекающий внимание и задающий тон, или как структурный элемент, упорядочивающий информацию и придающий ей смысл. В различных контекстах он несет как информативную, так и эстетическую нагрузку, открывая перед читателем целый мир значений и интерпретаций.

Обратимся к функциям газетных заголовков. Э. А. Лазарева пишет о следующих:

1. Графически-выделительная функция. Эта функция реализуется не языковыми средствами, а с помощью графических инструментов. Она имеет большое значение, так как форма, цвет, шрифт и расположение на странице заставляют читателей предпочитать одни материалы другим. Непроизвольное внимание, привлекаемое заголовком, первично и может сменяться произвольным, контролируемым сознанием.

2. Номинативная функция. Заголовки выполняют функцию наименования текста. В данном контексте особенно важен точный выбор слова, которое не должно противоречить содержанию материала.

3. Информативная функция. Заголовок уже содержит часть информации, привлекая внимание заинтересованных читателей к материалу определенной тематики.

4. Рекламная функция. Рекламный заголовок формирует психический настрой чи-

тателя, направляя его внимание на конкретную газетную публикацию.

5. Оценочно-экспрессивная функция. Эта функция представляет наибольший интерес, поскольку связана с эмоциональным воздействием заголовка, которое часто достигается за счет языковой игры. Заголовок может создавать стилистические текстовые эффекты, позволяя читателю акцентировать внимание на отдельных оценочных или смысловых частях публикации.

6. Интегративная функция. В рамках этой функции происходит связь заголовка с текстом, используя различные лексические и грамматические средства. Преднамеренное нарушение этих средств или связь только на смысловом уровне также могут выступать элементом языковой игры.

7. Композиционная функция. Эта функция подразумевает, что заголовок предсказывает структуру текста, его деление на главы [14, с. 34].

Для цели нашей работы интерес представляет именно оценочно-экспрессивная функция заголовка, ведь, по справедливому замечанию А. Цуладзе, современный текст газеты должен «зацепить» читателя, неся в себе откровенную или завуалированную оценку, отражая активную авторскую позицию [15]. В нашем случае – выражать негативное отношение.

Результаты

С коммуникативно-прагматической точки зрения нами в ходе анализа эмпирического материала были выделены следующие разновидности негативно-окрашенных заголовков:

1. Скандалы и конфликты.

Представленные заголовки акцентируют внимание на конфликтах, как внутри королевской семьи, так и с другими известными личностями или СМИ. Часто это связано с освещением отношений Меган Маркл с Кейт и Уильямом, а также с монархией: *Meghan Markle's tech entrepreneur friend says conspiracy theorists claiming duchess was never pregnant and wore a 'moonbump' are making her life a 'nightmare' (24/06/25 18:42)*. Заголовок концентрируется на тео-

рии заговора и личной драме, что усиливает интригу. Существительные “moonbump” и “nightmare” создают эмоциональную окраску, подчеркивая сложные условия, с которыми сталкивается Меган; *Calls for South Park to take a second bite out of Meghan and Harry: New ‘Respect our pregnancy’ joke appears online after Duchess’s latest social media posts (18/06/25 18:57)*. Через сатиру выражается общественное восприятие и критика, касающиеся личной жизни супружеской четы. Фраза “to take a second bite out of” метафорична и подразумевает «повторную атаку» на репутацию Меган и Гарри; *Meghan Markle’s twerking video backfires: Duchess deliberately released clip to debunk claims she had fake baby bump – but has instead reignited conspiracy theories over her pregnancy, expert claims (06/06/25 13:33)*. Детализируется конфликт вокруг личной жизни Герцогини с использованием общественного мнения. Глагол “to backfire” указывает на непредвиденное негативное последствие, что усиливает критику; *‘It’s just beyond embarrassing’: Royal expert gives her sharp reaction to Meghan Markle’s cringeworthy ‘Baby Mama’ twerking video (06/06/25 11:22)*. Воссоздается негативное общественное восприятие действий Меган. Определение “cringeworthy” создает визуальный и эмоциональный эффект, побуждая читателя почувствовать неловкость; *Fury as Meghan Markle accused of ‘breaking agreement’ with the late Queen after podcast revelation (29/04/25 01:24)*. Фокус на конфликтах внутри монархии и последствиях раскрытия информации. Использование выражения “breaking agreement” указывает на нарушение традиций, что особенно резонирует с британской аудиторией; *Harry and Meghan are accused of hypocrisy over Montecito ‘royal’ court after they decried life as royals – as experts ridicule new group as ‘expensive bureaucrats trying to save their brand’ (25/05/25 17:28)*. Анализируются противоречия в поведении Меган и Гарри, а также выражается критика со стороны экспертов. Эмоционально окрашенные лексические единицы “hypocrisy” и “expensive bureaucrats” создают негатив-

ную характеристику и ставят под сомнение искренность герцогов; *The shocking future of Harry and Meghan’s marriage – and why their relationship with the royal family will get WORSE according to New Nostradamus who foresaw Covid and death of the Queen (02/05/25 20:45)*. Сосредоточенность на сложных отношениях между личной жизнью и представителями монархии. Определение “shocking” усиливает ожидания читателей; *Netflix’s savage Meghan restaurant snub: Insiders say Duchess is being ‘completely ignored’ by execs and ‘patience is wearing thin’ (30/04/25 21:22)*. Подчеркиваются предполагаемые конфликты в профессиональной среде и общественные ожидания. Определения “savage” и “completely ignored” создают мощный негативный эмоциональный окрас.

2. Разрыв традиций.

Меган Маркл часто предстает как фигура, нарушающая устоявшиеся королевские традиции и нормы. Заголовки могут подчеркивать ее «неприемлемое» поведение, стиль одежды или выбор жизненного пути, а именно – нарушение протокола в значимых моментах. Словосочетание “to break a royal protocol” несет в себе коннотацию осуждения, помещая Меган в роль антигероя, бросающего вызов традициям: *Revealed: The 16 times Meghan Markle broke royal protocol – and she even did it in her engagement photos (24/05/25 11:31)*; *How Meghan Markle broke Royal protocol on her wedding day to Prince Harry, including swearing after the ceremony (19/05/25 11:19)*; *Meghan broke royal protocol when she attended Trooping the Colour according to etiquette expert, writes ELIZA SCARBOROUGH (13/04/25 16:46)*.

3. Коммерциализация и амбиции.

Некоторые заголовки акцентируют внимание на коммерческих инициативах Меган Маркл, рассматривая их как жажду славы или финансовой выгоды, что часто представлено в негативном свете, усиливая образ «предателя» королевской семьи: *‘Meghan Markle is accused of ‘gaming’ fans after her new As Ever products sold out within just minutes’ (20/06/25 23:21)*. Насмешливый тон, с акцентом на том, что успех продуктов

можно трактовать как манипуляцию фанатами. Глагол “gaming” в контексте указывает на манипуляцию или обман, что создает негативное восприятие действий Меган. Это также подразумевает, что ее действия представляют собой лишь коммерческую стратегию, а не искреннее желание предложить что-то ценное; “‘Meghan’s an influencer, Sophie has real influence’: Royal expert’s damning verdict on Harry’s wife ‘wasting her potential’ on jam and rosé – while Duchess of Edinburgh visits war zones and champions women’s rights” (09/06/25 19:57). Упоминание о “jam and rosé” в качестве деятельности Маркл звучит пренебрежительно, что усиливает представление о ее работах как второстепенных по сравнению с более серьезными усилиями других членов королевской семьи. Словосочетание “damning verdict” создают ощущение окончательности и осуждения, подчеркивая негативное мнение эксперта; “‘It’s like Martha Stewart’s child meets Goop crashed a royal garden party’: Scathing experts say Meghan ‘just sells vibes and aspirations’...with ‘less strategy, more scented candle of confusion’” (28/05/25 15:37). Критический и насмешливый тон, что усиливает восприятие Меган Маркл как легкомысленной фигуры. Выражение “to sell vibes and aspirations” демонстрирует недостаток конкретного содержания в продукции Меган Маркл, подчеркивая ее непрактичность; “I bought all eight of Meghan Markle’s As Ever range... here’s why they’re a MASSIVE rip off and the product I could not stand” (10/04/25 20:09). Агрессивный и негативный тон, что усиливает предубеждение читателей против товаров Меган Маркл. Словосочетание “MASSIVE rip off” сигнализирует о значительном разочаровании и подчеркивает восприятие продукции как обманчивой; “Revealed: Meghan Markle’s As Ever online shop is run by ‘truly awful’ US web firm accused of flogging items that never existed – as duchess faces claims of using ‘marketing ploy’ to boost sales and harvest data” (03/04/25 15:58). Интригующий и сенсационный тон, акцентирующий недоверие к бизнес-практикам Меган Маркл. Фразы “truly awful” и

“flogging items that never existed” значительно усиливают негативное восприятие.

4. Дискредитация.

Поведение Меган Маркл часто подвергается критике в медийном пространстве: *Meghan Markle criticized for bedtime ritual for Archie and Lili – as people say it’s not believable* (29/04/25 21:14). Заголовок создает контраст между личной и публичной жизнью. Глагол “to criticize” сразу обозначает негативный аспект статьи. Выражение “Bedtime ritual” несет положительный смысл, но в контексте критики приобретает негативный оттенок; *Expert slams ‘calculating’ Meghan Markle for glaring ‘inconsistencies’* (07/06/25 11:20). Глагол “to slam” вносит динамику и создает образ конфликта, в то время как выражение “glaring inconsistencies” подчеркивает идею о недостоверности и спекуляциях; *Meghan Markle accused of ‘gaming’ fans after her new As Ever products sold out within just minutes* (20/06/25 23:21). Заголовок звучит критично, акцентируя возможную нечестность Меган Маркл и обостряя споры вокруг ее образа. Глагол “to accuse” указывает на конфликт, а “to game” подразумевает манипуляцию, что имеет в виду недобросовестное поведение.

Заключение

В данном исследовании мы рассмотрели негативно окрашенные заголовки, связанные с Меган Маркл, и выделили несколько основных категорий, отражающих ее образ в медиа. Изучение эмпирического материала показало, что в заголовках преобладают темы, связанные со скандалами и конфликтами, разрывом традиций, коммерциализацией и дискредитацией.

С точки зрения коммуникативно-прагматического анализа заголовки, акцентирующие внимание на скандалах и конфликтах, проливают свет на сложные взаимодействия между Меган Маркл и королевской семьей, а также на общественное мнение о ее роли в монархии. Разрыв традиций становится важным аспектом в формировании негативного имиджа, инициированного традиционными ожиданиями и нормами королевского

двора. Коммерциализация действий Меган Маркл часто трактуется как жажда славы и финансовой выгоды, что еще больше усугубляет ее негативный образ. Наконец, дискредитация, проявляющаяся в резкой смене восприятия, создает двусмысленность о ее

истинной роли и мотивах.

Таким образом, исследование подчеркивает важность критического анализа и осознания тех механизмов, через которые СМИ формируют общественное мнение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 95–166.
2. Сафонов А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров / под ред. Д. Розенталя. М., 1981. 229 с.
3. Кошечкина И. Г. Название как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. 1982. № 2. С. 66–92.
4. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 1991. 287 p.
5. Музыкант В. Л. Газетный заголовок и его особенности // Актуальные проблемы лингвистики и журналистики. М.: Изд-во УДН, 1992. С. 208–214.
6. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
7. Солганик Г. Я. Специфика языка газеты как формы массовой коммуникации. М., 2007. 345 с.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
9. Зекиева П. М. Заголовочный комплекс в газете как макроструктура имени статьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. 2011. Вып. 2. С. 94–99.
10. Van Dijk T. Structures of news in the press. In: (Ed.) Discourse and Communication. Berlin: De Gruyter, 1985. P. 69–93.
11. Рудницкая И. А. Прагматическая направленность газетного заголовка // Вопросы лексикологии и стилистики французского языка: сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1981. Вып. 177. С. 157–179.
12. Соколова И. Н. Вариативность восприятия медиа-текстов как репрезентация многообразия отношений в коммуникативной системе «человек-социум» (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 175 с.
13. Богуславская В. В. Особенности моделирования текста средств массовой информации и коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 70–81.
14. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 96 с.
15. Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. М.: Университет, 1999. 143 с.

REFERENCES

1. Popov A. S. Syntactic structure of modern newspaper headlines and its development // Development of syntax of the modern Russian language. Moscow, 1966. P. 95–166. (In Russ.)
2. Safonov A. Stylistics of newspaper headlines // Stylistics of newspaper genres / edited by D. Rosenthal. Moscow, 1981. 229 p. (In Russ.)
3. Koshevaya I. G. Title as a coded idea of the text // Foreign languages at school. 1982. No. 2. P. 66–92. (In Russ.)
4. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 1991. 287 p. (In Eng.)
5. Muzykant V. L. Newspaper headline and its features // Actual problems of linguistics and journalism. Moscow: Publishing house of UDN, 1992. P. 208–214. (In Russ.)
6. Kostomarov V. G. Our language in action: essays on modern Russian stylistics. Moscow: Gardariki, 2005. 287 p. (In Russ.)

7. Solganik G. Ya. Specifics of the newspaper language as a form of mass communication. Moscow, 2007. 345 p. (In Russ.)
8. Komissarov V. N. Translation theory (linguistic aspects). Moscow: Higher school, 1990. 253 p. (In Russ.)
9. Zekieva P. M. The headline complex in the newspaper as a macrostructure of the article name // Bulletin of Adyghe State University. Series Philology and Art Criticism. 2011. Issue 2. P. 94–99. (In Russ.)
10. Van Dijk T. Structures of news in the press. In: (Ed.) Discourse and Communication. Berlin: De Gruyter, 1985. P. 69–93. (In Eng.)
11. Rudnitskaya I. A. Pragmatic focus of a newspaper headline // Issues of lexicology and stylistics of the French language: collection of scientific papers of the M. Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Moscow, 1981. Issue 177. P. 157–179. (In Russ.)
12. Sokolova I. N. Variability of perception of media texts as a representation of the diversity of relations in the communicative system “person-society” (experimental study): diss. ... Cand. of Philology. Ulyanovsk, 2006. 175 p. (In Russ.)
13. Boguslavskaya V. V. Features of modeling the text of mass media and communication // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2004. No. 1. P. 70–81. (In Russ.)
14. Lazareva E. A. Headline in the newspaper. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural University, 1989. 96 p. (In Russ.)
15. Tsuladze A. Formation of the image of a politician in Russia. Moscow: University, 1999. 143 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ю. А. Кошеварова, кандидат филологических наук;
О. А. Безземельная, без ученой степени.

Information about the authors:

Yu. A. Koshevarova, Candidate of Philology;
O. A. Bezzemel'naya, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 26.09.2025.

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Виктория Викторовна Посиделова¹, Анна Викторовна Резникова²,
Лидианна Владимировна Чунахова³

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

^{2,3} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ v_posid@bk.ru, ² annreznikova@yandex.ru, ³ dilana@bk.ru

¹ ORCID: 0000-0002-5353-0086, ² ORCID: 0000-0002-9060-3889,

³ ORCID: 0000-0003-3600-3556

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию функционирования фразовых глаголов в англоязычном юридическом дискурсе. Авторы исследуют специфику юридического дискурса как отдельного вида коммуникации, выявляя его характерные особенности. В работе рассматривается роль фразовых глаголов в создании точности, лаконичности, экспрессивности юридических текстов. Авторы анализируют случаи употребления фразовых глаголов в поджанрах юридического дискурса (на материале текстов конвенций). Особое внимание уделяется сложностям, возникающим при переводе фразовых глаголов с английского языка на русский, обусловленным их многозначностью, идиоматичностью и отсутствием эквивалентов в языке перевода. Предлагаются стратегии и способы адекватной передачи значения фразовых глаголов с учетом контекста. Исследование направлено на повышение качества юридического перевода и облегчение коммуникации между специалистами в области права, использующими английский и русский языки в своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: юридический дискурс, фразовые глаголы, лексическая трансформация, грамматическая трансформация, лексико-грамматическая трансформация.

Для цитирования: Посиделова В. В., Резникова А. В., Чунахова Л. В. Фразовые глаголы в англоязычном юридическом дискурсе и способы их передачи на русский язык // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 148–154.

Original article

PHRASAL VERBS IN ENGLISH LEGAL DISCOURSE AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Victoria V. Posidelova¹, Anna V. Reznikova², Lidianna V. Chunakhova³

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

^{2,3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ v_posid@bk.ru, ² annreznikova@yandex.ru, ³ dilana@bk.ru

¹ ORCID: 0000-0002-5353-0086, ² ORCID: 0000-0002-9060-3889,

³ ORCID: 0000-0003-3600-3556

Abstract. The article considers the study of the functioning of phrasal verbs in English-language legal discourse. The authors explore the specifics of legal discourse as a separate type of communication, identifying its characteristic features. The paper examines the role of phrasal verbs in creating accuracy, conciseness, and expressiveness of legal texts. The authors analyze the cases of the use of phrasal verbs in the subgenres of legal discourse (based on the texts of conventions). Particular attention is paid to the difficulties that arise when translating phrasal verbs from English into Russian, due to their polysemy, idiomaticity, and lack of equivalents in the target language. Strategies and ways for adequately conveying the meaning of phrasal verbs, taking into account the context, are proposed. The research aims to improve the quality of legal translation

and facilitate communication between legal professionals who use English and Russian in their professional activities.

Keywords: legal discourse, phrasal verbs, lexical transformation, grammatical transformation, lexical and grammatical transformation.

For citation: Posidelova V. V., Reznikova A. V., Chunakhova L. V. Phrasal verbs in English legal discourse and ways of their translation into Russian // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 148–154. (In Russ.)

Введение

Юридический дискурс является важным элементом для поддержания правовых и международных отношений. С помощью юридического дискурса государства закрепляют определенные права, свободы и обязанности своих граждан, формируют тексты законопроектов. Юридический текст способствует правовому регулированию и стабильности правоотношений. При рассмотрении вопроса о содержании понятия юридического дискурса важно помнить, что дискурс как философская категория носит дискуссионный характер – несмотря на растущую популярность термина, ученые до сих пор не могут прийти к единой трактовке данного феномена [1, с. 126]. Как правило, дискурс сопоставляют с такими понятиями, как высказывание, речь, речевая деятельность, текст, диалог, коммуникативная ситуация [2, с. 123]. Сложность определения дискурса обусловлена тем, что он имеет динамический характер и приводит к образованию статической структуры – текста [3, с. 9]. Дискурс представляет собой коммуникативное событие, которое происходит между говорящим и слушающим в определенном временном отрезке и пространственном контексте [4, с. 164].

Отечественные специалисты, занимающиеся вопросами дискурса, утверждают, что дискурс возникает в определенном смысловом поле и передает определенные смыслы, нацелен на коммуникативное действие [5, с. 361].

Эти смыслы передаются особой лексикой, специфическими языковыми конструкциями, которые формируются в специфической языковой среде. В связи с этим сам термин «дискурс» требует уточнения – научный дискурс, философский дискурс, политический дискурс и т. д.

В лингвистике принято рассматривать два вида дискурса: персональный и институциональный. Персональный дискурс подразумевает бытовое и бытийное межличностное общение [6, с. 346], в то время как институциональный дискурс строится на речевом взаимодействии представителей различных социальных групп [7, с. 145]. В рамках данного подхода представляется логичным выделить в качестве самостоятельного типа институционального дискурса юридический дискурс.

В современной лингвистике рассмотрением особенностей юридического дискурса занимались такие ученые, как И. В. Палашевская, М. В. Торгашева, Е. А. Кожемякин, О. В. Косоногова, Л. А. Борисова и др.

Исследование специфики использования фразовых глаголов в англоязычном юридическом дискурсе и особенностей их перевода на русский язык представляет собой цель настоящей научной статьи.

Методы исследования

При изучении материала и сборе информации были использованы метод анализа и синтеза научных источников и англоязычных юридических словарей по рассматриваемому вопросу, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического описания, а также методы статистической обработки данных.

Результаты исследования

Употребление фразовых глаголов в англоязычном юридическом дискурсе становится своего рода тенденцией. Частота их использования возрастает с каждым годом, благодаря чему документация юридического характера воспринимается более конкретно и ясно [8]. Юридический дискурс требует однозначности как в речи, так и в любой правовой литературе, особенно в до-

кументах, обладающих юридической силой. По этой причине подбор лексики и терминологии общеупотребительного характера для составления юридических документов необходимо осуществлять с особым вниманием [9, с. 82]. Однако за сложной терминологией и официально-деловым стилем юридического дискурса скрывается такой элемент языка, как фразовые глаголы – конструкции из смыслового глагола и послелого, выраженного предлогом или наречием. Однако большинство фразовых глаголов, используемых в юридических документах, имеют структуру, в состав которой входит как глагол с послелогом, так и глагол с дополнением. К примеру: *to base on smth* – основываться на чем-то, *to deal in smth* – торговать чем-то, *to deal with smth* – иметь отношение к чему-то, *to lay down smth* – устанавливать что-либо, *отказываться от чего-то* и т. д.

Употребление фразовых глаголов в англоязычном юридическом дискурсе играет важную роль – они приобретают узкоспециализированное значение, в результате чего начинают относиться к терминам юридического дискурса [10, с. 284].

Глагольные фразовые единицы приобрели популярность употребления в юридическом дискурсе благодаря своей способности кратко и четко выражать модальность, возможность, обязанность или вероятность; обозначать действия и процессы, а также добавлять изложению логичность, динамичность и оживленность наряду с лаконичностью. Чаще всего глагольные фразовые единицы употребляются как заготовленные речевые формулы: *The police cleared the crime up.* – Полиция раскрыла преступление [11, с. 180].

Глагольные фразовые единицы занимают все более устойчивое положение в англоязычном юридическом дискурсе. Они дают возможность исключения многословности,

обеспечивают органичность и единство изложения [10, с. 285]. Однако в то же время фразовые глаголы обладают такими особенностями, как многозначность и идиоматичность, что может представлять собой потенциальную проблему при их интерпретации.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа использования фразовых глаголов в юридическом дискурсе, выявления особенностей лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций при переводе английских фразовых глаголов с английского языка на русский. Материалами данного исследования послужили “United Nations Convention Against Transnational Organized Crime And The Protocols Thereto” (New York, 2004) (Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности) и “European Convention On Human Rights” (Европейская конвенция по правам человека)¹.

В ходе работы были выделены 35 фразовых глаголов и рассмотрены способы их передачи на русский язык, в частности лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации [12, с. 47].

Лексические трансформации используются в случаях, когда в оригинальном тексте встречаются слова, не имеющие эквивалента в культуре языка перевода. Это могут быть терминоподобные единицы – имена собственные, профессионализмы, жаргонизмы, эпонимы и т. д. [13, с. 51]. К основным видам лексических трансформаций относятся такие приемы, как транслитерация и транскрибирование. Данные способы необходимы при передаче на язык перевода таких слов, как географические названия, имена собственные, названия организаций, терминология и т. д. Однако при переводе глагольных фразовых единиц в юридическом дискурсе данные виды лексических трансформаций не используются, так как каждое

¹ European Convention on Human Rights, 1950. 34 с.; United Nations Convention against Transnational Organized Crime and The Protocols Thereto. New York, 2004. 92 с.; Европейская конвенция по правам человека, 1950 (Russian version). 34 с.; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, 2004 (Russian version). 92 с.

государство имеет свой правовой строй, и при переводе фразовых глаголов важно учитывать, что переводимую информацию необходимо соотносить с правовой системой государства, где будет использован перевод.

Природа калькирования состоит в образовании новой лексической единицы или устойчивого сочетания в переводящем языке с учетом повторения оригинальной лексической единицы [14, с. 25]. Порой при переводе с использованием приема калькирования происходит изменение структуры расположения элементов, на которых употребляется данный прием. Приведем примеры калькирования некоторых фразовых глаголов в юридическом дискурсе: *to bring in a verdict of guilty* – **признать виновным**; *to serve on a jury* – **исполнять обязанности присяжного заседателя**.

Одним из способов перевода фразеологических единиц с английского языка на русский в юридическом дискурсе являются лексико-семантические замены – конкретизация, генерализация и модуляция. При переводе фразовых глаголов в юридическом дискурсе с использованием приема конкретизации необходимо учитывать контекст. Например, *to deal with a case* – **вести процесс**; *to lead for the prosecution* – **возлагать обвинение**; *to break out of prison* – **совершить побег из тюрьмы**.

Генерализация используется в качестве метода прямо противоположного конкретизации. Благодаря генерализации исчезает необходимость уточнения в переводе. Однако этот прием также не является популярным при переводе фразовых глаголов с английского языка на русский в контексте юридического дискурса.

Модуляция (смысловое развитие) – это прием перевода, при котором фразовый глагол в юридическом дискурсе заменяется единицей, значение которой выводится из значения исходного глагола [14, с. 28]. Употребление данного приема позволяет сохранить общий смысл текста, избегая

дословного перевода. Приведем некоторые примеры модуляции при переводе фразовых глаголов в юридическом дискурсе. Перевод фразового глагола *refer to* осуществляется в зависимости от контекста. В юридическом дискурсе он может означать «ссылаться», «упоминать», «передавать на чье-либо рассмотрение» или «иметь отношение». В процессе перевода подбирается наиболее подходящий эквивалент, например, «передавать дело в суд» или «относиться к правонарушителям» и т. д.

Что касается приема грамматических трансформаций, они считаются более легкими в использовании. В частности, речь идет о дословном переводе, членении предложения, объединении предложения и грамматических заменах [14, с. 29]. При переводческих трансформациях глагольных фразовых единиц такие приемы, как членение и объединение предложений, в анализируемых текстах не были обнаружены.

В большинстве рассматриваемых случаев мы наблюдали дословный перевод (синтаксическое уподобление), при использовании которого происходит преобразование синтаксической структуры английского фразового глагола в аналогичную конструкцию в языке перевода. Применяется только при условии наличия в обоих языках параллельных синтаксических структур. Например: *The Court may only deal with the matter after all domestic remedies have been exhausted, according to the generally recognised rules of international law, and within a period of six months from the date on which the final decision was taken*¹. – Суд может **принять дело к рассмотрению** после того, как были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, в течение шести месяцев с момента вынесения национальными органами окончательного решения по делу².

Под грамматической заменой подразумевают отказ от использования эквивалент-

¹ European Convention on Human Rights, 1950. 34 с.

² Европейская конвенция по правам человека, 1950 (Russian version). 34 с.

ных грамматических форм при переводе. Грамматическим заменам зачастую подвергаются части речи, члены предложений и словоформы. Например, *Without prejudice to article 18, paragraph 13, of the Convention, each State Party shall identify a national body or a single point of contact to act as liaison between it and other States Parties on matters relating to this Protocol. (см. 78)¹. – Без ущерба для положений пункта 13 статьи 18 Конвенции каждое государство-участник назначает национальный орган или должностное лицо для поддержания связей между государствами-участниками по вопросам, относящимся к настоящему Протоколу².*

Теперь перейдем к рассмотрению приемов лексико-грамматических трансформаций. Эти трансформации подразделяют на антонимический перевод, экспликацию (описательный перевод) и компенсацию [14, с. 31].

Антонимическим переводом называется перевод, при котором происходит трансформация оригинальной единицы в единицу, противоположную ей по значению. В случае, если исходная языковая единица имеет отрицательное значение, происходит ее замена на единицу утвердительного значения, или наоборот, утвердительного на отрицательное. Например, *No one shall be subjected to torture or to inhuman or degrading treatment or punishment (p. 6 Article 3)³. – Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному отношению, ни унижающему достоинство обращению или наказанию⁴.* Следует отметить, что антонимический перевод зачастую становится единственно возможным вариантом при переводе фразовых глаголов.

Приемы лексико-грамматических трансформаций (экспликаций) в анализируемых нами текстах не были обнаружены. Объяс-

нить это, на наш взгляд, можно достаточным наличием в русском языке эквивалентов английских фразовых глаголов в юридическом дискурсе [14, с. 32].

Методом компенсации определяют способ перевода с осуществлением восполнения утраченной в процессе перевода единицы каким-либо другим средством, что позволяет компенсировать утраченный смысл в переводящем языке. При этом порой лексические и грамматические средства исходного языка могут заменять друг друга [15, с. 15].

Применение методов статистической обработки данных позволило прийти к определенным выводам. Самыми популярными способами перевода стали модуляции как вид лексических трансформаций; замена части речи, члена предложения и синтаксическое уподобление как вид грамматических трансформаций, а также антонимический перевод и компенсация как виды лексико-грамматических трансформаций.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что фразовые глаголы в юридических документах встречаются довольно часто – в текстах 2 конвенций было обнаружено 35 случаев употребления фразовых глаголов. Проанализировав основные переводческие трансформации, используемые при переводе данных фразовых глаголов с английского языка на русский, выяснилось, что только некоторые из рассматриваемых типов трансформаций можно применять при переводе исследуемых языковых единиц.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа фразовых глаголов, используемых в «Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» и «Европейской конвенции по правам человека» было

¹ United Nations Convention against Transnational Organized Crime and The Protocols Thereto. New York, 2004. 92 с.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, 2004 (Russian version). 92 с.

³ European Convention on Human Rights, 1950. 34 с.

⁴ Европейская конвенция по правам человека, 1950 (Russian version). 34 с.

выявлено, что при переводе фразовых глаголов чаще всего используются следующие виды грамматических трансформаций: синтаксическое уподобление (68 %), грамматическая замена (12 %); следующие виды лексико-грамматических трансформаций: антонимический перевод (10 %) и компенсация (7 %); реже лексические трансформации, в частности модуляция (3 %).

Проведенное исследование доказывает, что фразовые глаголы являются неотъемлемой частью английского языка и находят широкое применение в юридическом дискурсе, обогащая его и превращая в инструмент социального регулирования. Однако знание

юридической терминологии само по себе не способствует пониманию [16, с. 149]. По всей видимости, наличие фразовых глаголов может вызвать затруднения. При переводе данных единиц на русский язык необходимо учитывать разнообразие и идиоматичность их значений, а также неоднородность функционирования. Использование различных типов словарей, соблюдение рекомендаций по контекстуальному анализу, выбору синонимов и антонимов позволят переводчикам обогатить свой словарный запас и более тщательно подбирать эквиваленты в русском языке с учетом культурных реалий и юридических особенностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова Е. А. Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 126–135.
2. Емельянова А. М. Реализация основных риторических законов в юридическом дискурсе (на примере преподавания языковых дисциплин адъюнктам) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 122–127.
3. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи. Саратов: КГУ, 2010. 41 с.
4. Резникова А. В., Чунахова Л. В. Экстремистский дискурс в современной блогосфере: судебная лингвистическая экспертиза медиатекстов как мера противодействия экстремизму // Философия права. 2025. № 1 (112). С. 163–169.
5. Романовская Л. Р. Юридический дискурс и его роль в изменении законодательства // Юридическая техника. 2023. №17. С. 359–361.
6. Данилова С. А. Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Псков, 2015. С. 345–349.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Reznikova A., Kosareva E., Dyshekova O. Legal Linguistics Challenges: Legal Language Adaptation in the Framework of the Russian Federation Language // E3S Web Of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021. С. 11034.
9. Басенко И. М. Изучение фразовых глаголов в юридических науках как перспективное направление исследования // Всероссийский научный журнал. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 6. 2020. С. 82–84.
10. Уматова Ж. М., Алимбаева А. Т. Особенности перевода фразовых глаголов в юридической литературе // Языки. Культуры. Перевод. Москва, 2015. С. 283–290.
11. Чибисова Е. Ю. Английские фразовые глаголы и их употребление в юридических документах // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. Ч. 3. С. 178–181.
12. Комиссаров В. Н. Теория перевода. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
13. Казакова Т. А. Практические основы перевода. Санкт-Петербург: Перспектива: Союз, 2008. 319 с.
14. Паршин А. Теория и практика перевода. Москва: Издательство «Русский язык», 2000. 53 с.
15. Богатская Е. Ю., Невольникова С. В. Переводчик в сфере профессиональной коммуникации // Курс лекций по теории перевода. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2011. 37 с.
16. Искандарова Г. Р. Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 144–150.

REFERENCES

1. Petrova E. A. Study of invective vocabulary in conflict discourse // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (95). P. 126–135. (In Russ.)
2. Emelyanova A. M. Implementation of the main rhetorical laws in legal discourse (on the example of teaching language disciplines to adjuncts) // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 122–127. (In Russ.)
3. Dubrovskaya T. V. Judicial discourse: speech behavior of a judge. Saratov: KSU, 2010. 41 p. (In Russ.)
4. Reznikova A. V., Chunakhova L. V. Extremist discourse in the modern blogosphere: forensic linguistic examination of media texts as a measure to counter extremism // Philosophy of Law. 2025. No. 1 (112). P. 163–169. (In Russ.)
5. Romanovskaya L. R. Legal discourse and its role in changing legislation // Legal technology. 2023. No. 17. P. 359–361. (In Russ.)
6. Danilova S. A. Typology of discourse // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Pskov, 2015. P. 345–349. (In Russ.)
7. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russ.)
8. Reznikova A., Kosareva E., Dyshekova O. Legal Linguistics Challenges: Legal Language Adaptation in the Framework of the Russian Federation Language // E3S Web Of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021. P. 11034. (In Eng.)
9. Basenko I. M. The study of phrasal verbs in legal sciences as a promising area of research // All-Russian scientific journal. Humanities, socio-economic and social sciences. No. 6. 2020. P. 82–84. (In Russ.)
10. Umatova Zh. M., Alimbaeva A. T. Features of the translation of phrasal verbs in legal literature // Languages. Cultures. Translation. Moscow, 2015. P. 283–290. (In Russ.)
11. Chibisova E. Yu. English phrasal verbs and their use in legal documents // Almanac of modern science and education. Tambov: Gramota, 2009. No. 2. Part 3. P. 178–181.
12. Komissarov V. N. Theory of translation. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 253 p. (In Russ.)
13. Kazakova T. A. Practical foundations of translation. St. Petersburg: Perspektiva: Soyuz, 2008. 319 p. (In Russ.)
14. Parshin A. Theory and practice of translation. Moscow: Izdatelstvo “Russkiy Yazyk”, 2000. 53 p. (In Russ.)
15. Bogatskaya E. Yu., Nevolnikova S. V. Translator in the field of professional communication // Lecture course on translation theory. Rostov-on-Don: DSTU, 2011. 37 p. (In Russ.)
16. Iskandarova G. R. Legal text: boundaries of understanding and language optimization // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 144–150. (In Russ.)

Информация об авторах:

В. В. Посиделова, кандидат филологических наук;
А. В. Резникова, кандидат социологических наук;
Л. В. Чунахова, кандидат филологических наук.

Information about the authors:

V. V. Posidelova, Candidate in Philology;
A. V. Reznikova, Candidate of Sociology;
L. V. Chunakhova, Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 23.05.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 378.126

**ПОНЯТИЕ «ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ»
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ**

Илакавичус Марина Римантасовна¹, Моргунов Антон Маратович²
^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
¹ marinaorlova_99@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4706-2877
² morataon@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7784-8961

Аннотация. Цифровизация является характеристикой современной образовательной деятельности. Результаты ее реализации напрямую зависят от методологически выверенной организации, требуют научного обоснования, проявляющегося в том числе в разработке понятийного аппарата. Одним из базовых понятий данной области является цифровой образовательный контент.

В научном российском сообществе идут поиски педагогически обоснованного определения данного понятия, во многом отталкивающиеся от варианта, предложенного в Постановлении Правительства Российской Федерации. Возникающие дискуссии позволяют уточнять и углублять его, происходит постепенная педагогизация изначально технократического восприятия самого феномена.

Целью настоящего исследования является анализ представленных в дискурсе определений понятия «цифровой образовательный контент» для выявления родовых и специфических характеристик самого феномена.

Ключевые слова: цифровой образовательный контент, цифровизация образования, цифровая дидактика, цифровые компетенции.

Для цитирования: Илакавичус М. Р., Моргунов А. М. Понятие «цифровой образовательный контент» в современной педагогике // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 155–168.

Original article

**THE CONCEPT OF “DIGITAL EDUCATIONAL CONTENT”
IN MODERN PEDAGOGY**

Marina R. Ilakavichus¹, Morgunov A. Maratovich²
^{1,2} Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia
¹ marinaorlova_99@inbox.ru, ² morataon@yandex.ru

Abstract. Digitalisation is a characteristic of modern educational activity. The results of its implementation directly depend on a methodologically correct organisation and require scientific substantiation, reflected particularly in the development of the conceptual apparatus. One of the basic concepts of this area is digital educational content.

The Russian scientific community is engaged in searching for a pedagogically justified definition of this concept, mainly based on the version provided in the Decree of the Government of the Russian Federation. Arising discussions make it possible to clarify and develop it. The phenomenon's initially technocratic perception is gradually being pedagogised.

The purpose of the research is to analyse the definitions of “digital educational content” presented in the academic discourse in order to identify the generic and specific characteristics of the phenomenon itself.

© Илакавичус М. Р., Моргунов А. М., 2025

Keywords: digital educational content, digitalisation of education, digital didactics, digital competences.

For citation: Ilakavicius M. R., Morgunov A. M. The concept of “digital educational content” in modern pedagogy // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 165–168. (In Russ.)

Введение

Процессы цифровизации повлекли за собой включение в нее соответствующего нового поля. Несмотря на явную новизну «цифровой образовательной среды», «цифровых образовательных инструментов» и т. п., смысл этого нового поля остается неизменным, обращенным на решение вечных задач педагогической практики: обеспечить равный доступ людей к качественному образованию, которое позволит решать жизненные задачи разной степени трудности и общественной значимости. Каждая эпоха предлагает свой вариант решения этой проблемы.

Метафора «текущая современность», введенная в философский тезаурус З. Бауманом, емко определяет сущность проживаемой нами современности. На смену строго структурированной и предсказуемой реальности пришла реальность «случайности, разнообразия, неопределенности, своеволия и индивидуальных особенностей»¹. В условиях информационного общества перечисленные свойства реальности не могут не оказывать влияние на образование, на педагогическую терминологию. Педагогический работник проектирует и реализует систему деятельности, отбирая или создавая дидактические материалы, оптимальные методики, учебную литературу, рекомендации и т. п., опираясь на определенную теорию обучения. Казалось бы, дидактика – самая понятная и консервативная область педагогики: все мы знаем, как научить кого-то че-

му-то. Однако Т. М. Ковалева пишет: «Этот канонический контекст понимания дидактики становится узким и уже не отвечает в полной мере запросам времени, так как жизнь современного человека все более связана не только с конкретными задачами научения чему-либо, но и с более общими задачами философско-образовательного характера» [1, с. 139]. Современность определена философами как постнеклассическая [2], она обусловила необходимость соответствующей ей дидактики, которая характеризуется такими чертами, как «множественность дискурса, интерпретация, открытость, эклектицизм, плюралистичность, междисциплинарность, нелинейность. Сегодня мы наблюдаем эти черты, проявляющиеся в разной степени, но во всех странах мира: индивидуальное построение содержания, опора на опыт субъекта, изменчивость содержания, вариативность, не заданная учителем и учебником, а возникшая в опоре на опыт ученика» [3, с. 9]. В решении данных задач большие надежды связываются с цифровизацией образования.

Цифровизация в сфере образования нормативно оформилась в 2019 году в федеральном проекте «Цифровая образовательная среда»² национального проекта «Образование»³. За последние 5 лет база нормативных и правовых актов активно расширялась, не явилось исключением и профессиональное образование. Так, одной из целей государственной программы

¹ Бауман З. Текущая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 33.

² Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда», приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» от 7 декабря 2018 г. № 3. «Информационно-методический центр» Фрунзенского района Санкт-Петербурга. URL: <https://edu-frn.spb.ru/files/i1MBxQ4cNH1BCsaWn2WqDgFinWeU3rVYpmO6sd33.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

³ Паспорт национального проекта «Образование», утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

«Развитие образования»¹ (до 2030 г.) определено «формирование современной системы профессионального развития педагогических работников для всех уровней образования, предусматривающей ежегодное дополнительное профессиональное образование на основе актуализированных профессиональных стандартов не менее чем 10 процентов педагогических работников на базе ведущих образовательных организаций высшего образования и научных организаций»². Область цифровизации образования сегодня в науке является активно развивающейся (см. рисунки 1–3).

Проблемы цифровизации образования исследуются представителями научной школы И. В. Роберт (О. А. Козловым, Н. В. Геровой, Е. В. Лопановой, А. Л. Димовой, В. М. Лапенко), а также М. И. Коваленко, Н. Г. Семеновой, В. И. Блиновым, М. Е. Вайндорф-Сысоевой, И. М. Реморенко, А. Ю. Уваровым, Т. А. Щучка, Ю. М. Царапкиной. Цифровизация профессионального образования рассматривается в работах В. А. Завьяловой, Л. А. Плотниковой, З. С. Фаргиевой, Н. К. Омарбековой, А. Д. Емельянова, М. С. Попова, И. П. То-

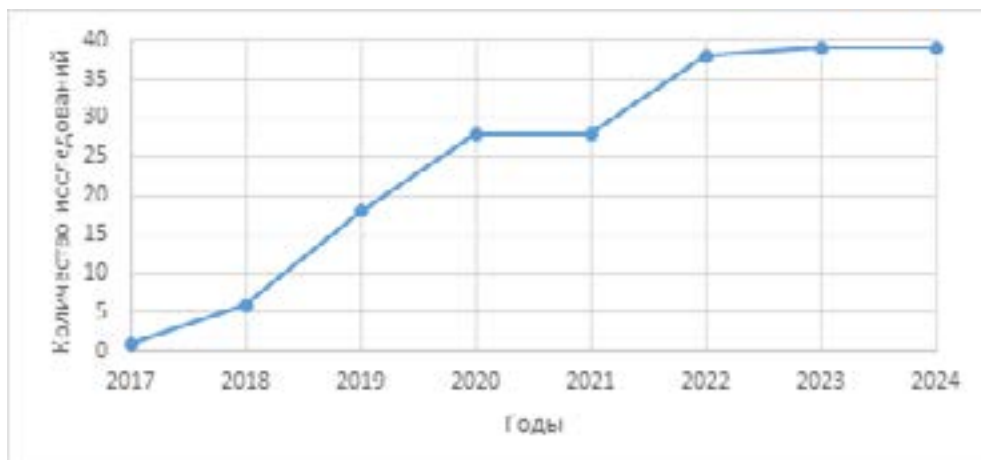

Рисунок 1. Динамика количества диссертационных исследований в области цифровизации образования, размещенных на сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

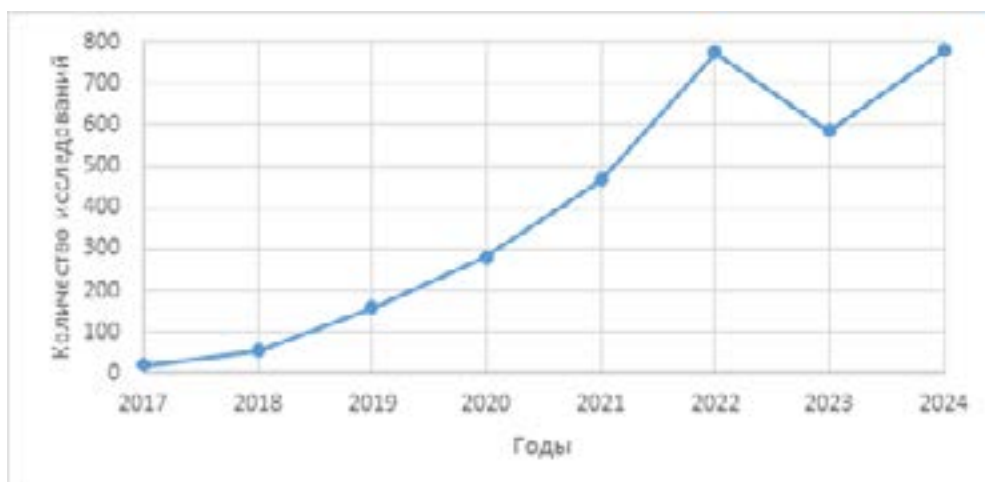

Рисунок 2. Динамика количества диссертационных исследований в области цифровизации, размещенных на справочном портале disserCat

¹ Государственная программа «Развитие образования» // Портал Госпрограммы РФ. URL: <https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/1/gp/34/gpVersion/10460> (дата обращения: 16.06.2025).

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

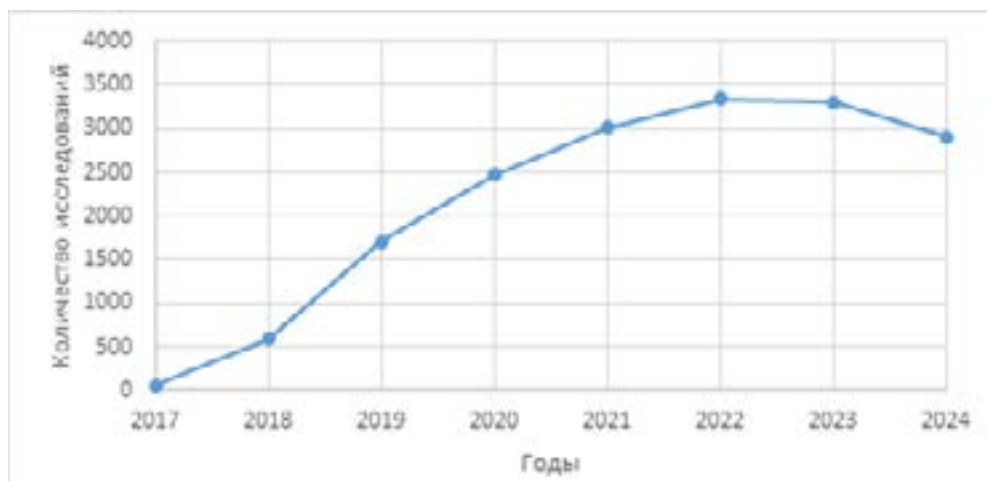

Рисунок 3. Динамика количества научных статей и статей в сборниках научно-практических конференций, размещенных на сайте научной электронной библиотеки elibrary.ru, посвященных проблемам цифровизации

миной, А. А. Гаврилиной, В. В. Демидко, Д. А. Суханова, Н. С. Мендовой. Немаловажную часть исследований занимает разработка понятия «цифровой образовательный контент» (далее – ЦОК). Оно было введено в педагогико-управленческий оборот в 2023 году в Постановлении Правительства Российской Федерации¹ как «материалы и средства обучения и воспитания, представленные в цифровом виде, включая информационные ресурсы, а также средства, способствующие определению уровня знаний, умений, навыков, компетенции и достижений обучающихся». При этом активно развивается традиция использования терминов “digital educational content” [4], “digital learning content” [5; 7; 8], зародившаяся в зарубежном научно-педагогическом сообществе в начале 2000-х гг. Рассмотрим разные аспекты самого феномена, зафиксированные в определениях специалистов.

Методы

При проведении исследования были использованы методы анализа нормативных источников, научной и специальной литературы, понятийный анализ, синтез, классификация, систематизация.

Результаты и обсуждение

Появление и интерпретация термина ЦОК в научной и нормотворческой области за рубежом предшествовали аналогичным процессам в России. Как показал анализ источников, термины “digital educational content” и “digital learning content” используются при описании применения информационно-коммуникационных технологий для именованного конкретных программных средств, поэтому развернутых определений в малочисленных до 2020 г. источниках не дается. Исключением являются работы Д. Нокара (D. Nocar), Т. Тяньцзюня (T. Qianjun) и К. Бартека (K. Bartek), которыми ЦОК понимается как интерактивные многократно используемые цифровые учебные объекты, задачами которых обозначены не только интернет-доступ к учебным материалам, но и само обучение, нацеленное на углубление понимания [6, с. 3475]. Так, Ф. Паулссон (F. Paulsson), хотя и не дает строгого определения данному термину, однако подробно раскрывает его сущность через совокупность взаимосвязанных с ним явлений и процессов, описывая digital learning content как модульные, повторно

¹ «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ»: постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 1678URL. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

используемые и независимые от контекста элементы, включенные в цифровые учебные ресурсы (digital learning resources) [9].

Отметим наличие термина “digital content” в документах, посвященных цифровизации государств – членов Евросоюза для описания Европейских рамок цифровых компетенций педагогов¹, дальнейшее его уточнение в 2020 году до “digital education content” в Плане действий в области цифрового образования на 2021–2027 годы². Само определение было дано только три года спустя в отчете Европейской комиссии о цифровом образовательном контенте. Под ЦОК в нем понимаются «данные, которые создаются, организуются, структурируются, распространяются и представляются таким образом, чтобы соответствовать образовательным целям, и предоставляются в определенном формате и стиле с использованием цифровых инструментов»³.

Ожидаемо всплеск исследований ЦОК приходится на пандемийные времена, лидируют в них китайские коллеги. С этого времени можно проследить тенденцию к изменению в термине прилагательного “learning” на “educational» или “education”.

Сегодня общее представление о ЦОК отсутствует. Так, к цифровому образовательному контенту относят учебные материалы, разработанные с учетом различных стилей обучения (аудиального, визуального, кинестетического) и представленные в цифровом формате, например, интерактивные аудиозаписи, видео и практические задания, доступные через платформу Moodle [10]. ЦОК описывается в следующих аспектах: как систематизированная совокупность

знаний, представленная в цифровом виде и предназначенная для достижения образовательных целей; как сформированный или открытый к изменениям документ, доступный онлайн или офлайн; как совокупность текстов, изображений, видео, аудиозаписей, публикаций на различных платформах. Высказывается точка зрения, согласно которой ЦОК – это обучающие курсы в цифровом формате с использованием книг, исследований, изображений, графиков, а также видео- и аудиозаписей, доступных в Интернете или на платформах социальных сетей [14]. Общим является использование контента в цифровой образовательной среде, где учебное содержание представлено в цифровом виде и созданы условия для его усвоения: используются интерактивные модели, виртуальные лаборатории, симуляции на основе специальных технических средств и программного обеспечения (например, AR/VR-приложений и оборудования [15], систем управления обучением (LMS), облачных хранилищ, искусственного интеллекта). ЦОК может быть представлен в форме электронных учебников (E-books), поясняющих видео, видеолекций, интерактивных презентаций, мобильных приложений, открытых образовательных ресурсов (OER) или открытых массовых онлайн-курсов (МООС) [13; 16]. ЦОК отличается от оцифровки традиционных учебных материалов, он должен быть основан на современных образовательных теориях и педагогических подходах [12]. Требованиями к ЦОК являются дидактическая адаптация к потребностям обучающихся, привлекательность, доступность и эффективность [11].

¹ Punie Y., editor(s), Redecker C. European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu. EUR 28775 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2017. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC107466> (дата обращения: 25.06.2025).

² Digital Education action Plan 2021–2027 Resetting education and training for the digital age. URL: https://education.ec.europa.eu/sites/default/files/document-library-docs/deap-swd-sept2020_en.pdf, 2020, 103 p. (дата обращения: 21.06.2025).

³ Digital Education Content in the EU – state of play and policy options. European Commission, Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture, Directorate C – Innovation, Digital Education and International Cooperation, Unit C. 4 – Digital Education, European Commission, B-1049 Brussels European Union, 2023. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0d219a7a-76dd-11ee-99ba-01aa75ed71a1>. P. 21 (дата обращения: 21.06.2025).

Обратимся к смыслам слов, составляющих термин ЦОК. «Контент» – заимствование из английского content (содержание), берущего начало от латинского contentus «удовлетворенный» и continere «содержать, заключать» (con-/com-, «с-»/ «вместе» + tenere «держат»)¹. В большинстве зарубежных и отечественных словарей дается определение контента как «содержимого», «содержания», «наполнения», реже как «сути»². В то же время можно встретить специфические определения, содержащиеся в профильных словарях, раскрывающих данное понятие с точки зрения его ценности для педагогики:

– «совокупность текстовой, графической, аудио- и видеоинформации, представляемой обучаемому для освоения учебной дисциплины»³;

– «1. Содержательная часть сообщений, сведений; 2. Содержание, мультимедийный продукт (например, телевизионная программа)»⁴;

– «смысловое наполнение инфраструктурных элементов медиакоммуникационной системы»⁵;

– «информационное наполнение (все учебные материалы, пособия, документы, задания, тесты и контрольные мероприятия курса)»⁶.

До бурной цифровизации «контент» употреблялся применительно к электронным образовательным ресурсам как непосредственное содержание последних⁷, однако в последние годы ЦОК стали выделять как самостоятельный феномен, подлежащий исследованию и дефиниции.

Прилагательное «образовательный», обозначаемое в словарях как «содействующий образованию, просвещению, получению знаний»⁸, «обеспечивающий образование или относящийся к образованию»⁹, «связанный с образованием; предоставляющий образование»¹⁰, «предоставляющий знания; поучительный или информативный»¹¹,

¹ Большой этимологический словарь русского языка / Г. Багриновский; предисл.: А. В. Дыбо. Москва: КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020. 1178 с.

² Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/content> (дата обращения: 18.06.2025); Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/content_n1 (дата обращения: 18.06.2025); Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М.: ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с. 3-е изд., испр. и доп.; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с.

³ Электронное образование: специализированный словарь-справочник / составитель: Р. М. Асадуллин, И. В. Сергиенко; научный редактор: Р. С. Бознев. Москва: Педагогика, 2019. 119 с.

⁴ Терминологический словарь по информатизации обучения / П. И. Горлов. Томск: Дельтаплан, 2024. 270 с.

⁵ Отечественная теория медиа: основные понятия: словарь / М. Е. Аникина и др; под редакцией Е. Л. Вартановой. Москва: Изд-во Московского университета, 2019. 244 с.

⁶ Словарь терминов и понятий цифровой дидактики. Екатеринбург: РГППУ : Ажур, 2021. 83 с.

⁷ Томина И. П. Разработка и комплексное использование электронных образовательных ресурсов для реализации профессионально направленных межпредметных связей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2018. 25 с.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008. 944 с.; Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 800 с.; Толковый словарь русского языка. Серия: Словари Академии Российской / под ред. Дмитриева Д. В. М.: АСТ. 2003. 1582 с.

⁹ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/educational> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁰ Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/educational> (дата обращения: 18.06.2025).

¹¹ Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/educational> (дата обращения: 18.06.2025).

свидетельствует о целевой составляющей сущности явления ЦОК, заключающейся в наличии конкретной педагогической цели его использования в образовательном процессе.

Рассматривая третий элемент термина, необходимо отметить, что ряд исследователей при указании образовательного контента используют прилагательное «цифровой» в скобках после «электронный»¹, таким образом отождествляя их, другие используют термин «электронный образовательный контент» [17, с. 117–118; 18, с. 10], отождествляя его с цифровым образовательным контентом. Итоги смыслового анализа термина ЦОК представлены в таблице 1.

В зависимости от контекста практически каждое слово может иметь несколько различных значений, поэтому добиться единственно правильного определения понятия ЦОК, которое является относительно новым, невозможно. В то же время точность формулировки – залог эффективного использования для исследования и организации образовательного процесса. Мы присоединяемся к позиции Ю. Н. Столярова, обосновавшего необходимость разграничения понятий «цифровой», «аналоговый», «электронный», в соответствии с которой термин «цифровой» является антиномией термину «аналоговый», а общим термином, объединяющим цифровое и аналоговое, является термин «электронный». В свою очередь, «электрон-

ному» противостоит «неэлектронный» или «нонэлектронный» [19, с. 138]. «Цифровой» как смыслообразующее и отличающее от иных явлений свойство ЦОК относится к области систем обработки информации и передачи сигналов и берет свое начало от латинского слова *digitus* («цифра»)². Оксфордский английский словарь дает его определение с позиции сигналов, информации или данных, которые представлены серией дискретных значений (обычно чисел 0 и 1), как правило, для электронного хранения или обработки³. Кембриджский английский словарь – также с позиции цифровых сигналов и с позиции записи и хранения информации в виде последовательности цифр 1 и 0 для обозначения наличия или отсутствия сигнала⁴. В отечественных стандартах определение термина «цифровой» относится к данным, которые состоят из цифр⁵, при этом у цифрового сигнала данных каждый из представляющих параметров описывается функцией дискретного времени (в котором моменты времени рассматриваются как отдельные точки, а не как непрерывный поток; в дискретном времени события происходят в четко определенные моменты времени, между которыми нет никаких других событий) и конечным множеством возможных значений⁶. Указанные определения подчеркивают принадлежность ЦОК к цифровой технологии, в основе которой лежит, во-первых, запись всех сигналов (например, звуков, изображений,

¹ Плотникова Л. А. Развитие готовности педагогов к использованию смарт-технологий в процессе обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2022. С. 15; Омарбекова Н. К. Структурно-модульный подход к проектированию электронного учебного курса и методическое обеспечение его реализации (на примере обучения студентов медицинского вуза): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2024. С. 6.

² Brief account of the life, writings, and inventions of sir Samuel Morland, master of mechanics to Charles The Second. By James Orchard Halliwell, Esq. Cambridge: E. Johnson, Trinity Street, and Whittaker & CO., London, 1838. URL: <https://www.presscom.co.uk/halliwell/morland.html> (дата обращения: 26.06.2025).

³ Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/digital_n (дата обращения: 18.06.2025).

⁴ Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/digital> (дата обращения: 18.06.2025).

⁵ ГОСТ 15971-90 Системы обработки информации. Термины и определения. Меганорм. URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4294836/4294836374.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).

⁶ ГОСТ 17657-79 Передача данных. Термины и определения. Меганорм. URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4294835/4294835153.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).

Таблица 1. Особенности и сущность элементов, составляющих понятие ЦОК

Понятие	Особенности	Сущность
Цифровой (форма)	– формат данных, представленный в виде цифрового сигнала; – запись или хранение информации в двоичной системе счисления в виде последовательности цифр 1 и 0 (наличие/отсутствие сигнала); – воспроизведение с помощью цифровых устройств; – принадлежность к цифровым технологиям (информационно-коммуникационные, телекоммуникационные, виртуальные, технологии искусственного интеллекта и т. д.)	данные в двоичной системе счисления
Образовательный (назначение)	– педагогически организованный; – структурированное предметное содержание; – предназначенный для непосредственного восприятия обучающимися в целях обучения или ориентации в процессе обучения; – служит для формирования цифровой компетентности (цифровых компетенций)	для целей обучения и воспитания
Контент (содержание)	– информационно значимый; – существует в четырех базовых формах: текст, изображение, звук, видео (может использовать одну из данных форм или любое их сочетание при условии сохранения смыслового единства); – условной минимальной единицей контента можно считать самодостаточное и законченное по смыслу высказывание, созданное в любой доступной для адресата вышеуказанной форме; – применяется для разграничения информации, составляющей всю внутреннюю структуру информационного ресурса (документа, сайта, мультимедиа и т. д.) от той, которая будет доступна для пользователя; – в отличие от каналов и носителей, обеспечивающих саму техническую возможность фиксации, хранения и передачи данных, не имеет материальной природы	наполнение, содержание ресурса

текста и иных данных) в виде бинарного кода «0» и «1», во-вторых, использование различных устройств (например, компьютеров, мобильных телефонов), обрабатывающих эти сигналы. Такая позиция позволяет педагогам, не имеющим (не приобретающим) специальных технических познаний в области электроники, использующим именно цифровые средства и цифровой образовательный контент, осознать, что цифровые

технологии – это не просто новое название проектора, слово «цифровой» – не просто замена слова «электронное», а принципиально иная концепция, предполагающая создание обоснованных организационно-педагогических условий ее эффективного применения.

Обратимся к результатам анализа определений ЦОК, данных отечественными учеными, позволившего выявить родовые и специфические признаки данного понятия

(таблица 1), а также особенности и сущность формирующего понятие ЦОК элементов (таблица 2).

Таким образом, понятие ЦОК – элемент активно развивающейся сегодня области цифровой дидактики, оно описывает как содержание, так и средства обучения с момента использования данного содержания педагогом в конкретной обучающей ситуации. ЦОК обладает большим потенциалом достижения высокого качества обучения и широкого охвата заинтересованной аудитории (цифровой формат, сетевая форма) при условии сохранения традиционной педагогической константы – при базировании на идее гуманитарности и гуманности, сохранении интереса к личности обучающегося как представителя родной культуры (средство мотивации и активизации деятельности обучающихся, активизации самостоятельной работы обучающихся, формирования ценностей и убеждений).

Заключение

Образование – действительно сокровище для многих жителей планеты. Длительное время доступность к просвещению было правом немногих, не учитывающим все разнообразие инклюзии, исполь-

зующим достаточно примитивные средства для реализации принципа наглядности, разворачивающим свои возможности только в реальной среде. Цифровизация дает надежду на исправление такого порядка вещей. Цифровой образовательный контент описывает пути решения многих проблем в коллаборации компаний-поставщиков цифровых решений (программисты, дизайнеры, разработчики, издатели) и педагогических работников. Преподаватели как носители психолого-педагогических знаний при наличии соответствующих знаний и умений могут не только использовать готовый ЦОК, но и адаптировать его под конкретные дидактические задачи, создавать с его помощью другой ЦОК.

Категория ЦОК открывает новый ракурс понимания педагогического работника – как человека цифровой эпохи и обладателя соответствующей компетенции. Результаты исследования позволяют более точно представить себе характеристики ЦОК как дидактического феномена, компетентно решать с его помощью задачу разработки учебного содержания и средств, соответствующих современным стандартам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалева Т. М. Взгляд на дидактику в контексте современного научного знания // *Методология педагогики в контексте современного научного знания: сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. В. Краевского (22 сентября 2016 г.)* / редактор-составитель А. А. Мамченко. Москва: ИСПО РАО, 2016. С. 139–145.
2. Степин В. С. *Философия и методология науки: избранное*. Москва: Альма Матер, 2015. 716 с.
3. Иванова С. В. Несколько рассуждений о современной педагогической науке // *Ценности и смыслы*. 2018. № 3. С. 6–15.
4. Frank M. S., Schultz T. & Dreyer K. Integrating digital educational content created and stored within disparate software environments: An extensible markup language (XML) solution in real-world use // *Journal of Digital Imaging*, 2001. No. 14 (S1). P. 92–97.
5. Schreurs J., Moreau R. Converting learning content to Learning Objects (LO) and atomic LO's. // *Proceedings of the virtual conference: IADIS Virtual Multi Conference on Computer Science and Information Systems (MCCSIS 2006) 15–18 May 2006*.
6. Nocar D., Tang Q., Bártek K. Educational hardware and software: digital technology and digital educational content // *EDULEARN16 Proceedings*. 2016. P. 3475–3484.
7. Krull G. E., Mallinson B. J., Sewry D. A. Describing online learning content to facilitate resource discovery and sharing: the development of the RU LOM Core // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2006. No. 22 (3). P. 172–181.
8. Ju-Ling Shih, & Bai-Jiun Shih. The Construction and Application of Chinese Herb Medication Digital Learning Material Using Multi-level Topic Map // *Jiàoyù Zīliào Yǔ Túshūguǎn Xue*. 2006. No. 44 (2). P. 215–233.

Таблица 2. Родовые и специфические признаки понятия ЦОК

Автор	Родовой признак	Специфический признак
И. В. Роберт, В. А. Касторнова ¹	совокупность учебно-методической информации	– оцифрованный вид; – изучается в процессе деятельности педагога и обучающегося и взаимодействия субъектов образовательной деятельности с изучаемым объектом; – базой служат информационно-коммуникационные технологии (аналоговые и цифровые)
Ю. М. Царапкина ²	информационное содержимое	– цифровой формат; – передается по электронным сетям или на съемном носителе
Е. А. Носков ³	средство обучения	– высокие дидактические возможности; – является компонентом цифровой образовательной среды; – представляет собой содержание и учебно-методическое обеспечение
О. В. Парфенова [22]	учебные материалы и ресурсы	– электронный формат; – созданы или адаптированы для образовательных целей
О. И. Подулыбина [23]	материалы, ПО, ресурсы	оцифрованные; – академические цели использования
О. А. Арбатская [24]	материалы и средства обучения	– цифровой вид; – включают в себя цифровые образовательные ресурсы; – включают в себя оценочные средства
Ю. Ю. Сысоева [25; 26]	средство обучения	– средство мотивации и активизации деятельности обучающихся; – средство активизации самостоятельной работы обучающихся; – элемент цифровой образовательной среды
Д. В. Иванова [27]	совокупность материалов и средств обучения и воспитания	– средство формирования ценностей и убеждений
А. Е. Смирнова [28]	учебно-методические, информационные материалы	– электронно-цифровой формат; – является основой цифрового образовательного ресурса
С. И. Десненко, М. А. Десненко, Ю. А. Асмодьярова, Т. Е. Пахомова [29]	предметное содержание	– является основой электронного образовательного ресурса; – предполагает создание, рассылку, получение контента в цифровом виде
В. Н. Гуров, А. Е. Богомазова [30]	информационное наполнение электронных и информационных ресурсов	– образовательная технология
О. В. Мерецков ⁴	учебно-методические материалы	– исключительно цифровой формат; – отражают содержание предметной области; – реализуют интерактивное информационное взаимодействие обучающегося и обучающего
Л. Н. Цымбалюк [31; 32; 33]	информация, образовательный материал, содержание учебного материала, инструмент обучения	– сетевая форма; – цифровой формат; – доступность; – адаптация под потребности обучающихся

¹ Информатизация образования: толковый словарь понятийного аппарата / сост. И. В. Роберт, В. А. Касторнова. М.: Изд-во АЭО, 2023. 182 с.

² Царапкина Ю. М. Теоретические основы подготовки будущих педагогов профессионального обучения в цифровой образовательной среде аграрного вуза: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2024. 418 с.

³ Носков Е. А. Информатизация подготовки студентов педагогических специальностей к реализации основных направлений национальной безопасности в образовании: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2022. 38 с.

⁴ Мерецков О. В. Педагогико-технологические подходы к созданию электронных учебных курсов распределенным коллективом разработчиков для поддержки профессиональной деятельности (на примере дополнительного образования) : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2022. 204 с.

9. Paulsson F. Modularization of the Learning Architecture: Supporting Learning Theories by Learning Technologies (PhD dissertation, KTH). 2008.
10. Alzboun M. S., Halalsheh N. Z., Alslaiti F. M., Aldreabi H. & Dahdoul, N.K.S. The effect of digital content designed based on learning styles on academic achievement and motivation toward learning // *International Journal of Education in Mathematics, Science, and Technology (IJEMST)*. 2023. No. 11 (6). P. 1405–1423.
11. Bueno Gualan P. A., Yanangomez Duchi J. A., Neira Gavilanes D. A., López Rodríguez D. J., & Mesa Vazquez J. Competencias para docentes de educación básica en la creación de contenidos educativos digitales en Ecuador // *Universidad y Sociedad*. 2023. No. 15 (5). P. 336–348.
12. Aldalalah O. M. A., Wardat Y., Al-Omari A. A. H. & Khodair R. M. The effectiveness of interactive digital content based on the TPACK model in developing the skills of educational aids production and improving cognitive achievement among early childhood university students // *Contemporary Educational Technology*. 2025. No. 17 (2). P. 572.
13. Flerlage C., Bernholt A. & Parchmann I. Motivation to use digital educational content – differences between science and other STEM students in higher education // *Chemistry Teacher International*. 2023. No. 5 (2). P. 213–228.
14. Kanber H., Jassim K., Al-Taai S., Ibrahim M. & Farhan N. The Role of Digital Educational Content in Eliminating Traditional Methods in the Educational Process within Iraqi Universities // *Educational Process: International Journal*. 2025. No. 14.
15. Mančík Michal & Brečka Peter & Valentová Monika. Digital Educational Content of Technical Subjects: New AR and VR Technologies in Elementary School Teaching. R&E-SOURCE. 2025. P. 198–207.
16. Bates A. W. *Teaching in a digital age: Guidelines for designing teaching and learning* (3rd ed.). Tony Bates Associates Ltd. 2022.
17. Завьялова В. А. Проблематика цифрового обучения в условиях реализации дополнительных профессиональных программ // *Известия ВГПУ*. 2022. № 1 (164). С. 116–122.
18. Поршнева Н. В., Варламова Е. В., Долгушина Е. М. Цифровизация процессов обучения в системе дополнительного профессионального образования // *Педагогический научный журнал*. 2025. Т. 8. № 2. С. 6–15.
19. Столяров Ю. Н. Цифровой, аналоговый, электронный, виртуальный: как правильно? // *Научные и технические библиотеки*. 2021 (3). С. 133–140.
20. Пирметова С. Я., Шуртуев М. М., Коркмазов А. В. Преимущества и риски аналоговых и цифровых технологий // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Том 12. № 9 А. С. 491–500.
21. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П. Н. Биленко, В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина, А. М. Кондаков, И. С. Сергеев; под науч. ред. В. И. Блинова. Москва, 2020. 98 с.
22. Парфенова О. В. Цифровой образовательный контент как инструмент персонализированной образовательной среды вуза // *Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. С. 140–141.
23. Подулыбина О. И. Проблемы создания цифрового контента в условиях трансформации образовательного пространства // *Цифровые технологии: настоящее и будущее: сборник статей по материалам II Национальной научно-практической конференции*. Тольятти: Частное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинская академия управления», 2023. С. 23–29.
24. Арбатская О. А. Проблемы формирования цифрового образовательного контента для дистанционного и смешанного обучения в вузе культуры // *Опыт, проблемы и пути совершенствования качества подготовки специалистов в сфере культуры и искусства: материалы XX Всероссийской научно-методической конференции*. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2022. С. 19–30.
25. Сысоева Ю. Ю. Цифровой образовательный контент дисциплины как средство мотивации и активизации деятельности обучающихся // *Педагогический журнал*. 2019. Т. 9. № 2А. С. 567–573.
26. Сысоева Ю. Ю. Цифровой контент дисциплины как средство активизации самостоятельной работы обучающихся // *Использование принципов цифрового обучения при реализации проектной деятельности в образовательном процессе как средства формирования профессиональной компетентности*

будущих специалистов: материалы VI внутривузовской методологической конференции. Княгинино: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 2019. С. 100–106.

27. Иванова Д. В. Цифровой образовательный контент как средство гражданско-патриотического воспитания обучающихся // Образование, обучение и воспитание: актуальные вопросы теории и практики безопасности жизнедеятельности, физической культуры, спорта и туризма: сборник статей Международной научно-практической конференции в рамках Года педагога и наставника. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2024. С. 90–94.

28. Смирнова А. Е. Анализ различных подходов к классификации цифрового образовательного контента для обучения иностранному языку // Молодой ученый. 2024. № 24 (523). С. 205–207.

29. Формирование цифровой грамотности будущих педагогов при использовании цифрового образовательного контента в обучении / С. И. Десненко, М. А. Десненко, Ю. А. Асмодьярова, Т. Е. Пахомова // Цифровая школа: в поисках новых решений: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2024. С. 251–257.

30. Гуров В. Н., Богомазова А. Е. Цифровой образовательный контент: педагогический взгляд на сущность и структуру // Kant. 2024. № 4 (53). С. 379–384.

31. Цымбалюк Л. Н. Цифровой контент в образовании: от определения к практическому применению // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: материалы VII Международной научной конференции. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2023. С. 934–938.

32. Цымбалюк Л. Н. Модуль «проектирование цифрового контента» в программе дополнительного образования // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. 2024. № 47. С. 73–85.

33. Цымбалюк Л. Н. Проектирование цифрового образовательного контента: подходы к проектированию и практическое применение // Образование от «А» до «Я». 2025. № 2. С. 79–83.

REFERENCES

1. Kovaleva T. M. View of didactics in the context of modern scientific knowledge // Methodology of pedagogy in the context of modern scientific knowledge: a collection of scientific papers of the International scientific-theoretical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of V. V. Kraevsky / edited by A. A. Mamchenko. Moscow: ISRO RAO, 2016. P. 139–145. (In Russ.)

2. Stepin V. S. Philosophy and Methodology of Science: selected. Moscow: Alma Mater, 2015. 716 p. (In Russ.)

3. Ivanova S. V. A few considerations about modern pedagogical science // Values and Meanings. 2018. No. 3. P. 6–15. (In Russ.)

4. Frank M. S., Schultz T. & Dreyer K. Integrating digital educational content created and stored within disparate software environments: An extensible markup language (XML) solution in real-world use // Journal of Digital Imaging, 2001. No. 14 (S1). P. 92–97. (In Eng.)

5. Schreurs J., Moreau R. Converting learning content to Learning Objects (LO) and atomic LO's. // Proceedings of the virtual conference: IADIS Virtual Multi Conference on Computer Science and Information Systems (MCCSIS 2006) 15–18 May 2006. (In Eng.)

6. Nocar D., Tang Q., Bártek K. Educational hardware and software: digital technology and digital educational content // EDULEARN16 Proceedings. 2016. P. 3475–3484. (In Eng.)

7. Krull G. E., Mallinson B. J., Sewry D. A. Describing online learning content to facilitate resource discovery and sharing: the development of the RU LOM Core // Journal of Computer Assisted Learning. 2006. No. 22 (3). P. 172–181. (In Eng.)

8. Ju-Ling Shih, & Bai-Jiun Shih. The Construction and Application of Chinese Herb Medication Digital Learning Material Using Multi-level Topic Map // Jiàoyù Zīliào Yǔ Túshūguǎn Xue. 2006. No. 44 (2). P. 215–233. (In Eng.)

9. Paulsson F. Modularization of the Learning Architecture: Supporting Learning Theories by Learning Technologies (PhD dissertation, KTH). 2008. (In Eng.)

10. Alzboun M. S., Halalshah N. Z., Alslaiti F. M., Aldreabi H. & Dahdouh, N.K.S. The effect of digital content designed based on learning styles on academic achievement and motivation toward learning //

International Journal of Education in Mathematics, Science, and Technology (IJEMST). 2023. No. 11 (6). P. 1405–1423. (In Eng.)

11. Bueno Gualan P. A., Yanangomez Duchi J. A., Neira Gavilanes D. A., López Rodríguez D. J., & Mesa Vazquez J. Competencias para docentes de educación básica en la creación de contenidos educativos digitales en Ecuador // *Universidad y Sociedad*. 2023. No. 15 (5). P. 336–348. (In Eng.)

12. Aldalalah O. M. A., Wardat Y., Al-Omari A. A. H. & Khodair R. M. The effectiveness of interactive digital content based on the TPACK model in developing the skills of educational aids production and improving cognitive achievement among early childhood university students // *Contemporary Educational Technology*. 2025. No. 17 (2). P. 572. (In Eng.)

13. Flerlage C., Bernholt A. & Parchmann I. Motivation to use digital educational content – differences between science and other STEM students in higher education // *Chemistry Teacher International*. 2023. No. 5 (2). P. 213–228. (In Eng.)

14. Kanber H., Jassim K., Al-Taai S., Ibrahim M. & Farhan N. The Role of Digital Educational Content in Eliminating Traditional Methods in the Educational Process within Iraqi Universities // *Educational Process: International Journal*. 2025. No. 14. (In Eng.)

15. Mančík Michal & Brečka Peter & Valentová Monika. Digital Educational Content of Technical Subjects: New AR and VR Technologies in Elementary School Teaching. R&E-SOURCE. 2025. P. 198–207. (In Eng.)

16. Bates A. W. *Teaching in a digital age: Guidelines for designing teaching and learning* (3rd ed.). Tony Bates Associates Ltd. 2022. (In Eng.)

17. Zavyalova V. A. Problematics of digital learning in the implementation of additional professional programs // *Izvestiya VGPU*. 2022. № 1 (164). P. 116–122. (In Russ.)

18. Porshneva N. V., Varlamova E. V., Dolgushina E. M. Digitalization of learning processes in the system of additional professional education // *Pedagogical Scientific Journal*. 2025. Vol. 8. No. 2. P. 6–15. (In Russ.)

19. Stolyarov Yu. N. Digital, analog, electronic, virtual: how correctly? // *Scientific and Technical Libraries*. 2021 (3). P. 133–140. (In Russ.)

20. Pirmetova S. Ya., Shurtuev M. M., Korkmazov A. V. Advantages and risks of analog and digital technologies // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2022. Vol. 12. No. 9A. P. 491–500. (In Russ.)

21. Didactic concept of digital professional education and training / P. N. Bilenko, V. I. Blinov, M. V. Dulinov, E. Y. Yesenina, A. M. Kondakov, I. S. Sergeev; under scientific ed. by V. I. Blinov. Moscow, 2020. 98 p. (In Russ.)

22. Parfenova O. V. Digital educational content as a tool for personalized educational environment of the university // *Pedagogy, psychology, society: from theory to practice: proceedings of the II All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Cheboksary: LLC «Publishing House “Sreda”», 2024. P. 140–141. (In Russ.)

23. Podulybina O. I. Problems of creating digital content in the transformation of educational space // *Digital technologies: present and future: a collection of articles on the materials of the II National Scientific and Practical Conference*. Togliatti: Private educational institution of higher education «Togliatti Academy of Management», 2023. P. 23–29. (In Russ.)

24. Arbatskaya O. A. Problems of forming digital educational content for distance and blended learning in the university of culture // *Experience, problems and ways to improve the quality of training specialists in the field of culture and art: Proceedings of the XX All-Russian scientific and methodological conference*. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2022. P. 19–30. (In Russ.)

25. Sysoeva Yu. Yu. Digital educational content of the discipline as a means of motivation and activation of students' activity // *Pedagogical Journal*. 2019. Vol. 9. No. 2A. P. 567–573. (In Russ.)

26. Sysoeva Y. Y. Digital content of the discipline as a means of activation of independent work of students // *Using the principles of digital learning in the implementation of project activities in the educational process as a means of forming professional competence of future specialists: proceedings of VI intrauniversity methodological conference*. Knyaginino: Nizhny Novgorod State Engineering and Economic Institute, 2019. P. 100–106. (In Russ.)

27. Ivanova D. V. Digital educational content as a means of civic and patriotic education of students // *Education, training and education: current issues of theory and practice of life safety, physical culture, sports*

and tourism : a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference within the Year of Teacher and Mentor. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2024. P. 90–94. (In Russ.)

28. Smirnova A. E. Analysis of different approaches to the classification of digital educational content for teaching a foreign language // Young scientist. 2024. No. 24 (523). P. 205–207. (In Russ.)

29. Formation of digital literacy of future teachers when using digital educational content in training / S. I. Desnenko, M. A. Desnenko, Y. A. Asmodiarova, T. E. Pakhomova // Digital School: in search of new solutions: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2024. P. 251–257. (In Russ.)

30. Gurov V. N., Bogomazova A. E. Digital educational content: pedagogical view on the essence and structure // Kant. 2024. No. 4 (53). P. 379–384. (In Russ.)

31. Tsymbaliuk L. N. Digital content in education: from definition to practical application // Informatization of education and e-learning methodology: digital technologies in education : Proceedings of the VII International Scientific Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev, 2023. P. 934–938. (In Russ.)

32. Tsymbaliuk L. N. Module “designing digital content” in the program of additional education // Collection of works on the problems of additional professional education. 2024. No. 47. P. 73–85. (In Russ.)

33. Tsymbaliuk, L. N. Designing digital educational content: approaches to design and practical application // Education from “A” to “Ya”. 2025. No. 2. P. 79–83. (In Russ.)

Информация об авторах:

М. Р. Илакавичус, доктор педагогических наук;

А. М. Моргунов, адъюнкт.

Information about the authors:

M. R. Ilakavichus, Doctor of Pedagogy;

A. M. Morgunov, adjunct.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 16.07.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 316.6:343.915

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕЗИСА
НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ**

Олег Геннадьевич Ковалев

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
okovalev66@gmail.com

Аннотация. В статье речь идет о психологических механизмах генезиса неблагоприятных личностных факторов, влияющих на становление личности несовершеннолетних осужденных, о выявлении особенностей динамики воздействия объективных неблагоприятных факторов на личность.

Ключевые слова: генезис, неблагоприятные факторы, правонарушитель, социальная психология, детская преступность.

Для цитирования: Ковалев О. Г. Психолого-педагогические механизмы генезиса неблагоприятных факторов, влияющих на формирование личности несовершеннолетних осужденных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 169–173.

Original article

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL MECHANISMS OF GENESIS
OF UNFAVORABLE FACTORS INFLUENCING THE FORMATION
OF PERSONALITY OF JUVENILE CONVICTS**

Oleg G. Kovalev

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
okovalev66@gmail.com

Abstract. The article deals with the psychological mechanisms of the genesis of unfavorable personal factors that influence the development of the personality of juvenile convicts, and with the identification of the characteristics of the dynamics of the impact of objective unfavorable factors on the personality.

Keywords: genesis, adverse factors, offender, social psychology, juvenile crime.

For citation: Kovalev O. G. Psychological and pedagogical mechanisms of genesis of unfavorable factors influencing the formation of personality of juvenile convicts // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 169–173. (In Russ.)

Введение

Какие неблагоприятные факторы – объективные или личностные – играют ведущую роль в процессе становления личности несовершеннолетнего осужденного? Существуют некоторые разногласия между учеными, занимающимися психологической

проблемой педагогически и социально запущенных детей и подростков. Одни отдают предпочтение объективным факторам, другие, не игнорируя роли последних, главное место уделяют субъективным, личностным факторам, хотя структуру поведения одновременно определяют и внутренние,

и внешние факторы в своем эффективном сочетании и действии. Однако было бы интересно показать особенности генезиса неблагоприятных личностных факторов, выявить особенности динамики воздействия объективных неблагоприятных факторов на личность [1; 2].

Методы

Методологической основой исследования является диалектический метод как всеобщий метод научного познания. Из специальных в ходе исследования использовались следующие методы: системного анализа, аналогии, эмпирический, формально-логический, познавательный и другие.

Результаты

Прежде всего отметим, что личностные факторы, содействующие неправильному и преступному поведению несовершеннолетних осужденных, мы подвергли некоторой классификации и выделили три категории факторов.

Первая категория личностных неблагоприятных факторов – это результат длительного воздействия неблагоприятных обстоятельств жизни, воспитания и обучения. Эта категория факторов особой интерпретации не требует по той причине, что несовершеннолетний своим неправильным поведением отражает неправильное поведение окружающих его людей.

Ко второй категории относятся такие неблагоприятные личностные факторы, как слабое здоровье, физические и психические недостатки (дефекты), большая неравная система, слабоволие и другие дефекты, идущие от нездоровых родителей (алкоголизм, венерические болезни, травмы физические и психические, полученные матерью в эмбриональном периоде ребенка и пр.) и др. Названные стороны личности в известной мере способствуют сравнительно легкому попаданию детей под хорошее или дурное влияние других, исполнению их желания, послушанию, а иногда и полному повиновению. Таких детей старшие товарищи или подстрекатели толкают первыми приступить к совершению правонарушения, они всегда «впереди».

Третья группа неблагоприятных личностных факторов не является прямым следствием плохого воспитания или дурного влияния. Она со второй группой факторов также почти ничего общего не имеет. Эта группа факторов связана с возрастными негативными проявлениями (особенно в кризисных периодах психического развития): с бурным проявлением у личности энергии и желания как можно больше узнать об окружающем мире, с особенностями смены интересов в переходном возрасте, со стремлением к самоутверждению и самостоятельности, с особенностями полового созревания и его влияния на характер подростка и пр. Эти личностные факторы, разумеется, непосредственно связаны с внешней средой подростка, однако они свойственны как детям с асоциальным поведением, так и нормальным детям. Поэтому эти стороны личности не следует ставить рядом с теми отрицательными личностными факторами, образование которых происходило под длительным и пагубным воздействием неблагоприятных обстоятельств воспитания и обучения. Третья категория факторов в основном может играть положительную роль, если процесс воспитания и обучения вести в правильном направлении. Только в таком случае они могут принимать положительную направленность и правильно ориентировать личность в окружающей социальной среде [3].

Что из себя представляют отрицательные личностные факторы, как они образуются и в какой зависимости находятся от объективных неблагоприятных факторов, в каких ситуациях и каким образом они проявляются? Эти вопросы пока не совсем нашли необходимое объяснение в исследованиях ученых, занимающихся вопросами психологии детской преступности, а также в детской, социальной и судебной психологии [4].

На практике мы часто утверждаем, что данное неправильное или преступное поведение детерминировано отрицательными сторонами характера личности (эгоистичность, лживость, сварливость, лень и пр.), ее аномальной направленностью (болезнен-

ные интересы, склонности и потребности), общим негативным отношением ко всему окружающему и т. п. Еще утверждаем, что асоциальное поведение и преступная направленность вообще в основном обусловлены поведением и направленностью тех людей, которые окружают несовершеннолетнего, их неправильным воспитательным воздействием. Но мы не всегда имеем представление о генезисе и проявлении этих неблагоприятных личностных факторов, между тем в деле исправления личности несовершеннолетних осужденных знание этих особенностей крайне необходимо. С этой целью мы в работе постарались показать примерную картину некоторых сторон динамики формирования и реализации личностных отрицательных факторов, содействующих тому, чтобы дети отвечали адекватной реакцией на воздействие внешних неблагоприятных обстоятельств и условий.

Положительные и отрицательные личностные факторы, положительные и отрицательные социальные установки в некоторых случаях выступают как идентичные категории, однако мы здесь конкретно не будем говорить об асоциальных установках. То, что здесь мы выясним, может послужить основой образования и проявления асоциальных установок у несовершеннолетних. Теперь остановимся на том, как образуются отрицательные личностные факторы.

Наличие в микросреде объективных неблагоприятных факторов (или ситуаций) воздействует на психику ребенка, оказывает на нее определенное отрицательное влияние и находит себе «уголок» в ней. Содержание и характер этого «уголка» детерминируются содержанием и характером тех неблагоприятных факторов и конкретных ситуаций, влияние которых привели к его образованию. При непрерывном и продолжительном воздействии тех же факторов и ситуаций этот «уголок» постепенно начинает расширяться, увеличиваться. В конце концов, он может превратиться (а в большинстве случаев так и бывает) в какой-нибудь устойчивый отрицательный личностный фактор, т. е. у

личности может появиться недоброжелательное свойство или черта характера, отрицательная привычка, неестественный для этого возраста болезненный интерес к чему-либо или же неправомерная потребность и т. п., разумеется, все это при отсутствии превентивных мер.

С уверенностью можно констатировать, что с этого же момента начинается социопатогенез личности ребенка. У последнего начинают обнаруживаться симптомы социально-патологического развития поведения, происходит ломка отношений с окружающими людьми, появляются некоторые негативные отношения и установки.

Воздействие, скажем, следующего, второго (или другой группы) отрицательного фактора микросреды имеет примерно такое же последствие, как и первый, но с одним отличием. Второй неблагоприятный фактор сравнительно легко находит себе место в личности и легко оставляет свои корни в ней, так как уже находящееся в психике ребенка отрицательное свойство или качество, образованное воздействием предыдущего внешнего негативного фактора, в некоторой степени содействует, помогает образованию второго неблагоприятного личностного фактора. Такое явление совершенно естественно, так как оба эти фактора одного и того же отрицательного характера.

Таким путем происходит и дальнейшая деформация и моральное разложение личности. Чем больше у последней появляются отрицательные стороны, тем она становится более восприимчивой к отрицательным воздействиям окружающей среды.

Процесс образования неблагоприятных личностных факторов мы разделяем на три основных этапа.

Первый этап – воздействия отрицательных факторов окружающей ребенка микросреды не встречают адекватной реакции с его стороны или же эта реакция проявляется очень слабо и неопределенно.

Второй этап – реакции ребенка становятся более дифференцированными и адекватными по отношению к вызывающим их объективным факторам.

Третий этап – объективные отрицательные факторы окружающей среды трансформируются, как бы переносятся в личность, присваиваются ею и становятся ее достоянием, собственными сторонами ее психики, т. е. они уже становятся личностными неблагоприятными факторами.

В возрастном отношении первый этап соответствует раннему и дошкольному возрасту детей; второй и третий этапы – периоду начальной школы, раннему подростковому и юношескому возрастам и взрослым.

Первый этап образования неблагоприятных факторов личности характеризуется в основном наличием воздействия семейных отрицательных обстоятельств и условий.

Первоначально эти отрицательные факторы, воздействуя на личность ребенка, не встречают адекватной реакции. Это обусловлено тем, что личность ребенка по уровню своей интеллектуальной, морально-волевой и социальной развитости пока не в состоянии полноценно воспринимать внешние воздействия и дать соответствующий ответ. Ребенок пока еще не в состоянии критически подходить, проанализировать систему тех отношений, которые сложились вокруг него, и поэтому не в состоянии отвечать адекватной реакцией. Однако воздействие этих факторов сказывается на общем поведении ребенка: он становится раздражительным, легко возбудимым, капризным, наблюдается частая смена настроения, всегда чем-то недоволен и пр.

При продолжительном воздействии тех же отрицательных факторов ребенок начинает в какой-то мере обобщать и понимать поступки и поведение окружающих его людей и на отрицательное их воздействие отвечает проявлением отрицательного отношения к ним. В личности ребенка пробуждаются ранее оказанные последствия тлетворного влияния неблагоприятных объективных факторов и начинают принимать активную форму. Последствия отрицательных влияний предыдущих факторов, присоединяясь к действующим, определяют внешнее общее социальное поведение личности.

На этот раз объективные неблагоприятные факторы встречают некоторую адекватную реакцию со стороны личности, так как первоначальное их воздействие создавало предпосылку для такого рода реакции. Соответственно характеру внешнего воздействия у личности вырабатывается определенное отношение (установка) к тем условиям и обстоятельствам жизни и воспитания, откуда берут свое начало эти факторы. «Уголок» воздействия этих отрицательных факторов в личности все больше и больше расширяется и начинает доминировать в ее поведении, постепенно угнетая и подавляя положительные личностные свойства и качества.

Из графического изображения этапов формирования неблагоприятных личностных факторов не должно создаваться такое мнение, что якобы на личность одновременно действуют все эти факторы и она отвечает каждому по мере того, какие последствия они оставляли в ее психике. В ответной реакции на эти отрицательные воздействия участвует вся личность со всеми своими особенностями формирования и развития, но тем не менее ответная реакция личности дифференцируется в соответствии характеру воздействующего фактора. В итоге получается, что воздействия неблагоприятных объективных факторов способствуют их «вселению» в личность, их принятию и присвоению с ее стороны. Отрицательные объективные факторы, разумеется, несколько деформируются, модифицируются, преломляются через все особенности личности, приспособляются к ее природе и поэтому уже проявляются как личностные неблагоприятные факторы. При этом наступает третий этап образования неблагоприятных личностных факторов.

Заключение

Перечисленные объективные отрицательные факторы уже находятся в личности несовершеннолетнего правонарушителя, осужденного, в его сущности и психологии. Однако оказывая продолжительное пагубное воздействие, они как бы отодвигаются на задний план. Уже и без них личность в состоянии хорошо ориентироваться в сло-

жившихся обстоятельствах и ситуациях, благоприятных для совершения неподобающего поведения или правонарушения, сле-

довательно, в состоянии адекватно реагировать и на всякое проявление отрицательных внешних воздействий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вилкова А. В., Фадеева С. А. Диагностика личностного роста несовершеннолетнего осужденного // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2023. Выпуск 4. С. 44–50.
2. Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Пенитенциарная психология: понятие стресса и его фазы // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2024. Выпуск 1. С. 76–79.
3. Вилкова А. В. Профилактика деструктивных проявлений в межличностном общении осужденных // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2023. Выпуск 3. С. 57–60.
4. Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук. Великий Новгород, 2016. 444 с.

REFERENCES

1. Vilkova A. V., Fadeeva S. A. Diagnostics of personal growth of a juvenile convict // Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. 2023. Issue 4. P. 44–50. (In Russ.)
2. Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Penitentiary psychology: the concept of stress and its phases // Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. 2024. Issue 1. P. 76–79. (In Russ.)
3. Vilkova A. V. Prevention of destructive manifestations in interpersonal communication of convicts // Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. 2023. Issue 3. P. 57–60. (In Russ.)
4. Vilkova A. V. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis. ... Doctor of Pedagogy. Veliky Novgorod, 2016. 444 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. Г. Ковалев, доктор педагогических наук, профессор.

Information about the author:

O. G. Kovalev, Doctor of Pedagogy, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 23.01.2025; accepted for publication 26.09.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

Людмила Станиславовна Кравчук

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия,
krawtschuk@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9590-355x

Аннотация. Повышение уровня доверия граждан к полиции, современные требования к росту эффективности и оптимизации деятельности правоохранительных органов по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, связанные с качественными изменениями преступности, применение инновационных технологий в функционировании правоохранительной сферы, цифровая трансформация общества, цифровизация образования, изменение законодательства и иные злободневные факторы вызывают необходимость реформирования отечественной системы профессионального образования сотрудников полиции, научного обеспечения методической и профессионально-нравственной подготовки для формирования базовых теоретических знаний, профессиональных и общекультурных компетенций, необходимых для ассимиляции молодых кадров в профессиональной среде и успешного включения в практическую службу.

Зарубежные системы профессиональной подготовки полицейских кадров также пребывают в стадии модернизации. Поскольку задачи и функции полиции в нашей стране и за рубежом имеют не только различия, но и существенные сходства в плане целей, методов и форм функционирования систем подготовки и повышения квалификации кадров, целесообразно использовать позитивный научный и практический опыт концепций полицейского образования зарубежных стран. В статье обосновываются методологические основы сравнительно-педагогического изучения и использования международного опыта образовательной деятельности полиции. Предлагается вывод о том, что к изучению и реализации плодотворного международного опыта следует подходить осмысленно, рационально, внедрять результативные инновационные педагогические технологии, эффективные концепции и инновационные подходы к обучению.

Ключевые слова: зарубежный опыт, профессиональное полицейское образование, профессиональная подготовка, сравнительная педагогика, педагогический опыт.

Для цитирования: Кравчук Л. С. Международный педагогический опыт как инструмент модернизации профессионального образования МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2025. № 3 (109). С. 174–184.

Original article

INTERNATIONAL PEDAGOGICAL EXPERIENCE AS A TOOL FOR MODERNIZING PROFESSIONAL EDUCATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Lyudmila S. Kravchuk

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia,
krawtschuk@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9590-355x

Abstract. Increasing the level of public confidence in the police, modern requirements for increased efficiency and optimization of law enforcement activities to ensure law and order and public safety associated

with qualitative changes in crime, the use of innovative technologies in the functioning of the law enforcement sphere, digital transformation of society, digitalization of education, changes in legislation and other pressing factors necessitate reforming the domestic system of professional education of police officers, scientific support for methodological and professional-moral training to form basic theoretical knowledge, professional and general cultural competencies necessary for the assimilation of young personnel in the professional environment and successful inclusion in practical service. Foreign systems of professional training of police personnel are also in the process of modernization. Since the tasks and functions of the police in our country and abroad have not only differences, but also significant similarities in terms of the goals, methods and forms of functioning of training and advanced training system, it is advisable to use the positive scientific and practical experience of police education concepts in foreign countries. The article substantiates the methodological foundations of comparative pedagogical study and use of international experience in police educational activities. The conclusion is proposed that the study and implementation of fruitful international experience should be approached meaningfully, rationally, introducing effective innovative pedagogical technologies, effective concepts and innovative approaches to teaching.

Keywords: foreign experience, professional police education, professional training, comparative pedagogy, pedagogical experience.

For citation: Kravchuk L. S. International pedagogical experience as a tool for modernizing professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2025. No. 3 (109). P. 174–184. (In Russ.)

Введение

Интеграция российского образования в мировую образовательную систему в условиях углубления всеобщей интернационализации, необходимость совершенствования подготовки кадров к международному сотрудничеству в правоохранительной сфере требуют подготовки полицейских, способных решать новые сложные задачи, обладающих профессиональной мобильностью, гибкостью мышления, адаптивностью широкого плана. В условиях, когда современные средства передвижения и экономические связи позволяют значительно расширить зону влияния отдельных организаций преступного мира, превращая их в транснациональные картели, успешно противостоять их деятельности в одной, отдельно взятой, стране становится проблематичным. Только надежное взаимодействие правоохранительных структур различных государств и детальное изучение опыта профессионального образования сотрудников органов внутренних дел дают возможность эффективно бороться с проблемами интернационализации преступности. Традиционная образовательная система не обеспечивает достаточного качества профессиональной подготовки специалистов для выполнения требований времени. «Современному обществу необхо-

димы сотрудники органов внутренних дел, способные мыслить глобально и готовые выполнять свои обязанности на международном уровне» [1, с. 158].

Существуют противоречия между необходимостью подготовки в образовательной организации МВД России сотрудников, способных к ведению профессионального диалога в рамках международной полицейской кооперации, и отсутствием в современном образовании достаточно эффективных способов осуществления этого процесса. Как справедливо считают исследователи Л. В. Ковтуненко и М. С. Гузев, «современный этап развития отечественного образования переживает очередную модернизацию, обусловленную, с одной стороны, выходом из Болонской системы, с другой – требованиями динамичности общественных процессов, рыночной экономики, которые ставят перед педагогическим сообществом проблемы поиска механизмов, обеспечивающих эффективное внедрение различного рода инноваций в деятельность образовательных организаций для подготовки компетентных специалистов» [2, с. 178]. Кроме того, по мнению В. А. Литвинова, «выход из Болонского процесса является не единственной причиной реформирования образовательной системы. Бурное

развитие цифровых технологий, работа в условиях пандемии коронавируса потребовали неотлагательных решений, касающихся образования» [3, с. 187]. Вследствие этого в настоящее время возрастает значение изучения и обобщения мирового опыта профессионального полицейского образования. Поскольку в зарубежных странах более интенсивное развитие имели киберпреступность, терроризм, взятие заложников, нелегальная миграция, то опыт профессиональной подготовки сотрудников полиции по борьбе с данными видами преступности даже при своей специфичности представляет определенный интерес. Надежное взаимодействие правоохранительных структур различных государств дает возможность эффективно бороться с международной преступностью, поэтому изучение позитивного опыта профессиональной подготовки в зарубежных странах позволяет оптимизировать международное взаимодействие и полицейскую кооперацию. Изучение, обобщение, анализ, оценка и рациональное использование зарубежного опыта в модернизации российского полицейского профессионального образования являются непростым делом. Нельзя не согласиться с утверждением ученого В. А. Литвинова о том, что «реформы и реформаторы часто подвергаются критике, в ряде случаев – обоснованной. Для того, чтобы уменьшить количество ошибок при реформировании существующей системы образования, необходимо всесторонне обсуждать с широким кругом специалистов все нововведения, не принимать поспешных решений» [3, с. 191].

Исследователи В. А. Синявский, Р. С. Каленик, Т. П. Афиногенов считают, что существует необходимость «исследования профессиональной подготовки сотрудников полиции зарубежных стран с целью поиска эффективного применения различных видов, подходов, методик, применяемых в других государствах, для совершенствования профессиональной подготовки квалифицированных кадров в системе МВД России» [4, с. 153]. Аксиологический анализ

зарубежного опыта профессиональной подготовки и результаты изучения отечественной научной литературы по данному вопросу позволяют сделать вывод, что изучение и внедрение позитивного зарубежного опыта подготовки специалистов для правоохранительных органов, несомненно, способствует модернизации полицейского образования МВД России, а именно качественному обновлению содержания обучения сотрудников полиции, разработке оптимальных концепций и эффективных моделей развития образовательных организаций, созданию нового поколения методических и дидактических материалов, внедрению инновационных педагогических технологий, интерактивных методов и средств обучения в образовательный процесс. В связи с этим повышаются требования к профессиональным и личностным характеристикам педагога, «который призван владеть компетенциями онлайн-доступа к ведущим коллегам в предметной области своей педагогической и научной деятельности с целью приобщения к накопленному ими опыту» [5, с. 149], как справедливо утверждают исследователи Л. Т. Бородавко и С. Ю. Чимаров. Мы полностью согласны также с мнением А. А. Исаева, который подчеркивает, что «статус преподавателя, его индивидуальные качества обучающиеся экстраполируют на образ сотрудника органов внутренних дел и систему МВД России в целом» [6, с. 206], поэтому важную роль в оптимизации образования играет обеспечение условий для повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, повышения их педагогического мастерства и методической культуры.

В изучении и адаптации международного опыта важно акцентировать внимание на особенностях и различиях в подходах к обучению, выделению общих педагогических и методических тенденций, исследованию уникальных зарубежных методик, применение которых может способствовать модернизации полицейского профессионального образования в России, ориентированного на использование внутренних резервов и научного потенциала.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии необходимости изучения и внедрения ориентированных на результат методов и приемов обучения полицейских за рубежом, разработки рекомендаций по их использованию в образовательных организациях МВД России. Следует проводить сравнительный анализ методов и средств обучения зарубежных полицейских для поиска наиболее эффективных из них, чтобы внедрять в образовательный процесс для обеспечения подготовки сотрудников полиции в соответствии с вызовами времени, требованиями общества и современными особенностями организации и осуществления правоохранительной деятельности.

Методы

При осуществлении исследования использовались теоретический метод (изучение и анализ научно-педагогической литературы), сравнительно-сопоставительный метод изучения и анализа источников по теме исследования, эмпирические методы.

Результаты

Высшее образование в современном мире является важнейшей предпосылкой для выполнения профессиональных требований. Это источник процветания общества, который основывается на использовании квалифицированного труда. Успехи в экономическом развитии стран связаны сегодня больше с человеческими, чем с природными ресурсами. Цивилизованное развитие общества возможно лишь при условии повышения статуса и престижа образованности, так как именно образование лежит в основе формирования человеческой личности, ее духовно-ценностных ориентаций. Радикальное изменение социально-экономического устройства общества неизбежно ведет к смене требований к образованию, их дифференциации, а значит, к необходимости удовлетворения этих новых требований. В нынешних условиях развития общества наука и образование должны стать единым научно-образовательным процессом, цель которого – созидание сферы разума. На практике подтверждается, что инвестиции в образование – это наиболее прибыльные инвести-

ции. По мнению исследователя Л. Т. Ткач, «актуальной проблемой современного этапа развития образовательных систем является совершенствование содержания педагогического образования в контексте происходящих социокультурных интеграционных процессов и выявления возможностей заимствования и внедрения положительного опыта в отечественную науку и практику» [7, с. 10].

Совершенствование профессиональной подготовки дает возможность повысить качество трудового процесса, применять инновации, творческий подход к решению проблем и приводит к более высокой эффективности и производительности труда. Основной проблемой мировой системы высшего образования современной эпохи является преодоление противоречий «между быстрыми темпами приращения знаний и ограниченными возможностями их усвоения индивидом» [8, с. 8]. Таким образом, модернизация образовательной системы стала насущной необходимостью в XXI веке, предстоящем перед нами в координатах модернизации, глобализации и доминирования информационных технологий. Целью образования является не только приобщение обучающегося к культурным, научным достижениям человечества, но и формирование высоконравственной, свободной и ответственной личности.

Необходимость заимствования зарубежного образовательного опыта существовала издавна. В работах, посвященных зарубежным педагогическим проблемам, выдающийся основоположник отечественной научной педагогики К. Д. Ушинский не только описал ряд образовательных и воспитательных систем отдельных стран, а предпринял попытки решения проблемы заимствования зарубежного опыта. Он подчеркивал, что важным результатом в процессе изучения опыта является выведенная из него мысль. Конечная цель изучения и распространения ценного зарубежного педагогического опыта – его внедрение в практику образовательных организаций.

Для достижения нужного педагогического эффекта необходимо донести его до профессорско-преподавательского состава в ясной и наглядной форме, открывающей пути и способы его реализации в конкретных данных условиях, пробуждающей глубокий интерес, вызывающей желание и готовность его творческой переработки и внедрения в свою педагогическую практику.

Воплощение научно-педагогических идей сравнительной педагогики имеет богатую историю. Результаты исследований в сфере сравнения систем образования разных стран опубликованы в работах Я. А. Коменского, И. Г. Гарднера, И. П. Бринкмана (Германия), Э. А. Эверса (Швейцария), И. Нифа, Д. Грисома (США) и др. В конце XIX – начале XX в. вышли в свет сравнительные педагогические исследования Л. Н. Толстого, П. А. Капниста, П. Ф. Каптерева, П. Г. Мижуева, М. А. Пospelова и др. Авторы исследований имели различные точки зрения на проблему и применяли разные подходы к осуществлению исследований, однако всех связывает единая идея: в зарубежном опыте ценным является не простое его копирование, а творческое использование в практике отечественной педагогики.

С середины 80-х годов в качестве основной задачи сравнительной педагогики стал рассматриваться анализ образования и педагогики, который носил объективный, всесторонний, критический, сопоставительный характер. Ученые стали воплощать идеи реконструкции изученного и осмысленного зарубежного опыта в отечественных условиях. Вопросами отечественной сравнительной педагогики занимались такие знаменитые российские исследователи, как Б. Л. Вульфсон, А. Н. Джурицкий, В. П. Лапчинская, З. А. Малькова, В. А. Слостенин, Е. Н. Шиянов, И. Ф. Исаев и др., которые своими работами внесли большой вклад в ее развитие.

Современными учеными создаются новая методология и теоретические основы исследования полицейского образования. Цифровая трансформация мира, активизация международных экономических связей,

международный культурный и научный обмен, процессы интеграции национальных образовательных систем в мировую образовательную среду, цифровизация образования – эти изменения в мире обусловили возникновение этой науки, обладающей признаками системности как социальной и педагогической реальности.

Сравнительная педагогика решает одну из важнейших задач – разрабатывает научно обоснованные критерии, на основе которых возможна адекватная оценка качества и эффективности образования в любой стране. Без решения данной задачи сравнительное исследование является поверхностной аналогией или контрастными противопоставлениями. Решение проблемы по унификации и упорядочению терминов документации по образовательному процессу разных стран – это важная функция сравнительной педагогики, которая дает возможность осуществления международных связей в области образования, изучения педагогами зарубежного опыта.

Термин «сравнительная педагогика» употребляется в мировой науке и закреплен в международном педагогическом лексиконе: в английском языке – Comparative Education, в немецком – Vergleichende Paedagogik, во французском – pedagogie comparee. Однако эта наука использует не только один метод исследований – сравнение. С другой стороны, сравнение как метод – универсально и занимает значительное место в арсенале научного познания.

Сравнительная педагогика является теоретической дисциплиной, с сохранением своих фундаментальных аспектов она имеет также большое практическое значение для модернизации образовательных систем различных стран. Ученые-компаративисты анализируют состояние и тенденции развития мирового образования и соотносят зарубежный материал с отечественными проблемами, внося тем самым вклад в поиски адекватных решений данных проблем. В прогностической функции сравнительной педагогики проявляются ее теоретическое и практическое значения. Ученые, осуществ-

влия анализ реальной ситуации в различных странах и отдельных регионах, в ходе сопоставления различных прогнозов стремятся определить возможности совершенствования системы образования в предстоящее время. Междисциплинарный характер сравнительно-педагогических исследований выражается в анализе форм и методов управления образованием, содержания и методов обучения, воспитания. Результаты исследований дают возможность более точно и глубоко характеризовать международный опыт модернизации содержания образования и учебного процесса, что способствует адекватному определению степени эффективности зарубежной системы образования. По мнению Б. Л. Вульфсона, «конкретное ознакомление с позитивными и негативными аспектами зарубежного педагогического опыта способствует более глубокому осмыслению наших собственных проблем, исправлению ошибок и просчетов, повышению эффективности деятельности отечественной системы образования» [9, с. 34].

В настоящее время сравнительная педагогика активно занимается исследованием систем профессионального полицейского образования зарубежных стран. В последние десятилетия в развитых демократических государствах все более утверждается мысль о том, что полиция должна служить не только государству, но и обществу, каждому гражданину. Такой подход к предназначению полиции находит все большую поддержку и закрепляется принятием ряда международно-правовых документов, а также морально-этических норм и кодексов поведения полицейского. Процесс приближения полицейской службы к нуждам населения явился результатом развития профилактики и борьбы с преступностью за последние полвека. Важнейшее следствие нововведений – это повсеместное претворение в жизнь идеи превращения полиции в своего рода организацию по оказанию социальных услуг населению. Немецкий ученый Антон Штерблинг (Anton Sterbling) считает, что «полиция является организацией нашего общества, к которой гражданин не только

оказывает самый высокий уровень доверия, но и ожидает от нее помощи в самых различных проблематичных жизненных ситуациях» [10, с. 50]. Также, по утверждению российского исследователя И. Ф. Колонтаевской, «идея служения полиции обществу в тесном сотрудничестве с гражданами превращает полицию в правовом государстве из карательной силовой структуры в повседневную круглосуточную сервисную службу с широким спектром социальных услуг» [11, с. 16]. В результате к настоящему времени во многих государствах сложилась новая идеология полицейской службы, которая выражается в социально ориентированной деятельности полиции. Суть такой деятельности заключается в том, что полицейский должен поддерживать тесные связи с гражданскими сообществами, находящимися на территории его ответственности, и как можно полнее учитывать характерные и наиболее актуальные проблемы, возникающие у граждан. Действительно, органам полиции все чаще приходится выступать в роли чрезвычайной службы на все случаи жизни, а не только в ситуациях, касающихся предотвращения и расследования преступлений и правонарушений. Поэтому, по мнению зарубежных исследователей, значительная часть служебного времени полицейских затрачивается на разрешение иных, не связанных непосредственно со служебной деятельностью задач, а полицейские нередко вынуждены действовать как социальные работники. Происходит своего рода интеграция полиции в рутину повседневной жизни. Тем не менее стержневым положением современной концепции деятельности полиции, обуславливающим многие другие элементы предлагаемых нововведений, выступает необходимость оптимизации усилий полиции в сфере поддержания общественного порядка, что является лейтмотивом реформирования профессиональной подготовки полицейских. Как утверждают исследователи, «в мире существуют различные полицейские структуры и, соответственно, самые разные системы профессиональной подготовки. Тем не менее задачи полицейских сил

одинаковы, следовательно, одинаковы основные принципы профессиональной подготовки сотрудников полиции» [12, с. 64]. В связи с этим целесообразно изучать и заимствовать лучшие и наиболее эффективные принципы организации и правового регулирования зарубежного полицейского профессионального образования. Концепция совершенствования деятельности органов внутренних дел России предполагает их интегрирование в мировую правовую систему и организацию деятельности на основе принятых в мировой практике форм и методов борьбы с преступностью. Следовательно, для модернизации отечественной системы полицейского образования необходимо и целесообразно изучение и использование позитивного зарубежного опыта, который дает возможность оптимизировать имеющиеся педагогические технологии.

Для достижения прогрессивного развития педагогики, в том числе профессиональной, следует изучать зарубежный опыт, который составляется из практических знаний, умений, навыков, приобретенных педагогами в других странах. Данный опыт послужит развитию отечественной профессиональной педагогики. Решение задач, которые призваны решать в настоящее время органы внутренних дел России, обуславливают научное и практическое значение сравнительно-педагогических исследований зарубежного педагогического опыта. «Для диагностики ситуации в системе профессиональной подготовки руководящих кадров ОВД и прогнозирования ее развития на основе выработки стратегических ориентиров, теоретический и практический интерес представляет всесторонний сравнительный анализ как можно большего числа моделей подготовки кадров полиции за рубежом, опыт которых предполагается применить в практике профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел Российской Федерации» [13, с. 5].

Совершенствование системы профессионального образования МВД России в большой степени имеет универсальные тенденции, поэтому согласованность и резуль-

тативность правоохранительных действий зависит от приближения к единым общемировым стандартам. В соответствии с этими тенденциями опыт профессионального образования полицейских кадров представляет большой интерес для ученых в области профессиональной педагогики. Описание зарубежного педагогического опыта призвано раскрывать процесс профессиональной подготовки кадров полиции как гибкий и подверженный изменениям вследствие развития и возникновения противоречий, требующий оптимизации и модернизации. В целях использования положительного опыта и особенностей его развития необходимо изучать, анализировать, качественно систематизировать и последовательно применять инновационные методы и педагогические приемы, которые образуют единую динамичную систему. При этом необходимым условием является сохранение целостности описываемого педагогического опыта, его своеобразия, оригинальности.

Система профессионального образования зарубежных стран была комплексно исследована А. С. Батышевым, А. В. Будановым, И. В. Горлинским, В. А. Губановым, И. О. Котеневым, В. М. Кукушиным, А. Д. Лазукиным, В. С. Лури, В. М. Морозовым, В. А. Сальниковым, А. М. Столяренко, А. А. Федотовым, В. И. Чернениловым, В. М. Шамаровым, В. И. Чернениловым, И. Ч. Шушкевичем, И. Ф. Колонтаевской, А. В. Франком, В. Я. Кикотем и другими известными российскими учеными.

В научных публикациях имеется богатый материал по проблемам профессиональной подготовки сотрудников полиции. Тем не менее современное развитие общества требует решения усложнившихся задач, обусловленных возникновением новых видов преступности, ужесточением террористических угроз, изменением законодательства, совершенствованием технологий, цифровой трансформацией общества. Обеспечение безопасности и общественного порядка является решающей предпосылкой для благополучия государств и мирного сосуществования граждан. Правопорядок и

общественная безопасность должны обеспечиваться сотрудниками, имеющими хороший уровень образования.

Изучение зарубежного полицейского образования есть деятельность по сбору, обобщению, анализу, оценке педагогического опыта профессионального образования кадров полиции зарубежных стран, которая, по мнению известного российского исследователя И. Ф. Колонтаевской, «призвана решать три основные научно-прикладные задачи: педагогический мониторинг зарубежного образования и информирование руководящего состава и научно-педагогических кадров системы профессионального образования МВД о состоянии и происходящих изменениях в профессиональном образовании сотрудников полиции разных стран; выявление полезного для нашего образования положительного опыта полицейского образования, его обсуждение и принятие при необходимости мер по его ассимиляции в прямом или преобразованном виде в образовательный процесс и систему служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации; ознакомление сотрудников полиции, вступающих в контакты с представителями правоохранительных органов других стран и приступающих к взаимодействию с особенностями их образованности, профессионального мастерства, мышления, профессиональных и личностно-значимых качеств, привычек, склонностей, предпочтений для достижения лучшего взаимопонимания и согласованности совместных действий» [14, с. 22].

Знаменитый российский ученый в области юридической педагогики А. М. Столярченко утверждал, что «исследование зарубежного педагогического опыта – “трудное искусство”» [15, с. 13]. Его использование должно заключаться не в бездумном копировании, ведущем зачастую к злоупотреблениям, а осуществляться на основе педагогического профессионализма, творческого подхода.

Конечная цель изучения и распространения ценного зарубежного педагогического опыта – его внедрение в практику обра-

зовательных организаций. Для достижения нужного педагогического эффекта необходимо донести его до профессорско-преподавательского состава в ясной и наглядной форме, открывающей пути и способы его реализации в конкретных данных условиях, пробуждающей глубокий интерес, вызывающей желание и готовность его творческой переработки и внедрения в свою педагогическую практику.

Заключение

Деятельность по сбору, обобщению, анализу, оценке педагогического опыта профессионального образования полицейских зарубежных стран призвана решить следующие задачи:

1. Изучение закономерностей функционирования системы полицейского образования зарубежных стран и подготовка информации для руководителей и научно-педагогических кадров образовательных организаций системы профессионального образования системы МВД России о наличии позитивных моментов, представляющих интерес для осуществления оптимизации и модернизации ведомственного образования.

2. Исследование условий и методов внедрения позитивного зарубежного опыта полицейского образования в процесс обучения и воспитания в образовательных организациях МВД России, организацию повышения квалификации сотрудников.

3. Применение зарубежного опыта профессиональной подготовки в организации международного сотрудничества с правоохранительными организациями зарубежных стран в деле профилактики и борьбы с преступлениями и правонарушениями.

При проверке возможностей использования опыта следует установить, не является ли работа с зарубежным опытом захватом или присвоением чужих исследований с нарушением прав на интеллектуальную собственность; в чем смысл использования зарубежного опыта; определить этапы использования и прогнозы социальных, педагогических, психологических последствий; выявить потенциальных заказчиков на этот опыт.

Методология изучения и использования зарубежного опыта модернизируется в условиях научно-технического прогресса. При проведении сравнительно-педагогических исследований широкое распространение получили методы опроса по телефону, интернет-опросы и др. Тщательное аналитическое исследование отечественного и иностранного законодательства о системах профессионального образования сотрудников органов внутренних дел, изучение нормативных актов, зарубежной педагогической литературы, различного рода документации по организации и осуществлению международной кооперации органов внутренних дел с зарубежными коллегами являются обязательными условиями понимания проблемы и дают возможность приобщить их к сфере современных научных исследований. Для достижения понимания атмосферы межличностных отношений эффективным методом исследований является научный и профессиональный взаимный обмен официальными делегациями сотрудников российской полиции и коллег из зарубежных стран, дающий возможность глубокого проникновения в суть образовательных моделей и детального изучения опыта, его эмоционального восприятия.

Зарубежный опыт профессиональной подготовки полицейских окажет большую помощь в ходе совершенствования ведомственного образования МВД России, целью которого является обучение и воспитание сотрудников полиции, которые «стоят в первых рядах борьбы с преступностью, обеспечива-

ют соблюдение закона и охрану общественного порядка, защищают права и свободы российских граждан, честь и достоинство нашего народа и государства» [16, с. 184]. Его применение предоставит возможность внедрить в систему образования рациональные идеи и инновационные информационные и педагогические технологии. Для использования международного опыта как инструмента модернизации профессионального образования МВД России необходимо тщательно изучить и обобщить достижения педагогов других стран, описать позитивные стороны данного опыта, разработать программы совершенствования профессиональной подготовки российских полицейских, апробировать и внедрить в случае успеха на федеральном уровне. Известные исследователи зарубежного профессионального образования Н. Ф. Гейжан, В. В. Балахонский, О. Н. Миронкина делают обоснованный вывод, что «изучение зарубежного опыта может быть полезным в условиях завершения реформирования органов внутренних дел России и определения перспективных путей их дальнейшего развития» [17, с. 508].

Посредством практического применения перечисленных методов изучения и использования международного опыта профессионального полицейского образования кадров пополняется база сравнительно-педагогических знаний, происходит эффективное развитие теоретико-методологических основ профессиональной педагогики, крайне необходимых для модернизации системы профессионального образования МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгоржав Д., Петрова Е. А. Обучение профессиональному английскому языку в контексте глобального образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 157–168.
2. Ковтуненко Л. В., Гузев М. С. Инновационные императивы в отечественном образовании // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 177–183.
3. Литвинов В. А. О современных тенденциях реформирования образования в России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 186–192.
4. Синянский В. А., Каленик Р. С., Афиногенов Т. П. Профессиональная подготовка полицейского в зарубежных странах, передовой опыт, современные технологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 152–154. DOI 10.26140/anip-2020-0901-0035.

5. Бородавко Л. Т., Чимаров С. Ю. Анализ современных научных положений о концептуальных основах цифровой педагогики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 148–155.
6. Исаев А. А. Воспитание как необходимый элемент образовательного процесса высшей школы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (99). С. 204–209.
7. Ткач Л. Т. Реализация компаративистского подхода в проектировании поликультурного содержания непрерывного педагогического образования // Пермский педагогический журнал. 2015. № 7. С. 10–15.
8. Садовничий В. А. Университеты. Настоящее. Будущее. // Университеты и общество: материалы Первой международной конференции университетов стран СНГ и Балтии. М.: МГУ. 2001. С. 2–8.
9. Вульфсон Б. Л., Малькова З. А. Сравнительная педагогика. М.: Издательство «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. С. 34–40.
10. Sterbling A. Qualifikationsprofil des Polizeiberufs und modularisiertes Polizeistudium / Modernisierung der Polizeiausbildung – allgemeine und hochschuldidaktische Fragen – Ralph Berthel & Anton Sterbling (Hrsg.). Rothenburg/OL.: Hochschule der Sächsischen Polizei (FH), 2007. (Rothenburger Beiträge; 35). S. 47–69.
11. Колонтаевская И. Ф. Педагогика профессионального образования кадров полиции зарубежных стран: Анализ, оценка, использование опыта: дис. ... докт. пед. наук. Москва, 2002. 461 с.
12. Лупырь В. Г. Особенности профессиональной подготовки кадров полиции зарубежных государств // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 63–65.
13. Кобозев А. А., Монгуш А. С. Профессиональная подготовка руководящих кадров полиции в странах Европы: особенности и тенденции развития // Право и образование. 2010. № 1. С. 4–27.
14. Колонтаевская И. Ф. Педагогика профессионального образования кадров полиции зарубежных стран: монография. М.: Академия управления МВД России, Издательство «Щит – М», 2002. 277 с.
15. Столяренко А. М. Мировой педагогический опыт и профессиональное образование в МВД РФ на рубеже XXI в. М., 1997. 115 с.
16. Муслова Л. А. Лингводидактические методы и средства воспитания традиционных ценностей в процессе иноязычной профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 183–189.
17. Гейжан Н. Ф., Балахонский В. В., Миронкина О. Н. Профессиональный отбор и обучение сотрудников полиции в зарубежных странах // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 5-1. С. 501–510. DOI: 10.34670/AR.2021.48.42.043.

REFERENCE

1. Dolgorzhav D., Petrova E. A. Teaching professional English in the context of global education // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (103). P. 157–168. (In Russ.)
2. Kovtunen L. V., Guzeev M. S. Innovative imperatives in domestic education // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (102). P. 177–183. (In Russ.)
3. Litvinov V. A. On modern trends in education reform in Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (103). P. 186–192. (In Russ.)
4. Sinyansky V. A., Kalenik R. S., Afinogenov T. P. Professional training of a police officer in foreign countries, advanced experience, modern technologies // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. Vol. 9. No. 1 (30). P. 152–154. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0035. (In Russ.)
5. Borodavko L. T., Chimarov S. Yu. Analysis of modern scientific provisions on the conceptual foundations of digital pedagogy // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 148–155. (In Russ.)
6. Isaev A. A. Education as a necessary element of the educational process of higher education // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (99). P. 204–209. (In Russ.)
7. Tkach L. T. Implementation of a comparative approach to designing multicultural content of continuous pedagogical education // Perm pedagogical journal. 2015. No. 7. P. 10–15. (In Russ.)

8. Sadovnichy V. A. Universities. Present. Future. // Universities and society: materials of the First international conference of universities of the CIS and Baltic countries. Moscow: Moscow State University. 2001. P. 2–8. (In Russ.)

9. Wulfson B. L., Malkova Z. A. Comparative pedagogy. Moscow: Publishing house “Institute of Practical Psychology”. Voronezh: NPO “MODEK”, 1996. P. 34–40. (In Russ.)

10. Sterbling A. Qualification profile of police forces and modular police studies / Modernization of police training – general and high-quality students – Ralph Berthel & Anton Sterbling (Hrsg.). Rothenburg / OL.: Hochschule der Saxon Police (FH), 2007. (Rothenburger Beiträge; 35). S. 47–69. (In Germ.)

11. Kolontaevskaya I. F. Pedagogy of professional education of police personnel of foreign countries: Analysis, evaluation, use of experience: diss. ... Doctor of Pedagogy. Moscow, 2002. 461 p. (In Russ.)

12. Lupyv V. G. Features of professional training of police personnel of foreign countries // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (34). P. 63–65. (In Russ.)

13. Kobozev A. A., Mongush A. S. Professional training of police management personnel in European countries: features and development trends // Law and education. 2010. No. 1. P. 4–27. (In Russ.)

14. Kolontaevskaya I. F. Pedagogy of professional education of police personnel in foreign countries: monograph. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Publishing House “Shchit-M”, 2002. 277 p. (In Russ.)

15. Stolyarenko A. M. World pedagogical experience and professional education in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the turn of the 21st century. M., 1997. 115 p. (In Russ.)

16. Muslova L. A. Lingvodidactic methods and means of education of traditional values in the process of foreign language professional training of cadets of educational institutions of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 183–189. (In Russ.)

17. Geizhan N. F., Balakhonsky V. V., Mironkina O. N. Professional selection and training of police officers in foreign countries // Pedagogical journal. 2021. Vol. 11. No. 5-1. P. 501–510. DOI: 10.34670/AR.2021.48.42.043. (In Russ.)

Информация об авторе:

Л. С. Кравчук, без ученой степени, доцент.

Information about the author:

L. S. Kravchuk, no academic degree, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 378.14

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КУРСАНТОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ АКТИВИЗАЦИИ СУБЪЕКТА
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ**

Людмила Владимировна Кузнецова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия
mikalv_09@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на педагогических возможностях образовательного процесса в вузе МВД России, способствующих формированию профессионального самоопределения курсантов в период обучения в образовательной организации, а также в период профессиональной практики на основе активизации субъекта образовательного процесса. Активизация образовательной деятельности курсантов направлена на формирование интереса к выбранной профессии через игровые формы проведения занятий, привлечение к организации и проведению занятий практических сотрудников. Сделан вывод, что активизация субъектов обучения способствует более глубокому погружению курсантов в особенности профессиональной деятельности сотрудника полиции.

В рамках проведенного исследования автором был проведен опрос курсантов на предмет отношения к профессии сотрудника полиции, на основании которого выявляются важность и значимость профессионального самоопределения курсантов. Были проанализированы виды учебных занятий в образовательной организации, наиболее способствующие приближению к практике, выработке практических навыков. В заключение констатируется, что в современных условиях качественная подготовка курсантов требует пересмотра имеющихся педагогических технологий, повышения роли активного участия курсантов в образовательном процессе.

Ключевые слова: профессия, профессиональное становление, профессиональное самоопределение, профессиональная деятельность, методы активизация субъекта профессионального самоопределения, сотрудник полиции, курсант.

Для цитирования: Кузнецова Л. В. Профессиональное самоопределение курсантов как результат активизации субъекта в процессе обучения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 185–194.

Original article

**PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF CADETS AS A RESULT OF
SUBJECT ACTIVATION IN THE LEARNING PROCESS**

Lyudmila V. Kuznetsova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia
mikalv_09@mail.ru

Abstract. The article focuses on the pedagogical possibilities of the educational process at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, contributing to the formation of professional self-determination of cadets during their training at an educational organization, as well as during their professional practice based on the activation of the subject of the educational process. The activation of the educational activities of cadets is aimed at forming interest in the chosen profession through game forms of teaching, involving practical staff in organizing and conducting classes. It is concluded that the activation of subjects of training contributes to a deeper immersion of cadets in the features of professional activities of a police officer.

© Кузнецова Л. В., 2025

As part of the research, the author conducted a survey of cadets on the subject of attitudes towards the profession of a police officer, on the basis of which the importance and significance of professional self-determination of cadets is revealed. The types of training sessions in an educational organization that most contribute to approaching practice and developing practical skills were analyzed. In conclusion, it is stated that in modern conditions, high-quality training of cadets requires a review of existing pedagogical technologies, an increase in the role of active participation of cadets in the educational process.

Keywords: profession, professional development, professional self-determination, professional activity, methods of activating the subject of professional self-determination, police officer, cadet.

For citation: Kuznetsova L. V. Professional self-determination of cadets as a result of subject activation in the learning process // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 185–194. (In Russ.)

Введение

Профессиональное самоопределение курсантов образовательных организаций МВД России в современных условиях осуществляется, прежде всего, в процессе обучения. Формирование профессионального и личностного роста курсантов зависит от эффективности образовательного процесса. Задачи исследования состояли в осознании курсантами сущности и значимости профессионального самоопределения; выделении базовых оснований для активизации профессионального самоопределения в процессе профессиональной подготовки.

Многообразие и сложность задач, реализуемых в современном обществе, предъявляют высокие требования к специалистам. Современная система подготовки кадров для органов внутренних дел направлена не только на постоянное соответствие изменениям в профессиональной деятельности, но и возможностям специалистов в полной мере реализовать себя в профессиональном и личностном аспекте. Одним из возможных путей в данном направлении является повышение профессионального и личностного самоопределения, способствующие полной реализации субъекта в профессиональной деятельности.

Проблема профессионального самоопределения находится в фокусе внимания специалистов, исследующих проблемы профессионального выбора, профориентации, и выступает одним из актуальных факторов, обеспечивающих профессиональную устойчивость специалистов в условиях профессиональной деятельности (Э. Ф. Зеер,

Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, С. Н. Чистякова и др.). Авторы в своих исследованиях указывают на необходимость непрерывного совершенствования личности профессионала и делают вывод о том, что «самоопределение» личности может быть как профессиональным, так и личностным, и играет важную роль в период выбора профессии, профессионального обучения и на протяжении всей профессиональной деятельности. Авторы характеризуют самоопределение личности в профессии как многолетний процесс, в результате которого постигается смысл профессии. С. Н. Чистякова, занимаясь процессом профессионального самоопределения в школе, отмечала его как достаточно сложный и длительный, требующий постоянного педагогического сопровождения [1].

Существуют различные типы и уровни самоопределения, которые выделяют ученые исходя из различных признаков, таких как ценности, отношение к трудовой деятельности, наличие конкретно-исторических этапов и т. д. Объединяет их взгляд на самоопределение как явление достаточно длительное и зависящее от их трудовой деятельности (профессиональное самоопределение) и взглядов на жизнь, на ее смысл, жизненные принципы и убеждения (личностное самоопределение).

Профессиональное самоопределение осуществляется в школе, происходит выбор профессии и большую роль играет профориентация как один из методов активизации профессионального самоопределения. Тем не менее профессиональное самоопре-

деление осуществляется и в дальнейшем в процессе высшего образования, а также на протяжении профессиональной деятельности.

Следовательно, профессиональное самоопределение, формируемое на протяжении всей жизни, превращается в более осмысленное понимание профессии, выбора своего пути и превращение профессии во внутренние и внешние саморегуляции своего поведения и профессиональное определение за счет приобретения и совершенствования знаний и умений. Правильный выбор профессии играет огромную роль в жизни человека. С. Н. Чистякова, Н. Ф. Родичев отмечали, что «...профессия человека определяет его образ жизни, а образ жизни влияет на выбор профессии» [2, с. 55]. О. Р. Данилова, Т. В. Самодурова также подчеркивают данную мысль, отмечая, что выбор профессии определяет выбор всей жизни [3].

Выявление сущности профессионального самоопределения, отношения к выбранной профессии позволяет определить актуальность исследуемой темы, значимость данного качества обучающихся и на основе получаемых результатов внесения изменений в процесс вузовской подготовки будущих специалистов.

Для характеристики профессионального самоопределения курсантов, значимости и необходимости данного качества для профессиональной деятельности использовался педагогический опыт автора в образовательной деятельности. На наш взгляд, одним из направлений профессионального самоопределения в процессе обучения, а также в период профессиональной практики является активизация субъекта образовательного процесса. С этой целью обращалось внимание на активизацию обучения курсантов, которая помогает будущему специалисту осознать сущность выбранной профессии, а также способствует в будущем профессиональному и личностному росту.

Материал и методы

Материал исследования – процесс профессионального самоопределения курсантов в образовательном процессе высшего

образования МВД России. В данной статье использовались такие методы, как изучение специальной, научно-методической литературы по активизации профессионального самоопределения молодых специалистов; обобщение личного педагогического опыта автора; изучение результатов исследования (опрос, анкетирование, активизирующие опросники, наблюдение), обработка полученных данных.

Результаты и обсуждение

Профессиональное самоопределение личности осуществляется, прежде всего, в системе профессионального образования. Одним из возможных путей повышения профессионального самоопределения, способствующих полной реализации специалиста в профессиональной деятельности, является активизация субъектов образовательного процесса.

Н. С. Пряжников рассматривает самоопределение через категорию смысл, то есть «...в умении человека находить новые смыслы в конкретном деле и во всей своей жизни...» [4, с. 10]. Рассматривая соотношение понятий «профессиональное самоопределение» и «личностное самоопределение», автор подчеркнул, что «личностное самоопределение» – более сложное понятие, так как оно связано с самим человеком, «профессиональное самоопределение» – более конкретное и больше всего зависит от внешних условий [4]. «Главная (идеальная) цель профессионального самоопределения – постепенно сформировать у клиента внутреннюю готовность самостоятельно и осознанно планировать, корректировать и реализовывать перспективы своего развития (профессионального, жизненного и личностного)» [4, с. 18].

Понятие «профессиональное самоопределение» было достаточно подробно проанализировано К. С. Бутовым [5] и Н. А. Лупановой [6] в аспекте ретроспективы, а также в различных научных сферах и связанных с конкретными социально-экономическими условиями потребностях профессиональной деятельности и проявляется в системе профессионального образования. Таким об-

разом, суть профессионального самоопределения конкретизируется в зависимости от этапа профессионального становления.

А. Р. Фонарев рассматривает профессиональное самоопределение с различных позиций: это может быть выбор профессии или в целом выбор стиля жизни. Мы за основу своего исследования берем определение профессионального самоопределения как «процесс развития человека в профессии, на основе наиболее полного использования своих возможностей» [7, с. 79].

В. А. Стародубцев, М. А. Соловьев, Е. Ю. Валитова раскрывают данное понятие достаточно широко, подразумевая под профессиональным самоопределением «не просто выбор профессии или альтернативных сценариев профессиональной жизни, а своеобразный творческий процесс профессионального развития личности, который протекает на протяжении всей жизни – начиная с выбора профессии и до окончания профессиональной деятельности» [8, с. 48]. На необходимость формирования положительного отношения к «служебной и будущей профессиональной деятельности у обучающихся ведомственных вузов» [9, с. 189] указывает Э. В. Зауторова, исследуя необходимость повышения заинтересованности курсантов в образовательном процессе, закрепления теоретических знаний на практике, приближения их к профессиональной деятельности.

Таким образом, мы можем вести речь о профессиональном самоопределении, о реализации специалистов в профессии. Но достаточно часто ученые используют данную категорию в тесной взаимосвязи с личностным самоопределением. Мы также используем два этих понятия как единое целое, если говорим о профессиональном самоопределении, то, конечно, имеем в виду, что с совершенствованием личности специалиста в профессиональной деятельности совершенствуются и его личностные качества.

Следовательно, профессиональное самоопределение проходит достаточно много этапов, начиная с выбора профессии в школе, приобретения профессиональных знаний

и умений при получении профессионального образования до совершенствования навыков, а иногда и приобретения новых знаний и умений на протяжении всей профессиональной деятельности.

Таким образом, краткий анализ данного понятия позволяет нам говорить о необходимости и возможности формирования профессионального самоопределения обучающихся высшей школы. В данном исследовании мы ограничиваем рамки профессионального самоопределения временем обучения в образовательной организации высшего образования МВД России.

Л. Н. Филонова, исследуя проблему выбора профессии, охарактеризовала основные трудности, которые могут возникнуть у обучающихся: с характеристикой сущности выбранной профессии; с условиями труда и требованиями, которые могут предъявляться к молодым специалистам [10, с. 145]. Следовательно, в процессе обучения у данных обучающихся могут возникнуть затруднения в профессиональном самоопределении. Эффективность профессиональной деятельности сотрудников полиции во многом зависит от уровня профессионального самоопределения, возможности повышения которого зависят от целенаправленной системы обучения, отвечающей требованиям профессии сотрудника полиции на современном этапе.

При анализе состояния профессионального самоопределения обучающихся исследование проводилось с курсантами 1–2 курсов, а также выпускниками 4–5 курсов факультета подготовки сотрудников полиции и следователей Барнаульского юридического института МВД России. В своем исследовании мы основывались на их теоретической подготовке, наличии практического опыта, полученного в основном в период ознакомительной, учебной и преддипломной практик.

Выяснение сущности профессионального самоопределения осуществляется через несколько критериев, прежде всего, отношение личности к самой профессии, осведомленность о сущности и важности профессии, а также понимание значимости професси-

онального самоопределения в повышении эффективности будущей деятельности.

Результаты опроса, касающиеся отношения курсантов к профессии сотрудника полиции, свидетельствуют о достаточно большом количестве курсантов, осуществивших свой выбор исходя из мотивов, не имеющих отношения к сущности и содержанию профессии, основным направлениям профессиональной деятельности сотрудников полиции (уголовный розыск, следствие, участковые уполномоченные полиции). Показатели учебной деятельности курсантов четко демонстрируют прямую зависимость уровня обучения курсантов от отношения личности к самой профессии.

Рассматривая профессиональное самоопределение в образовательной организации высшего образования, следует выделить несколько этапов. Прежде всего, первоначальный этап, который соответствует начальным курсам. На данном этапе уровень профессионального самоопределения характеризуется неполным осознанием значительной частью обучаемых сущности выбранной профессии, что характеризует недостаточный уровень профессиональной ориентации выпускников школы. Данный аспект отражается в уровне образовательной подготовки абитуриентов, что проявляется на успеваемости обучающихся 1–2 курсов обучения, разочаровании в выборе профессии в период первоначального обучения, прохождения ознакомительной практики. Снижение уровня общеобразовательной подготовки подтверждается снижением количества поступающих в высшие образовательные организации МВД России, а также снижением проходного балла.

Согласно опросу, 65 % курсантов можно отнести к высокому уровню осведомленности о профессии сотрудника полиции, отмечается их стремление к самообразованию, овладению профессиональными знаниями и приобретению навыков в ходе практических занятий, прохождения практик и в процессе самообразования: курсанты 1–2 курсов (20 %), курсанты (слушатели) 4–5 курсов (45 %). Большинство курсантов на

начальных курсах можно отнести к среднему уровню, т. е. обучающиеся этого уровня частично ставят перед собой конкретные цели приобретения практических навыков, самообразования, частично их выполняют.

К низкому уровню отнесены курсанты, которые совершенно не сопоставляют свой учебный процесс, получаемые знания и будущую профессиональную деятельность либо уделяют внимание одному-двум конкретным предметам, которые им просто интересны, но не сопоставляют их с будущей профессиональной деятельностью (история, культурология, логика, теория и история государства и права). К данному уровню в основном относим курсантов начальных курсов и частично старших курсов.

Полученные результаты анализа и опроса свидетельствуют о том, что совершенствование профессиональной подготовки возможно в рамках профессионального самоопределения. Однако одновременно возникает проблема обеспечения уровня образовательного процесса и создания условий для профессионального самоопределения будущих сотрудников полиции.

Большие перспективы для профессионального самоопределения имеет активизация профессионального обучения. В контексте исследования становления профессионала в рамках профессиональной подготовки категория активизации рассматривается как одна из форм профессионального самоопределения. Э. В. Сайко, изучая проблему субъекта, выделяет определяющие его качества, одним из которых называет «...активность и способность к целенаправленной деятельности...» [11, с. 38].

А. Р. Фонарев, исследуя психологию становления личности профессионала, опираясь на исследования Н. А. Бернштейна, Г. В. Суходольского, А. Н. Леонтьева, В. А. Петровского, приходит к выводу, что «активность» является процессом, движением и находится в прямом взаимодействии с категорией «деятельность» [7].

Активизация проявляется прежде всего через простое взаимодействие и сотрудничество преподавателей и обучающихся. Это

не самый продуктивный способ обучения, но это уже этап, который настраивает курсантов на активизацию своих действий, а преподавателя – на активизацию процесса обучения посредством использования инновационных методик, формирующих интерес к будущей профессии сотрудника полиции.

Наиболее высокий этап активизации личности обучающегося проявляется в процессе организации обучения, стимулирования самостоятельности и творчества, инициативы. Г. А. Каменева и Т. А. Бондаренко, исследуя педагогические условия активизации процесса обучения студентов, обосновывают необходимость их включения в учебно-познавательную деятельность [12], а также повышения активизация самостоятельной деятельности студентов [13]. Самостоятельность личности проявляется в умении выстраивать отношения со всеми субъектами образовательного процесса, в саморазвитии исходя из своих потребностей, а также потребностей профессии и общества. Творчество и инициатива в характеристике профессионального самоопределения формируются на основе проявления интереса к образовательной деятельности, тем самым формируется готовность к совершенствованию своих знаний, профессиональному становлению себя как специалиста. Это дает возможность быть активным субъектом образовательного процесса.

В данном исследовании мы обращаем внимание прежде всего на возможность и необходимость выхода за пределы конкретной образовательной деятельности, ее рамок и проявление творчества, инициативы и поиска новых форм и методов организации образовательного процесса, активизирующих профессиональное самоопределение.

Можно выделить следующие основания для профессионального самоопределения курсантов в процессе обучения:

- совокупность качеств субъектов обучения, обеспечивающих ему заинтересованность в приобретении профессиональных качеств;
- ценностный аспект профессиональной деятельности;

- критерии самооценки в рамках образовательной и будущей профессиональной деятельности;

- возможности курсантов в образовательном процессе и будущей профессиональной деятельности;

- определение качеств, необходимых для профессиональной деятельности.

Активизация образовательной деятельности курсантов, направленная на профессиональное самоопределение, характеризуется формированием у них интереса к выбранной профессии через игровые формы проведения занятий (ролевые и деловые игры), привлечение к организации и проведению занятий практических сотрудников, имеющих достаточный опыт в данной профессии. Обсуждение на занятиях вопросов, отражающих сущность профессиональной деятельности, с использованием элементов дискуссий, активизирующих опросников, направленных на развитие самостоятельного мышления.

Нами были проанализированы виды учебных занятий в образовательной организации. В основном можно выделить учебные занятия и активизирующие методики, направленные на приобретение профессиональных навыков:

- выполнение на занятиях заданий практической направленности с заранее допущенной ошибкой. После нахождения ошибки обучающиеся предлагают собственное решение с обязательной аргументацией, подтверждением нормативными документами;

- проведение занятий с использованием деловых игр, различных тренингов, позволяющих развивать качества специалиста, осваивать профессию в практической ситуации (в данном случае слушатели получают не просто теоретические знания, а приобретают практические умения и навыки в процессе выполнения конкретного задания);

- использование в учебных занятиях (лекциях, практических занятиях и т. д.) активизирующих вопросов, создание проблемных ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью;

– выполнение заданий, не только характеризующихся большей сложностью, но, прежде всего, заставляющих обучающихся искать пути их решения, усложняющихся с каждым уровнем обучения;

– повышение активности обучающихся за счет включения их непосредственно в процесс подготовки учебного занятия и его проведения, что позволит формировать уверенность в себе, усилит самостоятельность в решении различных ситуаций, как профессиональных, так и личностных;

– ролевые игры, направленные на стимулирование активности курсантов, привитие навыков работы в группе, умений использовать свои способности;

– предпочтение практико-ориентированных занятий с учетом специфики будущей профессиональной деятельности.

Большую роль в профессиональном самоопределении играют самостоятельная работа, введение факультативных занятий как для курсантов, так и для начинающих преподавателей. Не менее важную роль играет формирование активности слушателей за счет взаимодействия преподавателей и обучаемых, создания условий для их личностного самоопределения.

Эти методы позволяют повысить познавательную, практико-поведенческую активность обучающихся, повысить мотивацию приобретения профессиональных знаний, направленную на повышение профессионального самоопределения.

Существенное значение в профессиональном самоопределении играют преподаватели с их личностными и профессиональными качествами, «обладающие высоким профессионализмом, склонные к инновационным поискам и проявлению сверхнормативной профессиональной активности» [14, с. 431], а также рассмотрение данной категории с психологической стороны [15].

Выбор метода активизации профессионального самоопределения в образовательном процессе зависит от большого числа факторов: уровня подготовленности обучающихся, форм и видов обучения, навыков работы преподавателя с инноваци-

онными технологиями, проявления творчества.

Ориентация на отдельно взятый вид занятия и отказ от понимания значимости других может привести к снижению уровня профессиональной подготовленности и мотивов профессионального самоопределения. Результаты опроса свидетельствуют, что курсанты не осознают значимость взаимодействия всех учебных занятий для полноценной готовности к профессиональной деятельности.

Информацию о предпочтениях видов учебных занятий в рамках профессионального самоопределения курсантов нам дали ответы на вопрос: «Какие виды учебных занятий, на Ваш взгляд, играют достаточно большую роль для профессионального самоопределения?». Опрос был проведен в рамках специальных дисциплин с учетом активизирующих методик профессионального самоопределения.

Ответы на вопрос показали, что курсанты 1–2 курсов недостаточно оценивают значимость лекций (5 %), отдавая предпочтение учебникам и учебным пособиям, что объясняется неумением слушать и записывать лекции, работать с конспектами, проявлять активность на лекциях (таблица 1). Курсанты 4–5 курсов отдали предпочтение практическим занятиям (47 %) и практике (16 %) (таблица 2).

Результаты опроса свидетельствуют о том, что курсанты недостаточно осознают значимость совокупности всех видов учебных занятий и учебных дисциплин для формирования профессионального самоопределения.

Предпочтение лекций у старшекурсников по отношению к первым курсам указывает на понимание ими значимости теоретического материала, его научности и актуальности. Материал лекций позволяет освоить многие научные теории, получить учебную и научную информацию, так как учебники несколько отстают от изменений в законодательстве, научных изысканиях. Между тем предпочтение практических занятий на старших курсах вполне закономерно, так как они достаточно плотно ориентированы на профессиональ-

Таблица 1 – Предпочтение обучающихся 1–2 курсов
в видах учебных занятий по специальным дисциплинам

№	Виды занятий	Баллы	Результаты	Ранг
1	Лекции	4	5 %	3
2	Семинары	5	70 %	1
3	Практические занятия	3	5 %	3
4	Самостоятельная работа	2	4 %	4
5	Консультации	1	12 %	2
6	Практика	1	4 %	4

Таблица 2 – Предпочтение обучающихся 4–5 курсов
в видах учебных занятий по специальным дисциплинам

№	Виды занятий	Баллы	Результаты	Ранг
1	Лекции	4	15 %	4
2	Семинары	5	14 %	3
3	Практические занятия	3	47 %	1
4	Самостоятельная работа	2	6 %	3
5	Консультации	1	2 %	6
6	Практика	1	16 %	2

ную деятельность. К сожалению, курсанты недостаточно внимания уделяют самостоятельной работе, в то время как в современный период данный вид учебной работы позволяет постоянно совершенствовать профессиональное самоопределение.

Заключение

Таким образом, профессиональное самоопределение сопутствует личности на всем протяжении профессиональной деятельности. Между тем каждый этап профессионального самоопределения имеет свои цели, а следовательно, требует активизации

образовательного процесса в соответствии с целями и задачами данного этапа. В связи с этим следует выделять методики, направленные на эмоциональную или волевою активность, что проявляется в сохранении либо формировании продолжительного интереса к выбранной профессии, познавательную поведенческую активность, формируемую с помощью инновационных методик, в полной мере отражающих сущность профессиональной деятельности, познаваемой в образовательном процессе и прохождении практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чистякова С. Н. Профессиональное самоопределение личности: механизмы и образовательные ресурсы // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 45–50.
2. Чистякова С. Н. Актуальность проблемы профессионального самоопределения обучающихся в современных условиях // Профессиональное образование и рынок труда. 2018. № 1. С. 54–60.
3. Данилова О. Р., Самодурова Т. В. Проблема профессионального самоопределения учащихся: сущностные смыслы педагогического взаимодействия // Педагогический журнал. 2016. Том 6. № 6А. С. 362–373.
4. Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: учебно-методическое пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2002. 400 с.
5. Буров К. С. Профессиональное самоопределение как научное понятие // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2017. Т. 9. С. 57–67.

6. Лупанова Н. А. Профессиональное самоопределение как педагогическая категория // Известия Пензенского государственного университета имени В. Г. Белинского. Общественные науки. 2011. № 24. С. 702–711.
7. Фонарев А. Р. Психология становления личности профессионала: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института. 2005. 240 с.
8. Стародубцев В. А., Соловьев М. А., Валитова Е. Ю. Педагогическая поддержка профессионального самоопределения студентов в вузе // Высшее образование в России. № 1. 2015. С. 47–56.
9. Зауторова Э. В. Отношение к будущей профессиональной деятельности курсантов ведомственного вуза // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 187–194.
10. Филонова Л. Н. Содействие профессиональному самоопределению будущего специалиста в процессе обучения в вузе // Образование и наука. 2008. № 8 (50). С. 143–149.
11. Сайко Э. В. Субъект: создатель и носитель социального. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. 424 с.
12. Каменева Г. А., Бондаренко Т. А. Педагогические условия активизации учебно-познавательной деятельности студентов в современных условиях информатизации образования // Вестник Новосибирского государственного университета. 2018. Том. 8. № 4. С. 172–183.
13. Тимофеева Е. В., Бахмутская Ю. А., Лебедева О. Е., Клейменова М. Н. О некоторых аспектах активизации самостоятельной деятельности студента вуза // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 4. С. 246–250.
14. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 480 с.
15. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия. 2004. 304 с.

REFERENCES

1. Chistyakova S. N. Professional self-determination of the individual: mechanisms and educational resources // *Man and education*. 2014. No. 3 (40). P. 45–50. (In Russ.)
2. Chistyakova S. N. Relevance of the problem of professional self-determination of students in modern conditions // *Professional education and the labor market*. 2018. No. 1. P. 54–60. (In Russ.)
3. Danilova O. R., Samodurova T. V. The problem of professional self-determination of students: essential meanings of pedagogical interaction // *Pedagogical journal*. 2016. Vol. 6. No. 6A. P. 362–373. (In Russ.)
4. Pryazhnikov N. S. Methods of activating professional and personal self-determination: a teaching aid. M.: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, 2002. 400 p. (In Russ.)
5. Burov K. S. Professional self-determination as a scientific concept // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences*. 2017. Vol. 9. P. 57–67. (In Russ.)
6. Lupanova N. A. Professional self-determination as a pedagogical category // *Bulletin of the Penza State University named after V. G. Belinsky. Social Sciences*. 2011. No. 24. P. 702–711. (In Russ.)
7. Fonarev A. R. Psychology of the formation of a professional's personality: a tutorial. M.: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute. 2005. 240 p. (In Russ.)
8. Starodubtsev V. A., Soloviev M. A., Valitova E. Yu. Pedagogical support for students' professional self-determination at a university // *Higher education in Russia*. No. 1. 2015. P. 47–56. (In Russ.)
9. Zautorova E. V. Attitude to future professional activity of departmental university cadets // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 3 (105). P. 187–194. (In Russ.)
10. Filonova L. N. Assistance to professional self-determination of a future specialist in the process of studying at a university // *Education and Science*. 2008. No. 8 (50). P. 143–149. (In Russ.)
11. Saiko E. V. Subject: creator and bearer of the social. M.: Publishing House of Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK" Publishing House, 2006. 424 p. (In Russ.)
12. Kameneva G. A., Bondarenko T. A. Pedagogical conditions for activating the educational and cognitive activity of students in the modern conditions of informatization of education // *Bulletin of the Novosibirsk State University*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 172–183. (In Russ.)
13. Timofeeva E. V., Bakhmutskaya Yu. A., Lebedeva O. E., Kleymenova M. N. On some aspects of activating the independent activity of a university student // *Modern science-intensive technologies*. 2022. No. 4. P. 246–250. (In Russ.)

14. Zeer E. F. Psychology of professional education: a tutorial. M.: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO MODEK Publishing House, 2003. 480 p. (In Russ.)

15. Klimov E. A. Psychology of Professional Self-Determination. Moscow: Academy. 2004. 304 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Л. В. Кузнецова, доктор педагогических наук, профессор.

Information about the author:

L. V. Kuznetsova, Doctor of Pedagogy, Professor.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 26.09.2025.

Научная статья
УДК 343.851.5(470)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Юрий Юрьевич Тищенко

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
nii@fsin.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы исправления трудновоспитуемых подростков, организации работы с неблагополучными семьями, необходимости в осуществлении мер, направленных на улучшение микро- и макросреды, под воздействием которых формируется личность подростка. Нужны индивидуальные меры влияния на конкретную личность, меры психологического, педагогического и медицинского характера.

Ключевые слова: правонарушение, несовершеннолетний осужденный, преступность, психологическая неподготовленность, личность.

Для цитирования: Тищенко Ю. Ю. Совершенствование работы по исправлению несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 195–199.

Original article

IMPROVEMENT OF WORK ON CORRECTION OF JUVENILE OFFENDERS

Yury Yu. Tishchenko

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
nii@fsin.ru

Abstract. The article deals with the issues of correction of problem adolescents, organization of work with dysfunctional families, the need to implement measures aimed at improving the micro- and macro-environment, under the influence of which the personality of an adolescent is formed. Individual measures of influence on a particular personality, psychological, pedagogical and medical measures are needed.

Keywords: offense, juvenile convict, crime, psychological unpreparedness, personality.

For citation: Tishchenko Yu. Yu. Improvement of work on correction of juvenile offenders // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). P. 195–199. (In Russ.)

Введение

Правонарушение – сложное, многоэлементное социальное явление, требующее комплекса противодействующих мер. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Мудрый законодатель сделает все, чтобы предупредить преступление, чем быть вынужденным наказывать за него» [1].

Широкие возможности искоренения правонарушений из жизни общества открылись в нашей стране после Октябрьской революции. С чего же начиналась деятель-

ность молодого советского государства в решении этой проблемы?

Главным объектом, на который направлялись усилия молодого советского государства, явилась преступность среди подростков, своеобразная база общей преступности. На смену тюрьмам пришли учреждения воспитательного, медицинского характера. «Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются», – гласила ст. I Декрета о комиссиях для несовершеннолетних, под-

писанного В. И. Лениным 14 января 1918 года [2, с. 91]. Беспорядки попадали в руки врачей и воспитателей, переставали служить материалом для обновления системы преступности.

Несмотря на огромные экономические трудности, страна сумела создать необходимые условия для воспитания подрастающего поколения, что способствовало значительному сокращению преступности. В этом огромная заслуга отечественной педагогики и психологии. Система работы А. С. Макаренко до сих пор ценится и применяется во всем мире.

На современном этапе вопросы воспитания и исправления несовершеннолетних в значительной мере усложняются. Изменения, происходящие в российском обществе, кардинально влияют на общественные процессы в разных сферах. Однако эти изменения не всегда имеют положительные ориентиры. Так, трансформация традиционных ценностей, нравственных приоритетов негативно сказывается на социализации молодежи, ее духовном развитии, особенно это негативно отражается на социально незрелых подростках и юношах. В результате парадоксов современной жизни многие из них оказываются в группе социального риска, допускают различные девиации в поведении, совершают правонарушения. Необходимым условием успешной социальной адаптации и коррекции социального поведения лиц, попадающих в сферу уголовной юстиции (без изоляции от общества), является психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних.

На законодательном уровне воспитание определяется сегодня приоритетом социального и образовательного поля, поскольку молодежь вовлекают в противоправную и деструктивную деятельность, навязывая ей ложные ценностные ориентиры. Не случайно недавний концептуальный материал по организации воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе ставит задачу «совершенствования системы подготовки специалистов и повышения квалификации в области воспитательной работы» [3].

Методы

Методами исследования стали анализ научной литературы и методических разработок; сравнение, обобщение и системно-структурный метод при анализе материалов, методы психолого-педагогического сопровождения, актуальных нормативных источников, обобщение теоретических данных, а также беседа и анкетирование.

Обсуждение

В последние годы мы воспитываем молодежь в достатке. Достаток как положительный фактор порождает в то же время отдельные нежелательные явления. В некоторых семьях отмечается тенденция «потребительского» воспитания, увлечение вещизмом, отсутствует система трудового воспитания. На это обстоятельство обращал внимание еще В. А. Сухомлинский: «Чем лучше становится жить, – писал он, – чем больше ценностей бытового характера и духовной культуры предоставляется в распоряжение молодого поколения <...> тем труднее воспитывать» [4, с. 143]. Не сокращается пьянство, со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Увеличивается число непрочных брачных союзов. Не случайно, как показывает анализ, около трети подростков, состоящих на профилактическом учете в инспекциях органов внутренних дел по делам несовершеннолетних, воспитываются одним родителем [5].

Нельзя не учитывать и миграционные проблемы, которые разрушают старые сложившиеся устои, традиции. Этим, на наш взгляд, можно объяснить причины наметившейся тенденции выравнивания правонарушений среди подростков.

Заметно проявляется также несоответствие между ускоренным физическим и биологическим взрослением подростков и их запоздалым социальным развитием [6].

В этих условиях как никогда возникает острая необходимость в дальнейшем осуществлении не только общих социально-экономических мер, направленных на улучшение микро- и макросреды, под воздействием которых формируется личность подростка. Нужны индивидуальные меры

влияния на конкретную личность, меры психологического, педагогического и медицинского характера.

Исследование социально-психологической природы генезиса отклоняющегося поведения позволяет совершенствовать систему воспитания и обучения детей, особенно в плане организации процесса социализации, социальной перцепции и ориентации, что, в свою очередь, позволит растущему человеку глубже осознать индивидуальную и общественную значимость учебно-трудовой деятельности. Ранняя психодиагностика отклоняющегося социального поведения несовершеннолетних позволит предпринять адекватные психолого-педагогические меры его предупреждения и предотвращения. Раскрытие особенностей генезиса формирования антиобщественной установки позволит разработать методы ранней диагностики и профилактики педагогической запущенности детей, правонарушений и преступности несовершеннолетних и дать ряд практических рекомендаций для эффективной организации деятельности педагогов образовательных школ и сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних.

Знание закономерностей формирования и функционирования антиобщественной установки в определенной мере поможет воспитателям, педагогам и сотрудникам воспитательных колоний для несовершеннолетних, а также преподавателям на курсах повышения квалификации сотрудников поставить на правильную научно-методическую основу процесс исправления несовершеннолетних преступников и осужденных.

Исследования показывают, что под воздействием неблагоприятных условий жизни первоначально, как правило, происходит формирование отрицательных навыков поведения. Чаще всего это происходит как подражание отрицательному примеру взрослых и сверстников – подростки пьют, курят, живут половой жизнью и т. д. Постепенно укореняясь, со временем эти отрицательные навыки становятся привычным поведением. Такое поведение создает определенную направленность интересов – они все больше

приобретают характер примитивных, грубых влечений (к алкоголю и т. д.).

Появляется свой круг знакомств, где они чувствуют себя равными, где их понимают с полуслова, где есть кому рассказать о своих похождениях и оценить их «героизм». Создается такая атмосфера, которая является самой благоприятной почвой для формирования и развития нравственно-распущенного поведения. В исследовании установлено, что типичной чертой, характеризующей личность с отклоняющимся поведением, является отсутствие у него необходимых моральных устоев и в то же время – наличие собственной морали.

Что касается системы субъектов, обеспечивающих психолого-педагогическое воздействие на несовершеннолетних правонарушителей, то она имеет довольно объемную количественную характеристику. В этой системе можно выделить специальные субъекты, основной задачей которых является решение проблем, связанных с воспитанием и исправлением несовершеннолетних правонарушителей: комиссии по делам несовершеннолетних в администрациях районов; инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел; приемники-распределители для несовершеннолетних; воспитательные колонии; общественные воспитатели, шефы.

К этой системе относятся все остальные органы, общественные организации, педагогические коллективы образовательных организаций, семья, отдельные граждане, которые, наряду с другими функциями, выполняют также функцию воспитания и исправления несовершеннолетних правонарушителей.

На практике довольно часто встречаются факты, когда исправлением подростка занимаются одновременно многие лица: шеф, общественный воспитатель, учитель, руководитель спортивного или технического кружка, сотрудники полиции и др. А победителем в борьбе за подростка становится его сверстник, побывавший в колонии, или взрослый подстрекатель.

Налицо педагогическая безграмотность, психологическая неподготовленность огром-

ного отряда субъектов, робко пытающихся противопоставить правонарушителям свои моральные устои. Причина заключается в том, что мы не располагаем полной информацией об объекте воздействия. Кроме того, мы знаем, что надо делать, но не знаем, как делать. В свое время А. С. Макаренко обращал внимание на необходимость приобретения специальных знаний и опыта для работы с трудновоспитуемыми подростками.

Многие ученые, в том числе и юристы, справедливо отмечают главенствующую роль педагогики, психологии в организации исправления несовершеннолетних правонарушителей. К сожалению, пока не всегда удается своевременно изучить механизм антиобщественного поведения. Не хватает специальных знаний. Известно, что значительную роль по исправлению трудных подростков и оздоровлению обстановки в неблагополучных семьях должны играть инспекции по делам несовершеннолетних. В то же время ни одно высшее учебное заведение не ведет подготовку специалистов этого сложного участка деятельности органов внутренних дел. Как правило, не хватает специалистов-психологов и социальных педагогов в воспитательных колониях [7; 8].

Заключение

С проблемами исправления подростков, организации работы с неблагополучными семьями сталкивается буквально каждый учитель, каждый следователь. Тем не менее должного внимания этим вопросам не уделяется в программах подготовки педагогов и юристов. Необходимо, на наш взгляд, найти выход из сложившегося положения и начать читать во всех педагогических и юридических вузах цикл лекций «Психологические особенности социально и педагогически запущенных подростков» для студентов старших курсов, а также предусмотреть прохождение практики в инспекциях по делам несовершеннолетних.

Определенная часть несовершеннолетних страдает различного рода психическими заболеваниями. На этой почве ими совершаются иногда опасные преступления. Возникла необходимость вплотную прибли-

зить медицину к работе по предупреждению правонарушений со стороны подростков с аномалиями психического развития.

Эффективность как ранней профилактики антиобщественных проявлений среди несовершеннолетних и молодежи, так и социального восстановления правонарушителей, преступников и осужденных во многом зависит от раскрытия социально-психологической природы процесса социопатогенеза личности и особенно того его периода, когда латентно созревают неблагоприятные личностные свойства и качества, в дальнейшем легшие в основу установок на антиобщественное поведение. Поэтому диагностику особенностей генезиса отклоняющегося поведения, генезиса формирования, развития, проявления и смены антиобщественных установок следует считать необходимым социально-психологическим условием раннего предупреждения педагогической запущенности детей и преступности несовершеннолетних.

Одним из главных факторов эффективности процесса исправления правонарушителей является формирование у них положительных взаимоотношений в процессе их общественной и трудовой деятельности, а также в процессе обучения. Организация общественной деятельности должна отличаться систематичностью, разносторонностью, содержать элементы эмоциональной привлекательности. Эффективность трудовой деятельности значительно возрастает, если она организуется с опорой на актуальные и значимые для подростков мотивы (приобрести престижную профессию, повысить производственный разряд и т. д.), что дает возможность воспитать у них позитивное отношение к труду, проявить свои склонности и способности, самоутвердиться социально значимыми средствами и способами. Достижение высоких результатов в процессе обучения возможно при максимальной воспитательной нагрузке каждого урока, насыщении его элементами дифференцированного и проблемного обучения. При этом должно осуществляться разумное сочетание индивидуальных, групповых и коллективных форм организации обучения, всячески

поощрять внимание подростков друг к другу, коллективу.

Любая деятельность человека нуждается в информации об объекте, на который направлена деятельность, и его окружении.

Психология, педагогика должны вооружить практику глубокими знаниями в деле воспитания и исправления несовершеннолетних, определить наиболее эффективные пути совершенствования этой работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. М., 1842–1895.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 56 т. Т. 33. М., 1969. 466 с.
3. Ерофеева М. А., Харламова Д. А. Подготовка будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних к профилактике вовлечения подростков в деструктивные интернет-сообщества. Москва. 2024.
4. Сухомлинский В. А. Педагогический коллектив средней школы. М., 1958. 207 с.
5. Митькина А. В. Семейное воспитание: традиции и новации // Нижегородское образование. 2009. № 1. С. 138–142.
6. Островская Л. В., Литвишков В. М., Вилкова А. В. и др. Культуросообразные системноценностные основы, влияющие на стабильное состояние организма человека в условиях изменения климатических факторов // Российский научный журнал. 2013. № 3 (34). С. 137–142.
7. Вилкова А. В. Асоциальная семья как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 116–119.
8. Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Образовательная система как совокупность элементов образовательной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Антропология. 2024. № 2 (14). С. 4–8.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. Complete Works in 50 volumes. Moscow, 1842–1895. (In Russ.)
2. Lenin V. I. Complete Works. In 56 volumes. Vol. 33. Moscow, 1969. 466 p. (In Russ.)
3. Erofeeva M. A., Kharlamova D. A. Training Future Employees of Juvenile Affairs Departments to Prevent Teenagers from Getting Involved in Destructive Online Communities. Moscow. 2024. (In Russ.)
4. Sukhomlinsky V. A. Teaching Staff of the Secondary School. Moscow, 1958. 207 p. (In Russ.)
5. Mitkina A. V. Family Education: Traditions and Innovations // Nizhny Novgorod Education. 2009. No. 1. P. 138–142. (In Russ.)
6. Ostrovskaya L. V., Litvishkov V. M., Vilkova A. V., et al. Culture-conforming system-value foundations influencing the stable state of the human body in the context of changing climatic factors // Russian Scientific Journal. 2013. No. 3 (34). P. 137–142. (In Russ.)
7. Vilkova A. V. Asocial family as a socio-pedagogical reason negatively influencing the development of moral values of adolescents who commit offenses // The world of politics and sociology. 2013. No. 10. P. 116–119. (In Russ.)
8. Polyakova Ya. N. Educational system as a set of elements of educational activity in the penal system // Anthropology. 2024. No. 2 (14). P. 4–8. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ю. Ю. Тищенко, кандидат юридических наук.

Information about the author:

Yu. Yu. Tishchenko, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 26.09.2025.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 26.09.2025.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, педагогических и филологических наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);

- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Вестник Уфимского юридического института МВД России», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи)
в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.
Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.
Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».
Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____
Электронный вариант статьи на ____ страницах прилагается.
Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА